This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Slav 4346 .3

Harvard College Library

VE RI TAS
HARVARDIANA ET IN NOV·ANG ACADEMIA CHRISTO ECCLESIAE

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

БЕЗПЛАТНОЕ
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
* НОВЫЙ МІРЪ *

ТОВАРИЩЕСТВО М. О. ВОЛЬФЪ

* БИБЛІОТЕКА *
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

* КНИГА II * 1900 ГОДЪ. *

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1900

Digitized by Google

Slav 4346.7.3

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
APR 23 1938

Дозволено цензурою. Спб. 2-го марта 1900 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

Digitized by Google

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

Все чудо изъ чудесъ, куда ни погляди!
Каковъ же Феинъ былъ дворецъ, признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичъ самъ.
Н. Дмитріевъ.

Я сберегла тебѣ невинныхъ устъ лобзанье.
«Манцениль». *Туманскій.*

Работа спѣла. Между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, встало въ нѣсколько дней дивное зданіе, какого ни одна страна, кромѣ Россіи, не производила, и какое могъ только произвесть суровый сѣверъ нашъ съ помощью жестокой зимы 1740 года. Все зданіе было ъ воды. Фундаментъ клался изъ воды; стѣны, кровля, кла, украшенія выводились изъ нея же; все спаяваь водою; вода принимала всѣ формы, какія угодно ю затѣйливому воображенію дать ей. И когда солнце вернуло свои лучи на этомъ ледяномъ домѣ, онъ

Digitized by Google

казался высѣченнымъ изъ одного куска сапфира, убраннаго фигурами изъ опала.

Современникъ этихъ ледовитыхъ затѣй, почтеннѣйшій *Георгъ Вольфгангъ Крафтъ*, оставилъ *для охотниковъ до натуральной науки* подробное описаніе дома [1]. Не желая лишить г-на Крафта достойной славы, или, лучше сказать, боясь вступить съ нимъ въ состязаніе, предоставляю ему самому говорить на нѣмецкій ладъ о способѣ постройки, расположеніи и украшеніяхъ любопытнаго зданія [2].

«Самый чистый ледъ, наподобіе большихъ квадратныхъ плитъ, разрубали, архитектурными украшеніями убирали, циркулемъ и линейкою размѣривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали и каждый рядъ водою поливали, которая тотчасъ замерзала и вмѣсто крѣпкаго цемента служила. Такимъ образомъ чрезъ краткое время построенъ былъ домъ, который былъ длиною въ 8 саженъ, шириною въ 2 сажени съ половиною, а вышиною вмѣстѣ съ кровлею въ 3 сажени.

«Напереди передъ домомъ стояло шесть ледяныхъ точеныхъ пушекъ, которыя имѣли колеса и станки

---

[1]) Въ книжицѣ, нынѣ довольно рѣдкой и извѣстной подъ названіемъ: *Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санктпетербургѣ, въ Генварѣ 1740 года, ледянаго дома и всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ, съ приложенными притомъ грыдированными фигурами, также и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей въ 1740 году во всей Европѣ жестокой стужѣ, сочиненное для охотниковъ до натуральной исторіи чрезъ Гео[р] Вольфганга Крафта, С.-Петербургской Императорской Акаде[міи] Наукъ члена и физики профессора.—Печатано при Императорс[кой] Академіи Наукъ, 1741.*

[2]) *Не охотники до натуральной науки* могутъ пропустить тек[стъ] г-на Крафта.

Digitized by Google

ледяные жъ, что и о всемъ послѣдующемъ разумѣть должно, развѣ что не ледяное случится, о чемъ именно упомянуто будетъ. Пушки величиною и размѣромъ противъ мѣдныхъ трехфунтовыхъ сдѣланы и высверлены были. Изъ оныхъ пушекъ неоднократно стрѣляли; въ каковомъ случаѣ кладено въ нихъ пороху по четыре фунта, и притомъ посконное или желѣзное ядро заколачивали. (Такое ядро нѣкогда въ присутствіи всего императорскаго придворнаго штата, въ разстояніи 60-ти шаговъ, доску, толщиною въ два дюйма, насквозь пробило). Еще жъ стояли въ томъ же ряду съ пушками двѣ мортиры. Оныя сдѣланы были по размѣру мѣдныхъ мортиръ противъ двухпудовой бомбы [1]). Напослѣдокъ въ томъ же ряду у воротъ стояли два дельфина. Сіи дельфины помощію насосовъ огонь отъ зажженной нефти изъ челюстей выбрасывали, что ночью пріятную потѣху представляло. Позади помянутаго ряду пушекъ и мортиръ, сдѣланы были около всего дому изъ ледяныхъ балясъ изрядныя перила, между которыми, въ равномъ разстояніи, четвероугольные столбы стояли. Когда на оный домъ изъ близи смотрѣли, то съ удовольствіемъ видна была вверху на кровлѣ четвероугольными столбами и точеными статуями украшенная галлерея, а надъ входомъ преизрядной фронтишпицъ, въ разныхъ мѣстахъ статуями украшенный. Самый домъ имѣлъ дверные и оконишные косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою наподобіе зеленаго мрамора. Въ одномъ же домѣ находились крыльцо и двое дверей; при входѣ были сѣни, а по обѣимъ сторонамъ

[1]) Изъ которыхъ многократно бомбы бросали, причемъ на зарядъ ...до ¼ фунта пороху кладено.

Digitized by Google

покой безъ потолку съ одною только крышею. Въ сѣняхъ было 4 окна, а въ каждомъ покоѣ по 5-ти оконъ, въ которыхъ какъ рамки, такъ и стекла сдѣланы были изъ тонкаго чистаго льду. Ночью въ оныхъ окнахъ много свѣчъ горѣло, и почти на каждомъ окнѣ видны были на полотнѣ писанныя смѣшныя картины, причемъ сіяніе, сквозь окна и стѣны проницающее, преизрядный и весьма удивительный видъ показывало. Въ перилахъ, кромѣ главнаго входа, находились еще двоестороннія ворота и на нихъ горшки съ цвѣтами и съ померанцовыми деревьями, а подлѣ нихъ простыя ледяныя жъ, на которыхъ сидѣли птицы, что все из рятнымъ мастерствомъ сдѣлано было.

«Наружное, прочее сего дому украшеніе состояло въ слѣдующихъ вещахъ. На всякой сторонѣ, на пьеде сталѣ съ фронтишпицемъ поставлено было по 4-угольной пирамидѣ. Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя сзади отъ дому входъ имѣли. На каждой оныхъ сторонѣ высѣчено было по круглому окну, около которыхъ снаружи размалеванныя часовыя доски находились, а внутри осьмиугольный бумажный большой фонарь (со множествомъ зажженныхъ свѣчей) висѣлъ, у котораго на каждой сторонѣ всякія смѣшныя фигуры намалеваны были. Оный фонарь находившійся внутри потаенный человѣкъ вкругъ оборачивалъ, дабы сквозь каждое окно изъ помянутыхъ фигуръ одну за другою смотрители видѣть могли. По правую сторону дома изображенъ былъ слонъ въ надлежащей его величинѣ, на которомъ сидѣлъ персіанинъ съ чеканомъ въ рукѣ, а подлѣ его два персіанина въ обыкновенной человѣческой величинѣ стояли. Сей слонъ внутри былъ пустъ и такъ хитро сдѣланъ, что днемъ

Digitized by Google

воду, вышиною въ 24 фута, пускалъ, которая изъ близъ находившагося канала адмиралтейской крѣпости трубами проведена была; а ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрящихъ, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, каковый голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ. Третіе, на лѣвой сторонѣ дома, по обыкновенію сѣверныхъ странъ, изо льду построена была баня, которая, казалось, будто бы изъ простыхъ бревенъ сдѣлана была, и которую нѣсколько разъ топили, и дѣйствительно въ ней парились.

«Теперь посмотримъ, какимъ образомъ убраны были покои. Въ одномъ изъ нихъ, на одной половинѣ стоялъ уборный столъ, на которомъ находилось зеркало, нѣсколько шандаловъ со свѣчами, которыя, по ночамъ, будучи нефтью намазаны, горѣли; карманные часы и всякая посуда, а на стѣнѣ висѣло зеркало. На другой половинѣ видны были преизрядная кровать съ завѣсомъ, постелью, подушками и одѣяломъ, двое туфли, два колпака, табуретъ и рѣзной работы комель, въ которомъ лежащія ледяныя дрова, нефтью намазанныя, многократно горѣли. Въ другомъ покоѣ, по лѣвую руку, стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса сквозь свѣтлый ледъ видны были. Сверхъ сего, на столѣ, въ разныхъ мѣстахъ, лежали для игранія примороженныя карты. Подлѣ стола по обѣимъ сторонамъ стояли рѣзной ...боты два долгіе стула, а въ углахъ двѣ статуи. ... правую руку стоялъ рѣзной угольной поставецъ ...разными небольшими фигурами, а внутри онаго ...ла точеная посуда, стаканы, рюмки и блюда съ ...паньемъ. Всѣ оныя вещи изо льду сдѣланы

Digitized by Google

и приличными натуральными красками выкрашены были».

Назначенъ былъ государынею день для осмотра ледяного дома; ей пріятно было видѣть, какъ исполнили ея мысль, и — вмѣстѣ забыться, хотя на нѣсколько минутъ, отъ душевной и тѣлесной болѣзней, ее осаждавшихъ. А что бы очарованіе зрѣлища было сильнѣе, положено было смотрѣть домъ ночью, при освѣщеніи.

Весь Петербургъ поднялся на ноги, или заставилъ двигаться ноги своихъ лошадей; со всѣхъ концовъ его тянулись нити пѣшеходовъ и ряды экипажей. Старики будто умылись живой водой и, схвативъ свою старость въ охапку, бѣжали къ фокусу общаго любопытства; дѣти вцѣпились въ полу отцовскаго кафтана, влеклись за толпою. Остались въ домахъ недвижный больной или мать съ груднымъ младенцемъ, боявшаяся подвергнуть его опасностямъ народной тѣсноты, или слѣпецъ, которому воображеніе замѣняло и зодчихъ, и живописцевъ, и самыя чудеса природы; но и тѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разсказовъ о чудномъ ледяномъ домѣ. Забыты нужды, голодъ, страхъ бироновскаго имени и казни.

Выступивъ изъ мрака ночи съ своими огнями, «Ледяной домъ» сіялъ металлическимъ блескомъ и далеко бросалъ отъ себя свѣтъ на луговую линію, очертивши имъ пестрый полукругъ лицъ и ногъ; площадь казалась вымощенною верхушками головъ. Нерѣдко усиленный крикъ ледяного слона, или огненный фонтанъ, бившій изъ хобота его, или новая смѣшн фигура на окнахъ, заставляли зрителей вторгаться черту, заказанную слободскими десятскими и сотски Русскія остроты сыпались часто подъ русскою палк

Digitized by Google

— Посмотри, братецъ,—говорилъ одинъ,—на первой картинѣ нѣмецъ въ трехугольной шляпенкѣ, въ изодранномъ кафтанишкѣ, худой, какъ спичка, бредетъ со скребницей и щеткой въ рукѣ, а на послѣдней картинѣ разжирѣлъ, аки боровъ; щеки у него словно пышки съ очага; ѣдетъ на бурой кобылкѣ, на золотомъ чепракѣ, и бьетъ всѣхъ направо и налѣво обухомъ.

— Эка простота!—возражалъ другой:—тамъ входилъ онъ на Русь пѣшкомъ, а тутъ гуляетъ по ней верхомъ; тамъ, вишь, онъ чистилъ лошадку, а здѣсь ѣдетъ на чищенной.

— Ванька, а Ванька! это что за изба?—спрашивалъ одинъ.

— Баня,—былъ отвѣтъ.

— Для нашихъ парильщиковъ не тѣсненька ли, Семенъ Кондратьевичъ?—спрашивалъ третій.

— Напрасно и строить трудились,—примолвилъ четвертый:—у насъ въ Питерѣ на всякомъ мѣстѣ готова баня.

— Э! господинъ десятскій, поберегите для переду свой вѣничекъ; здѣсь, на морозѣ, негоже поддавать пару....

— Ступайте мимо, господинъ сотскій; видишь, мы-ста сами стоимъ впереди тысячи.

— Слышь? ледяной слонъ кричитъ!

— И камни вопіютъ во времена тяжкія,—произ..ъ какой-то книжникъ важнымъ, поучительнымъ ..омъ.

Такимъ образомъ наши Бомарше съ бородками, ..ощадные цензоры своего времени, тѣшили вдоволь ..за и языки свои. Казалось, они остротами отмщали

Digitized by Google

на комъ могли свою бѣдность и униженіе, и согрѣвались отъ жестокаго, задушавшаго мороза.

— Государыня, государыня!—закричали сотскіе, и все замолкло благоговѣйною тишиной.

Заскрипѣлъ снѣгъ, тиснутый сотнями подковъ, зашипѣлъ онъ отъ множества порѣзовъ; показался эскадронъ гусаръ и вслѣдъ затѣмъ сани государыни, за коими тянулся рядъ экипажей. Изъ «Ледяного дома» выступило нѣсколько придворныхъ на крыльцо и впереди всѣхъ Волынскій. Когда сани поровнялись съ нимъ, онъ былъ подозванъ къ ея величеству. Она изволила милостиво разспрашивать его объ устройствѣ дома и смѣялась очень карикатурнымъ изображеніямъ, часто перемѣнявшимся на окнахъ. Кабинетъ-министръ давалъ замысловатыя объясненія. Вдругъ, при одной перемѣнѣ, кто-то за санями государыни вскричалъ съ сердцемъ:

— Глупость, достойная своего творца!... Чрезвычайно глупо!...

Голосъ, произнесшій эти слова, былъ Бироновъ; нельзя было въ томъ ошибиться ни императрицѣ, ни окружавшимъ ее. Она вздрогнула отъ неожиданности ихъ, нахмурила брови и съ гнѣвомъ сказала:

— Не знаю, на чьей сторонѣ глупость!...

Это было первое важное, немилостивое обращеніе къ Бирону, которое она позволила себѣ съ тѣхъ поръ, какъ его знала. При этомъ обращеніи она взглянула назадъ; пылающій взоръ ея любимца, стоявшаго у ней на запяткахъ, дерзко встрѣтилъ ея взглядъ.

Задыхаясь отъ досады, государыня продолжала относиться къ кабинетъ-министру:

Digitized by Google

— Растолкуйте мнѣ, мой любезный Артемій Петровичъ, чтобы такое значили эти картины?

Онѣ не могли быть загадкою для посвященныхъ въ таинства Бироновыхъ продѣлокъ. На картинахъ представлено было: 1-е) сцена замораживанія Горденки, снятая какъ-бы съ натуры; 2-е) сцена на Невѣ, гдѣ является привидѣніе, чтобы отнять ледяной трупъ у конюховъ; 3-е) маскарадные герои на Волковомъ полѣ, и 4-е) самоубійство Гроснота.

— Ваше величество,—отвѣчалъ Волынскій,—изволите, конечно, помнить, что, выѣзжая изъ манежа герцогскаго, замѣтили ледяную статую на маленькомъ дворѣ у конюшенъ его свѣтлости.

— Помню.

— Именно эта статуя подала вашему величеству мысль сдѣлать «Ледяной домъ», котораго быть строителемъ я удостоенъ вами. И потому я хотѣлъ сохранить въ картинѣ происшествіе, давшее ему начало. Настоящую ледяную статую я постарался достать и перенесъ въ одну изъ комнатъ, которыя буду имѣть счастіе вамъ показывать. Прочія картины—вымыселъ живописца.

— Очень благодарна за ваше намѣреніе, и если вы сдѣлали глупость, какъ угодно сказать *иному*, то я первая подала вамъ къ ней поводъ. Раздѣляю вмѣстѣ съ вами силу гнѣва его свѣтлости, хотя, впрочемъ, не понимаю причины ея.

Иронія замѣтна была въ самомъ голосѣ государыни.

— Время, конечно, объяснитъ, почему такъ не .вится его свѣтлости эта ледяная игрушка,—отвѣ-ъ торжествующій Волынскій.

Digitized by Google

— Да, время!... — произнесъ Биронъ, въ замѣшательствѣ, не зная самъ, что говоритъ.

Онъ бормоталъ еще непонятныя слова, когда почувствовалъ, что кто-то сзади дергаетъ его за рукавъ шубы, и—остановился, чтобы посмотрѣть, кто осмѣлился быть такъ дерзкимъ. Блѣдное, вытянутое лицо, взоры, бросавшіе отъ себя фосфорическій блескъ, двигающіяся взадъ и впередъ орангутановыя уши, поразили его. Это былъ Липманъ. Осторожный Липманъ не придетъ безъ важной нужды тормошить его за санями государыни. Это подтверждаетъ и отчаяніе, выражающееся во всей его наружности, судорожно исковерканной. Биронъ соскочилъ съ запятокъ и, на шепотъ своего клеврета, исчезъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ будто потонулъ въ камскомъ мохѣ.

Государыня слышала, что герцогъ соскочилъ съ запятокъ вздрогнула, испуганная и смущенная этимъ движеніемъ, предвѣщавшимъ что-то необыкновенное, склонила взоры и глубоко задумалась... Наступило мертвое молчаніе. Самый слонъ замолкъ. Сани ея не двигались; у саней—Волынскій, вокругъ—придворные кавалеры, впереди—эскадронъ гусаръ, сзади—множество экипажей, вдали — толпы народныя стояли на одномъ мѣстѣ. Волшебное зрѣлище представлялъ тогда этотъ ледяной дворецъ, одинъ, посреди ночи, потѣшающійся огнями своими, эта царица, казалось, на вѣки усыпленная въ зимнемъ экипажѣ, эти кони, воины, дворъ, народъ около нея, на снѣжномъ полотн убѣленные морозомъ—все это будто въ саванахъ, не подвижное, нѣмое, мертвое—и вдали кругомъ мрачны здания, выглядывающія съ своими снѣжными крышам изъ-за ограды этой сцены! Къ довершенію очаровані

Digitized by Google

стали носиться по воздуху полосы тумана, какъ-бы невидимые духи устраивали надъ царицей дымчатый пологъ.

Но слонъ вскрикнулъ, государыня встрепенулась, и все вновь ожило. Она велѣла тронуть сани, а Артемію Петровичу стать позади себя. Изволили разъ проѣхать мимо слона, возвратились назадъ и пожелали видѣть внутренность дома.

Между тѣмъ Биронъ, разъяренный, рыскалъ въ немъ, предшествуемый однимъ Липманомъ.

— Не можетъ быть!—говорилъ Биронъ, пыхтя отъ злобы,—неужели они эту поганую штуку сыграли? Правда-ли?... Кто тебѣ далъ знать?...

— Племянникъ!—отвѣчалъ Липманъ,—племянникъ не солжетъ... вы сами знаете...

— Гдѣ-жъ?... Вотъ здѣсь...

Съ этимъ словомъ вошли они въ комнату, гдѣ стояли часы и лежали карты на столѣ. Съ одной стороны въ углу купидонъ съ дубинкою на плечѣ, вытянулся какъ бы на караулъ; съ другой стороны другой ледяной купидонъ, прислонясь къ окну, держалъ палецъ правой руки на губахъ, а лѣвой рукою предлагалъ рогъ изобилія, желая, конечно, дать знать, что скромность доставляетъ богатство и прочіе дары фортуны. Тутъ, до сихъ поръ, не было ничего, что могло возбудить гнѣвъ его свѣтлости. Но въ переднемъ углубленіи, сдѣланномъ наподобіе стоячаго гроба, позади стола, выступилъ... человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ ертвеца, въ обледенѣлой рубашкѣ, босой... Онъ держалъ бумагу въ дрожащей рукѣ. Казалось, только о облили его на морозѣ; струи еще слегка спадали ледяныхъ сборовъ его рубашки; по лицу его выпали капли предсмертнаго пота.

Digitized by Google

— Опять онъ!... И вездѣ онъ!... — вскричалъ съ ужасомъ Биронъ.

Какъ не ужасаться было ему! По сотнѣ душъ отправлялъ онъ ежегодно въ Елисейскія поля, и ни одинъ мученикъ не возвращался съ того свѣта, чтобы преслѣдовать его. А тутъ, вездѣ за нимъ неотступно проклятый малороссіянинъ! Да дастъ-ли онъ ему, въ самомъ дѣлѣ, покой? Странно!... никого столько не боится Биронъ; на этомъ предметѣ скоро сведутъ его съ ума.

Онъ замахнулся тростью, чтобы ударить ненавистную фигуру, но та погрозила на него... Трость невольно опустилась, и ледяной потъ выступилъ на челѣ самого временщика. Съ минуту стоялъ онъ, дрожа отъ страха и гнѣва; потомъ одумавшись, захохоталъ, вновь замахнулся въ ярости на мертвеца и... и разбилъ ледяную статую въ дребезги. Упали передъ нимъ маска и рука; эта, зацѣпившись за его шубу, казалось не хотѣла пустить его отъ себя. Липманъ съ трудомъ отодралъ ее; загнувшіеся концы проволоки, которая была въ нее вдѣлана, впились крѣпко въ бархатъ шубы. На мѣстѣ, откуда рука приводилась въ движеніе, осталось небольшое отверстіе съ Невской набережной.

Пока Биронъ сбивалъ съ своей шубы куски льду, ее облѣпившіе, какъ бы стиралъ брызги крови, наперсникъ его вырвалъ бумагу, подалъ ее и торопливо сталъ рыться въ кускахъ по полу, боясь, не скрыв-лось-ли еще какой въ нихъ штуки. Бѣгло взглянул герцогъ на бумагу, на которой и прочелъ:

«Государыня! я малороссійскій дворянинъ Горденк живой замороженъ за то, что осмѣлился говори

правду; тысячи, подобно мнѣ, за нея измучены, и все по волѣ Бирона. Народъ твой страдаетъ. Допроси обо всемъ кабинетъ-министра Волынскаго, и облегчи тяжкую участь твоей Россіи, удаливъ отъ себя злодѣя и лицемѣра, всѣмъ ненавистнаго.»

Судорожно скомкавъ бумагу—за пазуху ее, потомъ спросилъ торопливо:

— Куда мы это все?

Послышался шумъ позади ихъ... оба вздрогнули. Кто-то вошелъ—это былъ Кульковскій. Будто по чутью, онъ угадалъ, что нуженъ первому человѣку въ имперіи, и явился *при* немъ.

— Кстати, любезный!—сказалъ Биронъ, обратясь къ пажику, — убери съ Липманомъ все это скорѣе... куда хочешь... хоть въ свои карманы. По одной милости за каждый кусокъ!

Не дожидаясь окончанія рѣчи своего патрона, Кульковскій—ну убирать куски льду то въ карманы, то за пазуху, то въ ротъ... Послѣднее дѣлалъ онъ единственно, чтобы показать, до какой степени онъ приверженъ къ первому человѣку въ имперіи. Онъ успѣлъ вынести въ два раза кучки льду за уголъ дома, спугнуть стоявшаго тамъ недоброжелателя, приводившаго въ движеніе статую, очистить мѣсто, гдѣ разбросанъ былъ ледъ, и мокрый, прохваченный морозомъ, непримѣтно вмѣшаться въ свиту государыни, входившей въ ледяной домъ. Какъ не сказать при этомъ случаѣ: сокое самоотверженіе, *«достойное римлянина!»*—выкеніе, которымъ любилъ щеголять самъ Биронъ, да жертвовали выгодами своего отечества личной ьзѣ его.

Государыня обошла весь домъ, во всѣхъ отдѣле-

ніяхъ останавливалась и изволила разсматривать каждую вещь съ большимъ вниманіемъ (но не спрашивала уже о ледяной статуѣ, какъ будто боялась черезъ нее новаго оскорбленія...). За все благодарила Артемія Петровича въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и не только на немъ, но и на друзьяхъ его старалась показать свое отличное къ нему благоволеніе. Партія Волынскаго торжествовала.

Когда императрица вышла изъ дому, густой туманъ налегъ на землю, такъ что за нѣсколько шаговъ нельзя было ничего видѣть. Повременамъ мелькали то голова лошадиная, то хвостъ, то воинъ, плывущій будто по воздуху, то сани безъ коней, несущіяся какъ бы волшебною силою, то палашъ, мгновенно змѣйкою блеснувшій. Большія огненныя пятна (отъ свѣту изъ домовъ), какъ страшныя очи привидѣнія, стояли въ воздухѣ; по разнымъ мѣстамъ мелькали блудящіе огоньки (отходившихъ съ фонарями). Невидимыя лошади фыркали и ржали; невидимые бичи хлопали. Подаваемыя къ разъѣзду сани во мглѣ тумана сцѣплялись съ санями; несли лошади, испуганныя и застоявшіяся на морозѣ. Суета полиціи, крикъ кучеровъ, стонъ задавленныхъ, трескъ экипажей, представляли совершенный хаосъ.

— Боже! что это?... Господи помилуй! — сказала испуганная императрица крестясь; обратилась назадъ, искала кого-то смутными глазами, силилась закричать:— Артемій Петровичъ, вырвите меня изъ этого ада!—но произнесла эти слова осипшимъ отъ страха голосо

Волынскаго не было около нея; видя, что госу рыню сопровождаютъ его друзья, онъ остановился княжной Лелемико и... забылся. Герцогъ курлянд

успѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и слѣдилъ императрицу. Она обратила на него умоляющіе взоры.

— Будьте спокойны, ваше величество,—произнесъ онъ голосомъ глубочайшей преданности,—вы найдете меня всегда возлѣ себя, когда жизнь ваша въ опасности...

— Жизнь моя? въ опасности?... ради Бога, не отходи отъ меня!

Она схватила его крѣпко за руку, и съ этой минуты до самаго дворца не покидала ее.

Къ подъѣзду подали сани государыни, окруженныя множествомъ факеловъ.

— Да — это гробъ! это похороны!... меня живую хотятъ похоронить!...—вскричала Анна Іоанновна, еще болѣе перепуганная этимъ зрѣлищемъ и готовая упасть въ обморокъ.

— Прочь факелы! кто это вамъ велѣлъ?...—грозно вскрикнулъ герцогъ.

Въ толпѣ придворныхъ послышался голосъ:

— Его превосходительство, Артемій Петровичъ Волынскій.

Эти роковыя слова успѣли долетѣть до ушей императрицы.

— Кто бы ни былъ, все безразсудно!—воскликнулъ Биронъ.

Изъ лукаваго раба онъ воспрянулъ снова дерзкимъ повелителемъ.

Явился Волынскій, но государыня уже не видѣла

По приказанію герцога, пажи принесли фонари,

, почти въ безпамятствѣ, снесли въ сани и пере-

и во дворецъ.

дѣлалась суматоха между придворными; каждый

илъ во дворецъ къ своей должности, или домой,

Digitized by Google

каждый думалъ о себѣ, испуганныя гофъ-дѣвицы нашли услужливыхъ кавалеровъ, которые усадили ихъ въ экипажи или взялись проводить, куда нужно было. Маріорица ничего не боялась — *онъ* былъ подлѣ нея. Волынскій кричалъ ея экипажъ; но никто не отозвался; подруги ея исчезли, прислуга также... И тутъ фатализмъ, и тутъ любовь сдѣлали *свое!* Оставалось Артемію Петровичу проводить княжну пѣшкомъ во дворецъ.

Счастливецъ! онъ тонетъ съ нею во мглѣ тумана; онъ страстно сжимаетъ ея руку въ своей, онъ лобызаетъ эту руку. Разговоръ ихъ — какой-то лепетъ по складамъ, наборъ сладкихъ эпитетовъ и именъ, безсмыслица, краснорѣчивая для однихъ любовниковъ. Не обошлось безъ вопроса, общаго мѣста влюбленныхъ: «*любишь ли ты меня?*» Маріорица не отвѣчала, но Артемій Петровичъ почувствовалъ, что руку его крѣпко, нѣжно прижали къ атласу разъ, еще разъ, что подъ этимъ атласомъ сердце то шибко билось, то замирало.

Ноги ихъ идутъ безъ всякаго направленія; они идутъ, потому что разъ приведены въ движеніе. Вся мысль влюбленныхъ въ ихъ сердцѣ; лучше сказать, у нихъ нѣтъ мысли—они только чувствуютъ себя другъ въ другѣ; чувство упоенія поглотило все ихъ бытіе.

Онъ обхватилъ ея станъ изъ-подъ распахнувшейся шубы и колеблющуюся тихо привлекъ къ себѣ. На уста его пышетъ огонь съ ея лица; невѣдомо какъ, они встрѣчаютъ другія горящія уста, и Волынскій выпиваетъ до дна сладкій, томительный поцѣлуй...

Этотъ поцѣлуй разбѣжался тысячами по всему с ществу Маріорицы, она вся—пылающій поцѣлуй.] жарко, ей душно на морозѣ... Шуба сползла плечъ Волынскаго; онъ не останавливается за нѐ

Digitized by Google

Они забыли время, дворецъ, государыню, цѣлый міръ. Кто знаетъ, долго ли они, какъ сумасшедшіе, блуждали бы близъ дворца, когда бы всего этого не напомнилъ имъ окликъ часового. Встревоженные, они какъ бы пробудились отъ сладкаго сна, будто упали съ неба.

Успокоило ихъ нѣсколько, что они находятся у службъ дворцовыхъ. Найти дорогу къ маленькому подъѣзду было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Они входятъ во дворецъ, прокрадываются, какъ преступники; на лицѣ ихъ, кажется, прочтутъ повѣсть ихъ нынѣшняго вечера. Къ счастію, въ коридорѣ дежурный гофъ-лакей дремлетъ, сидя на стулѣ; ни одного пажа, которыхъ лукавство такъ опасно въ подобныхъ случаяхъ! Какъ будто нарочно, никто ихъ не замѣтилъ, никто не попадался имъ на встрѣчу; самыя свѣчи тускло горятъ—иныя ужь и погасли. Видно, весь дворецъ на половинѣ государыниной, озабоченъ ея испугомъ.

Вотъ и комната княжны... Здѣсь, конечно, разстанется съ нею Волынскій, унеся съ собою сладкую добычу любви? Спальня дѣвушки—святилище для посторонняго мужчины: преступникъ уже тотъ, кто входитъ въ нее съ мыслью обольщенія. Время разсуждать объ этомъ безумцу!... Волынскій забылъ все святое... онъ входитъ за Маріорицей. Одинокая свѣча нагорѣла; никого нѣтъ!... Сумракъ и тишина келіи!... Бѣдная дѣвушка дрожитъ, сама не зная отчего: она, какъ робе дитя, упрашиваетъ, умоляетъ его выйти.

— Подари меня еще одной минутой блаженства, *ша моя*, ангелъ мой! — говоритъ онъ, сажая ее на ванъ;—еще одинъ поцѣлуй, и я бѣгу отъ тебя, счаливѣйшій изъ смертныхъ!

Digitized by Google

Онъ сто разъ печатлѣетъ огонь своей страсти на бѣлой шеѣ и плечахъ, на пурпурѣ щекъ, на черныхъ, мягкихъ косахъ, путающихся по лицу его и мѣшающихся съ черными кудрями его волосъ, онъ пожираетъ ее своими лобзаніями.

— Бѣдная Маріорица! слабое существо! она опять все въ мірѣ забыла.

Вдругъ опрометью, запыхавшись, вбѣгаетъ Липманъ и кричитъ, какъ сумасшедшій:

— Княжна! княжна! государыня очень больна.., она васъ давно...

Увидавъ кабинетъ-министра, онъ осѣкся и не зналъ, что начать; однакожъ, скоро оправился и продолжалъ, запинаясь съ увертками кокетки, искоса и насмѣшливо посматривая на гостя:

— Государыня васъ... давно спрашиваетъ... васъ вездѣ ищутъ... я къ вамъ во второй разъ... извините, если я не во время...

Злодѣй опять не договорилъ; ротъ его улыбался до ушей; уши шевелились, какъ у зайца, попавшаго на капусту.

Громовый ударъ, раздробившись у ногъ Волынскаго, не такъ ужаснулъ бы его, какъ появленіе этого лица. Отъ двусмысленныхъ словъ Липмана буря заходила въ груди; онъ вспыхнулъ и—слово: «*бездѣльникъ!*» было привѣтствіемъ оберъ-гофкомисару или оберъ-гофшпіону.

— Не знаю, кого такъ величаетъ его превосходительство, — сказалъ этотъ очень хладнокровно и вс улыбаясь, — по-нашему, это имя принадлежитъ том кто похищаетъ у бѣдняка лучшее его сокровиш Слѣдственно...

Digitized by Google

— Что хочешь ты этимъ сказать, несчастный? — вскричалъ Волынскій, готовясь схватить его за грудь.

Онъ задушилъ бы жида, еслибы не остановилъ его умоляющій взоръ Маріорицы, сложившей руки крестомъ на груди. Этимъ взоромъ она была у ногъ его. На помощь къ ней пришла Волынскому и мысль, что побоищемъ во дворцѣ, въ комнатѣ самой княжны, онъ привлечетъ новый, неискупимый позоръ на голову дѣвушки, и безъ того уже столько несчастной чрезъ него.

Липманъ отпрянулъ назадъ, ближе къ двери, все-таки не теряя присутствія духа и измѣряя свои слова.

— Что я хочу сказать? Гмъ! это, кажется, не имѣетъ нужды въ экспликаціи. То, что я, оберъ-гофкомисаръ, засталъ ваше превосходительство, какъ обольстителя, у любимой гофъ-дѣвицы ея величества... и то, гмъ! что ея величество изволитъ объ этомъ узнать, когда мнѣ заблагоразсудится донести...

— Кто повѣритъ жиду и перекрещенцу? наушнику, негодяю, запачканному въ грязи съ ногъ до головы?

— Улика на-лицо; свидѣтели есть—угодно, позову.

Есть ли слова для того, чтобы изобразить мученіе бѣдной дѣвушки въ состояніи Маріорицы? Какъ низко упала она! ниже, чѣмъ изъ княженъ въ цыганки!... Обрызганная стыдомъ отъ появленія Липмана, сдѣлавшаяся предметомъ ссоры подлаго человѣка съ тѣмъ, кого она любила болѣе всего на свѣтѣ, зная, что честь [illegible] сситъ впередъ отъ одного слова этого негодяя, [illegible] зствовала только позоръ свой и рыдала. О пе[illegible]ѣ къ ней благосклонности государыни, объ уда[illegible] отъ лица ея, о бѣдности и ничтожествѣ—она и [illegible] ала. Но когда вздумала, что другъ ея можетъ

2*

Digitized by Google

пострадать, она забыла стыдъ, вскочила съ своего мѣста и, не давъ Артемію Петровичу говорить,—сказала твердымъ голосомъ:

— Неправда! неправда! онъ невиноватъ; я просила его проводить меня. Хочешь знать болѣе, безжалостный человѣкъ? я люблю его, я сама скажу государынѣ, что я люблю его; я готова объявить это Петербургу, цѣлому свѣту...

— Объявить!... это было бы довольно смѣшно!... Жаль мнѣ васъ очень, княжна!... Знаете ли, ваше сіятельство, *кого* вы удостоиваете своимъ благосклоннымъ вниманіемъ?

Въ словѣ: *кого*, заключалась дьявольская иронія. Подобныя слова отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни у человѣка, на котораго устремлены; онѣ сушатъ сердце, растравляютъ жизнь; воспоминаніе о нихъ поднимаетъ волосъ дыбомъ посреди пирушки, когда ходитъ чаша круговая, пронимаетъ дрожью и въ объятіяхъ любви.

Изступленная Маріорица, вся пылая, судорожно схватила руку Артемія Петровича и только повторила гнѣвно:

— Кого?... Знаю ли я?...

Волынскій дрожалъ отъ униженія, отъ страха, что Липманъ откроетъ тайну его женитьбы, отъ чувства ужаснаго состоянія, въ которое поставилъ Маріорицу, жертвующую для него всѣмъ, что имѣла драгоцѣннѣйшаго на свѣтѣ, дѣвическою стыдливостью, и, б[illegible]ный, уступилъ своему врагу. Онъ молчалъ.

Липманъ повѣсилъ на волоскѣ мечъ надъ го[illegible]й его и игралъ этимъ мечомъ. Онъ продолжалъ съ т[illegible]достью на тотъ же ладъ:

Digitized by Google

— Знаете ли, что его превосходительство не можетъ быть вашимъ мужемъ?

— А почему? — спросила Маріорица уже съ жаднымъ любопытствомъ ревности.

Злодѣй собирался дорѣзать своего врага по суставамъ, зашевелилъ уши въ знакъ торжества; но, поймавъ на лету ужасный взглядъ Волынскаго и движеніе его руки къ огромному мѣдному шандалу, постигнувъ въ этомъ взглядѣ и движеніи вѣрную себѣ смерть, спѣшилъ униженно поклониться и присовокупилъ:

— Но объ этомъ современемъ, когда надобность потребуетъ... Теперь исполнилъ я приказъ ея величества, и будьте увѣрены, что все покуда останется похоронено въ груди моей.

Когда онъ вышелъ, бѣдная, истерзанная Маріорица бросилась въ объятія Артемія Петровича.

— Не любишь ли ты другой? — спрашивала она его.—Не обманываешь ли ты меня? О, говори скорѣй, скорѣй! не два раза умирать.

Онъ утѣшалъ ее, какъ могъ, лгалъ, клялся и, успокоивъ несчастную, мучимую ревностью, снесъ на диванъ; потомъ, поцѣловавъ въ блѣдное чело ея и въ глаза, орошенные слезами, спѣшилъ избавиться отъ новой, мучительной сцены, которую враги его могли бы ему приготовить. Но лишь только онъ изъ комнаты, навстрѣчу ему когорта пажей, подалѣе въ коридорѣ нѣсколько высшихъ придворныхъ и между ними—тор-твующій Биронъ. Они смѣялись... и этотъ адскій хъ, отозвавшись въ сердцѣ Волынскаго, достойно латилъ ему за проступки нынѣшняго вечера.

- Подлецы! — сказалъ онъ такъ, что соглядатаи л слышать это слово, постоялъ минуты съ двѣ

Digitized by Google

противъ нихъ, какъ бы вызывая ихъ на благородный бой, и когда увидѣлъ, что они молчатъ и начали скрываться, пошелъ своей дорогой.

Но какъ идти ему домой безъ шубы? Какъ рѣшиться кабинетъ-министру попросить шубу у какого-нибудь дворцоваго служителя? По какому случаю?... Онъ спрашиваетъ только о своемъ экипажѣ; ему докладываютъ, что сани его пріѣзжали во дворецъ, но такъ какъ его не нашли тамъ нигдѣ, то и отослали ихъ домой. Эйхлеръ, долговязый Эйхлеръ ему на встрѣчу. Онъ не злопамятенъ: сожалѣя, что шубу его превосходительства, вѣроятно, въ экипажѣ его отвезли домой, предлагаетъ ему свою. Отвергнуты съ грубостью услуги племянника Липмана, съ коварствомъ предложенныя, сомнѣнья нѣтъ. Волынскій сходитъ къ малому подъѣзду, рѣшась, однакожъ, завернуть къ одному гофъ-лакею, на скромность котораго надѣется, и взять у него шубу. У подъѣзда стоитъ дѣвушка — она держитъ что-то на рукахъ.

— Вы, Артемій Петровичъ? — говоритъ она ему таинственнымъ голосомъ.

— Я, голубушка; что тебѣ?

— Княжна прислала вамъ свою шубу; ночью никто не видитъ... Я буду здѣсь ждать, пока вы назадъ пришлете.

Среди тяжкихъ чувствъ, обступившихъ Маріорицу, мысли о немъ, заботы о его здоровьѣ, ее не покидали. Лишь онъ пройди цѣлъ и невредимъ сквозь послѣдствія этого несчастнаго вечера, а о себѣ она и не думает она готова открыть грудь свою для всѣхъ стрѣлъ, него устремленныхъ.

Смѣясь, надѣлъ Волынскій шубу Маріорицы, вр

Digitized by Google

чилъ посланницѣ кошелекъ съ золотомъ и просилъ ее сказать, что онъ цѣлуетъ каждый пальчикъ на ногахъ милой, доброй, безцѣнной ея барышни. Дорогой вспоминалъ онъ своихъ пріятелей на Волковомъ полѣ.

На другой день принесли ему шубу изъ полиціи. Домашніе не сказали ему, что къ ней прицѣплена была записка: *плата той же монетой съ герцогскими процентами*.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФАТА

Гляжу я безмолвно на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Пушкинъ.

На другой день толкнулась цыганка во дворецъ; ее не пустили. Грустная шла она домой; но лишь только сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ маленькаго дворцоваго подъѣзда, услышала, что кто-то сзади кличетъ ее по имени. Оглянулась — высокая, неблагообразная женщина манитъ ее своею собачьей муфтой. Маріула остановилась, и съ перваго взгляда на нее припомнила себѣ, что гдѣ-то видѣла это шафранное лицо, къ которому неизмѣнно подобраны были подъ цвѣтъ темно-коричневый платокъ и желтый съ выводами, штофный полушубокъ; эти сѣрые, тусклые глаза, въ которыхъ отражалось кошачье смиреніе, эта голова, поставлен- какъ бы на проволокѣ. Да, именно она видѣла эту ру въ домѣ Волынскаго: это его барская барыня. – Изъ дворца она!... Не узнаю ли чего о моей іорицѣ? — подумала цыганка, и спросила потомъ авшую ее Подачкину, что ей надо.

Digitized by Google

Подачкина перевела духъ, занявшійся отъ скорой ходьбы, сдѣлала головой полукругъ, съ остановками по градусамъ, и, увидѣвъ, что около нихъ нѣтъ никого, отвѣчала, пережевывая гвоздику, будто корова жвачку:

— Мнѣ ничего, покуда Богъ милуетъ; а я за тобой, сударка, для твоего же добра.

— Благодаримъ покорно хотя на пожеланіи; позволь, голубушка, спросить, въ чемъ дѣло?

Словомъ *«голубушка»* примѣтно оскорбилась барская барыня; но она готовилась въ придворныя, и успѣла скомкать кое-какъ досаду въ сердцѣ, обѣщаясь порядкомъ отплатить своимъ гордымъ обращеніемъ, какъ скоро будетъ именоваться госпожею Кульковской.

— Ты, вижу, идешь на Выборгскую сторону, — ласково продолжала она.

— Такъ, на постоялые дворы.

— По дорожкѣ съ нами, любезненькая, по дорожкѣ. О, охъ, нынѣ и сугробы стали каждый годъ больше! Это еще бъ не горе — какъ выйду замужъ, велю непремѣнно очищать ихъ—а то горе, что все на свѣтѣ сдѣлалось хоть брось. Добро бы травы худо росли и морозы вдвое серчали, ужь человѣки, аки звѣри лютые, поѣдаютъ другъ друга, роютъ другъ другу ямы; забыли вовсе Бога,—тутъ барская барыня перекрестилась,—прости, Мать Пресвятая Богородица Тихвинская, что вхожу въ осужденіе!

— Не къ добру эта проповѣдь! — думала Марі...

— Вотъ недалеко ходить: хотѣлъ меня скуп... живую, и съ косточками, —Господь, прости ему согрѣшенія!—хоть бы и Артемій Петровичъ; да В... кая Заступница не дала ругаться надо мной, возне...

Digitized by Google

меня, недостойную, превыше моихъ заслугъ—не знаю, вѣдомо ли тебѣ? — по милости самой матушки Анны Ивановны сочетаюсь въ скорости законнымъ бракомъ съ столбовымъ дворяниномъ. Вѣдь мой Петинька елееле не князь, ходитъ у ручки государыниной и при сучкѣ ея величества, и коли задумаетъ, такъ и самому Волынскому не сдобровать. Потому онъ и пажъ, что всякій передъ нимъ пашъ. Да ужь, матка, если на то пойдетъ, отольются волку овечьи слезки. Во вѣки вѣковъ не затмиться въ головушкѣ моей поношенію... нѣтъ, забудь онъ тогда, что я... — Тутъ наша пиковая дама съ сердцемъ схватила муфту въ одну руку и начала ею замахиваться. — Не извольте дескать, господинъ Волынскій, хорохориться; вѣдь я такая же дворянка, и рядкомъ сяду, таки сяду во дворцѣ съ вашей дрожайшей сожительницей; и царица Анна Ивановна меня жалуетъ своей ручкой, да и сама херцовина, супруга Бирона, допускаетъ меня къ себѣ въ потаенность.

Маріулѣ въ одно и то же время было смѣшно, и досадно, и грустно. Неучтиво кашлянула она раза два, чтобы оборвать прядь ея краснорѣчія; но это не помогло.

— По-моему,—сказала она. — Артемій Петровичъ человѣкъ, какого найти на рѣдкость.

Подачкина, казалось, не слыхала этой похвалы и не останавливаясь продолжала:

Пикни же онъ грубое словечко, я ему глаза царапаю; мой Петинька и сучку царскую выпу-тъ —посмѣй-ка онъ тогда тронуть волоскомъ! А вотъ по нашему съ Бирономъ; да я, Господи прости! скорѣй лишиться добраго имени, пускай назы-

ваютъ меня шлюхой, неумойкой, такой-сякой, коли я не увижу головы врага нашего на плахѣ, а вотъ быть, быть и быть...

Глаза Подачкиной выкатились наружу, голова ея тряслась подъ-ладъ частыхъ движеній муфты, сильнѣе и сильнѣе, скорѣй и скорѣй, вмѣстѣ съ гнѣвомъ ея; шаги ея участились; наконецъ она осипла, залилась, захлебнулась, закашлялась, и стала въ пень посреди снѣжнаго бугра.

— Не знаю, какъ по батюшкѣ величать васъ, добрая госпожа,—но вы не изволили еще ничего сказать мнѣ обо мнѣ, какъ изволили обѣщать.

Важно опираясь на прислугу, вылѣзла изъ сугроба будущая великая особа, а покуда только что длинная, и, отдохнувъ немного, продолжала:

— Не прогнѣвайся, мать моя, и до тебя доберемся. Большому кораблю большое и плаваніе; маленькій подождетъ, пока тотъ отойдетъ. Кажись, вы, цыгане, народъ хитрый, а въ тебѣ я нашла много простоты.

— Оттого, можетъ статься, что я помѣсь съ русскою,—отвѣчала, коварно улыбаясь, Маріула.

— Уйдетъ улыбочка въ пятки, любезненькая, коли я тебѣ поразскажу, какъ и подъ тебя подмываются. А все твой хваленый Волынскій, чтобъ ему пусто было, окаянному — она выплюнула забывшись свою гвоздику.—Мѣстную свѣчу поставлю образу Тихвинской Божьей Матери,—тутъ сотворила большое крестное знаменіе, — Матушка Пресвятая Владычица, не попусти злодѣю долго по землѣ ходить... Ахти, ахт гвоздичка моя! куда я ее дѣвала?

Остановились, начали искать, шарить по снѣгу.

— Не могу безъ гвоздички ходить: сказываю

чума такъ и пашетъ на насъ изъ земли мухаметовой, вотъ откуда княжна Маріорица...

Цыганка нашла гвоздичку въ снѣгу и подала ее. Въ ожиданіи, къ чему приведетъ это смиренное велерѣчіе, терпѣніе ея готово было лопнуть.

— Благодарствую, мать моя, любезненькая! Вотъ, кто бы взялъ на свою душу приводить тебя въ соблазнъ... помогать окаянному!... обездолить, губить сироту, еще княжну!... Вѣдь, она все-таки христіанка: хоть изъ чужой земли, по-нашему, въ посты скоромнаго не ѣстъ.

— Губить? это неправда!—возразила Маріула, покраснѣвъ и съ сердцемъ.

— Такая-жъ неправда, какъ теперь зима и холодно. Погодите вы меня провесть!... охъ, охъ! мы все знаемъ. А ты слушай, лебедка, да не сбивай. На княжну не надышитъ государыня; въ пуховикъ ея попади перышко, и то бѣда! а вы сердечную тащите въ погибель, въ адъ; таки прямо въ тьму кромѣшную... знаешь ли, къ кому онъ и тебя тянетъ? На сей землѣ подъ топоръ; а въ будущемъ свѣтѣ хочетъ заставить тебя лизать горячую сковороду или на вертелѣ сатаны поплясать.

Отъ этихъ словъ кровь поднялась быстро отъ сердца въ голову Маріулы.

— Да вѣдь онъ обѣщаетъ на ней жениться... — сказала она запинаясь.

— Что ты? въ своемъ ли умѣ, прости Господи! Да звѣ мы живемъ въ какой татарской землѣ или въ речинѣ! да развѣ можно отъ живой жены?...

— Отъ живой!... — могла только выговорить Мала помертвѣвъ; задумалась, потомъ вдругъ захохо

Digitized by Google

тала такъ, что Подачкина вздрогнула, перекрестилась и отодвинулась назадъ.

— Тутъ не до смѣху, матка моя!

— Ты, видно, дурочку нашла, что надо мною такъ издѣваешься.

— Какая издѣвка!... говорю только сожалѣючи о тебѣ, аки христіанка добрая, чтобы отвесть тебя отъ неминучей напасти. А что Волынцевъ твой женатъ, такъ любой прохожій тебѣ скажетъ. Сожительница его, Наталья Андреевна, въ Москвѣ гоститъ у родныхъ, захворала было тамъ, но Господь поднялъ ее, кажись, не на добро—по-моему лучше умереть, чѣмъ жить съ такимъ мужемъ—ужь онъ не впервые проказитъ: любовницъ у него нѣсть числа! А она, кабы ты знала ее, душа предобрая, сущій ангелъ на землѣ! Да какая же красавица! Вполовину онъ ее не стоитъ. И какъ его негодника любитъ!... Сколько разъ говорила я ей: «бросьте его, матушка Наталья Андреевна!» — «Не могу, родная, Акулина Саввишна»—вѣдь она меня, сизая голубка, всегда по имени и отчеству величаетъ— «не могу. Покинуть его пуще, чѣмъ съ свѣтомъ Божьимъ разстаться».—Того и гляди, прикатитъ сюда, на свое горе...

Ни жива, ни мертва, слушала Маріула. Что ей бы за нужда, еслибъ какой магометанскій любовникъ ея дочери имѣлъ нѣсколько женъ? она знала бы, что онъ любитъ болѣе всѣхъ Маріорицу; Маріорица ея была бы первая! Но въ Россіи, гдѣ двоеженство невозможно—ей это очень хорошо извѣстно — она исторіи не читывала, въ большомъ свѣтѣ не живала, въ Россіи любовь Маріорицы къ женатому должна погубить ее.—«Женатый?... не можетъ быть!» — думаетъ она,

Digitized by Google

все еще утѣшая себя надеждою. — «Какъ не узнать мнѣ было этого прежде, въ нѣсколько недѣль?... Онъ былъ женатъ на какой-нибудь Натальѣ Андреевнѣ, а теперь овдовѣлъ! Барская барыня выгнана изъ дому его и за то всячески ему мститъ».

Она остановилась, сдѣлала прыжокъ до барской барыни, вцѣпилась обѣими руками въ ея полушубокъ и, страшно выпучивъ на ея одинокій глазъ, произнесла осиплымъ голосомъ:

— Коли ты солгала?

Въ этомъ вопросѣ можно было прочесть: «не раздѣлаешься со мною тогда... я не оставлю тебя живую, я растерзаю тебя...»

Испуганная Подачкина не знала, что дѣлать, думала, что на цыганку нашло, и собиралась ужь вырваться отъ нея, оставя ей въ добычу и свой желтый съ выводами штофный полушубокъ, какъ на встрѣчу имъ слуга Перокина.

— Кстати, куманекъ, — сказала она, глубоко поклонившись ему, — не дѣлай меня лгуньей. Артемій Петровичъ Волынскій женатъ или нѣтъ? не овдовѣлъ ли, можетъ статься?

Въ это время Маріула сторожила своимъ одинокимъ глазомъ, всѣмъ существомъ своимъ, всѣми силами души, не мигнетъ ли барская барыня слугѣ Перокина, не сдѣлаетъ ли ему условнаго знака.

Слуга, понюхавъ табаку и флегматически обозрѣвъ ...огъ до головы чету, такъ дружно сцѣпившуюся, ...чалъ:

- Кому лучше объ этомъ знать, какъ не вамъ, ...рыня кумушка Акулина Саввишна? Вы, кажись, ...ому его превосходительства выросли, повивали его,

Digitized by Google

няньчили, на свадьбѣ его медъ кушали, у барыни при постели и въ чести были... Однакожъ, когда дѣло дошло до меня, видно, такъ сказать, дорогая кумушка, не для прочаго инаго, какъ для удостовѣренія этой госпожи цыганки, такъ и я не прочь. Законная супруга его превосходительства, Наталья Андреевна, сестрица моему барину, а баринъ отъ нея только-что письмецо получилъ, что она препожалуетъ на дняхъ сюда. И по этому-то хоботу, видно, она здравствуетъ.

Несчастная мать не могла болѣе выдержать; она начала рвать на себѣ одежду, и бросилась бѣжать. Только по дорогѣ сыпались отъ нея несвязныя слова:

— А! а!... вотъ каково!... Непотребная! злодѣйка!.. торговать своею... Женатый!... гуляка!... Господи! не попусти злодѣя!...

Еще видѣли барская барыня и слуга Перокина, какъ цыганка бросилась было назадъ къ нимъ, остановилась, помахала, какъ сумасшедшая, руками, опять побѣжала опрометью въ ту сторону, гдѣ находился домъ Волынскаго, и наконецъ скрылась изъ виду.

— Что за притча!—сказалъ слуга, понюхавъ флегматически табаку; барская барыня не отвѣчала, и каждый, размѣнявшись поклонами, пошелъ своей дорогой.

Цыганка бѣжала, въ самомъ дѣлѣ, къ дому Волынскаго, пугая народъ своею отчаянною безобразною наружностью; наконецъ она остановилась немного, чтобы вздохнуть, потому что готова была упасть отъ усталости и горя

— Да что я за дура, взбѣленилась безъ толку? — говорила она сама себѣ, — еще не все пропало! еще время исправить бѣду!

Digitized by Google

Но лишь только она къ дому Волынскаго, сердце упало у ней въ груди. Вотъ она входитъ на лѣстницу, медленно, тяжело, какъ будто тащитъ за собою жерновъ. Докладываютъ объ ней кабинетъ-министру — велятъ ей подождать... Она слышитъ, что посылаютъ слугу въ гостиный дворъ; она видитъ, что слуга этотъ возвратился. Зовутъ ее въ кабинетъ.

Душа ея на волоскѣ держится еще въ тѣлѣ. Ее шатаетъ изъ стороны въ сторону; она хватается за стѣны, за двери, виснетъ на нихъ отъ изнеможенія...

— Сюда, сюда, Маріула,—кричитъ голосъ изъ кабинета,—прошу жаловать.

Входитъ...

Волынскій сидитъ въ креслахъ, и передъ нимъ на столѣ—богатая фата.

Бѣдная, несчастная мать! Она хотѣла говорить и— зарыдала.

— Что съ тобой? что съ тобой? — спрашивалъ ее озабоченный Волынскій,—кто тебя обидѣлъ?

Маріула покачала головой съ видомъ жестокаго упрека.

— Что со мною?... Гдѣ твоя честь, гдѣ твоя совѣсть, говори, бояринъ русскій?... Есть ли въ тебѣ Богъ?

— Я обѣщалъ тебѣ фату за первый поцѣлуй...

— Береги ее мнѣ или себѣ на погребенье. Возьми)и деньги — онѣ жгутъ меня, онѣ скребутъ мнѣ ɾ.

'на вынула изъ кармана золото, которое далъ ей ıнскій въ разное время, показала ему одинъ черːъ — «видишь, на каждомъ изъ нихъ діавольская

Digitized by Google

рожа съ когтями...» — сказала она, и бросила ихъ на полъ.

— Ты съ ума сошла, Маріула?

— Пусть буду я по-твоему глупая, безумная цыганка; но ты, бояринъ русскій, гдѣ твоя совѣсть, гдѣ твой Богъ, спрашиваю опять?... Что обѣщалъ ты мнѣ, когда вздумалъ обольстить бѣдную, невинную дѣвушку; когда моими погаными руками доставалъ это сокровище? Не обѣщалъ ли ты на ней жениться? Кого бралъ тогда въ свидѣтели?.. Злой, безсовѣстный человѣкъ, безбожникъ! ты — женатъ; ты погубилъ беззащитную дѣвушку. Отдашь Богу отчетъ на страшномъ судѣ, а можетъ быть расплатишься и въ этой жизни!

Волынскій смутился отъ словъ обвинительницы своей, но старался, какъ могъ, сохранить наружное спокойствіе.

— Чтожъ тебѣ до того, что я женатъ? Вѣдь не ты моя любовница!

— Что мнѣ?... Не я любовница его?... Вотъ, что онъ теперь говоритъ!... Но если бы ты вѣдалъ, что я...

Она не договорила, не зная, что дѣлать, бросилась къ ногамъ Волынскаго, обвила ихъ своими руками, цѣловала ихъ, рыдала, молила его о чемъ-то безъ словъ. Но здѣсь силы вовсе оставили ее; она не могла выдержать страшной борьбы природы съ желаніемъ сохранить дочери ея почетное мѣсто въ свѣтѣ; она не смѣла назвать себя, цыганку, матерью княжны Лелемико... и, въ страшныхъ судорогахъ, распростерлась у ногъ Волынскаго.

Долго въ ней не было никакихъ знаковъ жизı Ей дана была всякая возможная помощь; ее привє въ себя и отвезли бережно на постоялые дворы, ı

Digitized by Google

казавъ, кому нужно было, съ прибавкою того, что лучше всякихъ наказовъ—денегъ, чтобы за нею ухаживали, чтобы ей ни въ чемъ не было недостатка. Но что вознаградитъ ей счастіе дочери? Не могъ Волынскій объяснить себѣ причину такой сильной любви цыганки къ княжнѣ Лелемико; припоминалъ себѣ ихъ чудное сходство, и колебался въ какомъ-то грустномъ подозрѣніи. Съ этого времени угрызенія совѣсти начали терзать его, тѣмъ болѣе, что онъ убѣжденъ былъ въ истинной къ нему страсти Маріорицы. Нерѣдко гремѣли ему вслухъ слова: «безбожникъ! ты женатъ— и погубилъ невинную дѣвушку; отдашь отчетъ Господу на страшномъ судѣ». Онъ слышалъ нерѣдко во снѣ рыданія цыганки, чувствовалъ, какъ она крѣпко обвивала его ноги своими руками, какъ цѣловала ихъ, какъ ему тяжело было отъ нихъ освободиться...

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЗСКАЗЪ ЦЫГАНКИ

> Угадываю любопытство многихъ моихъ читателей не о яблокѣ познанія добра и зла, но о яблокѣ родословномъ, именемъ Мианы украшенномъ — и спѣшу удовлетворить его.
>
> *Марлинскій.*

По нѣскольку дней сряду несчастная Маріула искала добраться до княжны Лелемико: ни разу ее не допустили. Въ разное время дня, даже по ночамъ, въ жестокій морозъ, становилась она на стражѣ противъ дворца и выжидала, не проѣдетъ ли милое, безцѣнное для нея существо, не взглянетъ ли хоть сквозь окно, почуявъ сердцемъ свою мать. Но о княжнѣ Лелемико долго не было слова. Наконецъ цыганка узнала, что она была очень нездорова, но что теперь ей лучше и › въ прежней милости у государыни. Это нѣсколько .окоило бѣдную мать.

Между тѣмъ, въ ожиданіи свадьбы Кульковскаго, которой и цыгане должны были дѣйствовать въ тѣ 300 разноплеменныхъ гостей (надобно пояснить

Digitized by Google

себѣ, что происшествія, нами разсказанныя съ начала романа, случились въ теченіе двухъ, трехъ недѣль), товарищъ Маріулы коновалилъ, торговалъ лошадьми, вставлялъ имъ зубы, слѣпыхъ дѣлалъ зрячими, старыхъ молодыми и, гдѣ удавалось, не клалъ охулки на руку. Но посреди этихъ кровныхъ цыганскихъ занятій, которыхъ онъ не покинулъ бы, еслибъ имѣлъ кошелекъ и туже набитый, его кукона была постояннымъ предметомъ его заботъ. Когда Василій узналъ ея новое горе, которому помочь можно было одному Богу, онъ набралъ ей цѣлый коробъ надеждъ. «Почему бъ Волынскому не развестись съ женою, которую онъ не любитъ? Развѣ этого не водилось и на святой Руси? Наталья Андреевна хворала: кто знаетъ? она можетъ и умереть на счастіе Маріулы! Станется, что и государыня провѣдаетъ о проказахъ г-на Волынскаго и заставитъ его жениться на княжнѣ, которую бережетъ пуще своего глаза. А почему бы и Маріулѣ самой не найти случая, да подать государынѣ челобитную, что онъ, назвавшись холостымъ и обѣщавшись жениться на дѣвушкѣ, живущей подъ крыломъ самой матушки-царицы,—склонилъ бѣдную цыганку на сватовство и обманулъ всѣхъ.

— Не тужи, Маріуленька,—продолжалъ Василій,—назадъ не оглядывайся, прошлаго не воротишь; поищемъ лучше впереди: старую, брыкливую кобылу сбудемъ, огневого коня молодца добудемъ. А чтобъ знать, какъ дѣло повести вѣрнѣе, поразскажи-ка м[illegible] «отъ сивки бурки, вѣщей каурки, какъ зачинала бѣлокаменна Москва», то есть, какъ попала твоя доч въ княжны.

Послѣ утѣшеній Василія отлегло нѣсколько

сердца Маріулы; опять забилось это сердце надеждами, опять заструились онѣ, какъ новая жизнь, по всему существу ея. Цыганка лелѣетъ эти надежды, убираетъ, няньчитъ ихъ, какъ дитя любимыя свои куклы, и не можетъ отказать виновнику ихъ въ разсказѣ, котораго онъ желаетъ.

Комната, похожая на тюрьму, худо освѣщенная сальнымъ огаркомъ, почернѣлыя отъ сырости стѣны, двѣ нарты, одна противъ другой къ стѣнѣ расположенныя и служащія диваномъ и постелью, вотъ аудиторія цыганки. Осмотрѣвъ тщательно за дверью и увѣрясь, что никто ихъ не подслушиваетъ, начала она свое повѣствованіе.

«Знавалъ, Вася, ты меня молодою, пригожею, засталъ ты еще мою красоту въ Яссахъ; но ужь тогда много сбыло ея; горе сушитъ, а не краситъ. Посмотрѣлъ бы на меня, когда мнѣ не минуло еще 20 лѣтъ, въ годы моей Маріорицы! Цыганскіе таборы наперерывъ хотѣли меня съ отцомъ моимъ къ себѣ: тамъ, гдѣ я была, таборы мурашились гостями; за мои пѣсни, а пуще за взглядъ мой, платили щедро. Таскались мы много по Россіи, Польшѣ и турецкимъ землямъ, и вездѣ знавали меня подъ именемъ «красотки», и вездѣ судили нашимъ старухамъ горсти золота, лишь бы меня сманить въ западню. Но чего не могли денежки, то сдѣлалъ колдунъ—черный огневой глазъ молдаванскаго князя Лелемико. Онъ былъ молодъ, пригожъ, сладкими рѣчами оступилъ мою душу, какъ тенетами, вывелъ меня изъ ума. Я полюбила его. Онъ дарилъ меня деньгами, нарядами,—я не брала денегъ; мнѣ нажна была только его любовь; я наряжалась только для него. Въ таборѣ, подъ кибиткою, родила я дочку.

Digitized by Google

Пеленками изъ лоскутовъ, которые собрала потихоньку отъ добрыхъ людей, я прикрыла наготу ея. Отецъ мой бранилъ меня, проклиналъ, билъ и требовалъ денегъ. Я побрела къ князю и принесла отъ него золото для отца и крещеное дитя. Крестъ, благословеніе отцовское,—съ надписью ножичкомъ дня и года когда родилась, и чего-то еще,—носитъ и теперь моя бывшая Маріуленька. Не въ долгомъ времени старушка-княгиня довѣдалась, что у сына есть любовница изъ цыганъ, и заставила его жениться на богатой и знатной дѣвицѣ. Разставаясь онъ смочилъ мою грудь слезами; я горько плакала, думала, что не переживу этой разлуки; но, взглянувъ на мою Маріуленьку, прижавъ ее, тепленькую, хорошенькую, у груди моей, утѣшилась. Съ этого времени она стала для меня весь Божій міръ, и отецъ, и полюбовникъ, и все родное, въ ея глазкахъ свѣтили мнѣ мое солнце и звѣзды ясныя и каменья самоцвѣтные, на устахъ ея цвѣли мои цвѣты махровые; здоровье ея былъ мой самый дорогой таланъ, жизнью ея я жива была. Знать, родилась я какимъ-то уродомъ. Господь создалъ меня только доброй маткой; я была негодная дочь, можетъ статься была бы и худой женой. Маріуленька ни въ чемъ не нуждалась: при разставаніи князь одарилъ меня серебромъ и златомъ. Она росла въ довольствѣ, въ холѣ, въ нѣгѣ; я убаюкивала ее пѣснями, пригодными и для царскихъ дѣтокъ. Не только я и отецъ, но весь таборъ любилъ ее и баловалъ. Я звала ее своею княжной. и за мною всѣ ее такъ называли. Да у меня въ умѣ, разумѣ только и вертѣлось, что она не иное что б детъ, какъ княжна, господарша, а можетъ статься султанша. Кто бы поспорилъ со мною, тому вырв

бы глаза. Содержала я таборъ и дѣлала ему разныя милости отъ имени моей Маріуленьки, и потому приказала величать ее своею господаршей. Дорогой взвидѣла ли моя Маріуленька пригожій цвѣтокъ на лугу и манила его къ себѣ ручками—стой таборъ за цвѣткомъ; приглянулся ли ей мотылекъ,—и всѣ мальчики и дѣвочки, словно ея придворные, бросались ловить мотылька. А когда мы подъ шатромъ небеснымъ раскидывали свой шатеръ, надобно было видѣть, какъ обступали ее малые и большіе слуги ея, какъ наперерывъ одинъ передъ другимъ старались ее утѣшить. И какъ она была хороша, вельможна, на своей бѣленькой, пуховой подушкѣ, въ цвѣтномъ нарядѣ, въ золотѣ, въ фольгѣ, въ лентахъ, среди запачканныхъ лохмотниковъ! Маріуленька бросала имъ изъ своихъ рученокъ хлѣбъ, сласти, а иногда и деньги. Маріуленька радовалась, и я была счастлива.»

Цыганка остановилась, какъ бы для того, чтобы забыться въ прошломъ: и теперь прежнее ея счастіе отсвѣчивалось въ ея одинокомъ, блестящемъ глазѣ, горѣло на щекѣ, дрожало въ ея словахъ. Насладившись прошедшимъ, она продолжала вздохнувъ:

«Но въ два года княжеской жизни мы разсыпали свои денежки по Украйнѣ и Россіи и воротились за денежками въ Яссы. Лелемико все еще любилъ меня, но я отказалась его любить — я боялась имѣть другое дитя, я боялась отдѣлить что-нибудь отъ Маріуленьки ...тому. Мнѣ казалось, что тогда убавится изъ ея ...стія или будетъ несчастенъ другой ребенокъ мой. ...эмико не имѣлъ дѣтей отъ жены; лѣкаря говорили, ... она никогда не родитъ; старушка-мать его ...ла: онъ убѣждалъ меня отдать ему Маріуленьку,

клялся, что выведетъ ее непремѣнно въ княжны, укрѣпитъ за нею все свое имѣніе, а въ случаѣ, коли я не соглашусь, не дастъ мнѣ ни полрубія и пуститъ насъ таскаться по міру. Куда? Я сначала руками и ногами! Отдать Маріуленьку все равно, что отдать жизнь свою!... Но когда увидѣла дочку, милую, безцѣнную дочь, владычицу табора, княжну, въ старыхъ лоскутьяхъ, съ сухаремъ во рту; когда услышала, что ее въ таборѣ разжаловали изъ княженъ въ Маріулку, а потомъ въ лохмотницы, и цыганята начали дразнить ее языкомъ, у меня поворотилась вся внутренность. Лохмотья? по міру? насмѣшки, нужда? что ждетъ ее впереди?... Отъ этихъ мыслей голова у меня закружилась. Ночью, когда мое дитя, мое ненаглядное сокровище, спало,—облобызавъ ее съ ногъ до головы, обливъ ее слезами, я схватила ее съ люлькою, бросилась бѣжать изъ табора и, какъ сказано мнѣ было, подкинула ее въ люлькѣ, съ письмецомъ, въ цвѣтникъ, подъ окна княжескія. Нѣсколько разъ принималась я съ нею прощаться; то отойду шаговъ десятокъ, то назадъ ворочусь. Наконецъ, скрѣпя сердце, ушла отъ нея. Дорогой слышала ея плачь, хотѣла опять воротиться и.... не воротилась. По письму, по словамъ ребенка должно было счесть, что она изъ знатнаго рода, что ее утащили цыгане и они-жъ подбросили за неимѣніемъ чѣмъ содержать. Какъ разочли, такъ и случилось. Добрая княгиня уговорила мужа взять дитя, посланное самимъ Богомъ. Съ того времечка моя Маріуленька ужь Маріорица; дальше и дальше, ее убирали, воспитывали по-княжески стали величать княжной Лелемикой. Сначала я мн тосковала по ней, но когда услышала объ ея счас забыла свое горе. Я жила въ Яссахъ на концѣ горо

Digitized by Google

закутавшись, видала иногда свою дочь въ прогулкахъ съ мамою, но никогда не смѣла показать свое лицо ни ей, ни слугамъ княжескимъ, потому что Маріорица и тогда была въ меня вся вылита. Сходство это однакожъ потѣшало меня.

«Разъ, это было въ самую полночь, просыпаюсь, будто кто меня ножемъ въ бокъ—открываю глаза: въ комнатѣ моей свѣтлехонько, словно среди бѣла дня. Бросаюсь съ постели къ окну—весь городъ теплится, огненные языки шевелятся ужъ надъ кровлями. Боже! Маріорица! вскрикиваю я, и полунагая бросаюсь въ ту часть города, гдѣ она жила. Городъ кипитъ, какъ котелъ, трещатъ кровли, лопаются стекла, огонь бьетъ съ клубами дыма, кричитъ народъ, стучатъ въ набатъ, а у меня пуще въ сердце гудитъ одинъ голосъ, одинъ звукъ: спасай свою дочь! Почти безъ чувствъ прибѣгаю къ дому княжескому и прямо въ двери, охваченная полымемъ, цѣпляюсь по лѣстницамъ, черезъ сундуки,—вижу, янычаръ окровавленными руками тащитъ дѣвочку.... Это она!... схватываю ее, изо всей силы толкаю янычара съ лѣстницы, черезъ него выношу Маріорицу, обвившую меня крѣпко ученками, на улицу и... что потомъ со мною случилось, ничего не помню. Знаю только, что я долго очень хворала. Первое мое слово, какъ скоро могла я только зубы разнять, было о княжнѣ Лелемико. Никто не зналъ, куда она дѣвалась. Воспитатель ея сгорѣлъ, жена умерла отъ испуга... Отъ этихъ вѣстей я только-что съ ума не сошла. Спрашиваю о ней встрѣчнаго и поперечнаго; брожу съ утра до ночи по пожарищу, ищу ее въ грудахъ пепла, въ камняхъ, въ обгорѣлыхъ бревнахъ; наконецъ узнаю, что янычаръ продавалъ ее, мое дитя,

Digitized by Google

на торгу, что родные князя Лелемико заплатили янычару большія деньги, лишь бы увелъ ее подальше. Онъ такъ и сдѣлалъ. Я бѣжала по слѣдамъ его день и ночь, и нагнала въ Хотинѣ. Тутъ украла я Маріорицу, уговорившись напередъ съ нею—она ужь была дѣвочка лѣтъ десяти и смышлена, какъ взрослая, намъ помогала и хозяйка дома, гдѣ квартировалъ янычаръ; я заплатила ей все, что имѣла на себѣ. Не зная однакожъ куда дѣваться съ Маріорицей и боясь, чтобы злодѣй не отнялъ ее и не отомстилъ мнѣ на ея головушкѣ, бросилась я тотчасъ къ хотинскому пашѣ и продала ему родную дочь свою съ тѣмъ, чтобы, когда она выростетъ, сдѣлалъ своею наложницей или подарилъ въ гаремъ султана. И тутъ сердце мое поднимало ее куда-нибудь повыше, да и повыше. Паша любилъ ее какъ родную дочь; у него ей было хорошо, словно въ раю магометовомъ. И тутъ не разъ видала я сквозь щелочку двери; не одинажды слушала, какъ она пѣвала. Пѣсни ея лились мнѣ въ душу такъ сладко, что я хотѣла бы умереть подъ нихъ. И между тѣмъ дочь не знала, что мать ея такъ близко, что ихъ разлучаетъ одна доска. Что я говорю? одна доска! Насъ, какъ и теперь, многое, очень многое разлучало... Паша состарѣлся, тутъ пришло ему на мысль подарить Маріорицу султану, потому что онъ такой красотки еще не видывалъ; но русскіе пришли въ Хотинъ: моя Маріорица взята въ плѣнъ, отослана въ Питеръ. И я сюда за ней, вездѣ за ней! Гдѣ она, тутъ положу свои косточки; умру, такъ душка моя станетъ надъ ней носиться. И дочь не узнаетъ, что я для нея дѣлала; помянетъ въ сердцѣ имена чужихъ, но никогда не помянетъ своей матери....»

Digitized by Google

Разсказчица утерла слезы, бѣжавшія изъ одинокаго ея глаза; толстый цыганъ кряхтѣлъ и отвернулся, чтобы не показать на лицѣ своемъ слезъ, измѣнявшихъ его обыкновенной флегмѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗСТРОЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ

> Не далѣе, а назадъ, бароны! мы словно пилигримы по обѣщанію, ступаемъ три шага впередъ, а два обратно.
>
> *Марлинскій.*

Поутру была оттепель, отчего пострадалъ было нѣсколько «Ледяной домъ»; но къ вечеру погода разыгралась, какъ въ веселый часъ расшучивается злой и сильный человѣкъ — то щелкала по носу градиной, то рѣзала лицо вѣтромъ, то хлопками слѣпила очи. Наконецъ нити снѣга зачастили, словно мотки у проворной мотальщицы на воробѣ, сновались между небомъ и землей будто внизъ и вверхъ, такъ что въ глазахъ рябило и всѣ предметы казались пляшущими; около заборовъ вихорь крутилъ снѣгъ винтомъ и навѣвалъ сугробы; метель скребла окошки, вѣтеръ жалобно укалъ, будто просился въ домы; флюгера на домахъ кричали. Однимъ словомъ, въ природѣ господство- а чепуха, настоящее смѣшеніе французскаго съ жегородскимъ. Мудрено-ли, что при такой жуткой одѣ, соединившейся съ темнотою вечера и страхомъ оновскихъ временъ, ни одинъ житель Петербурга смѣлъ высунуть носа на дворъ.

Digitized by Google

Ни одинъ житель,—сказали мы?—Однакожъ неподалеку отъ конюшенъ герцогскихъ, между ними и домомъ тайнаго совѣтника Щурхова, въ развалины горѣлаго дома вошли съ разныхъ сторонъ два человѣка. Одинъ, казалось, пришелъ изъ царства лилипутовъ, другой изъ страны великановъ. Оба тихонько кашлянули по два раза и, по этому условному знаку, сошлись за средней стѣной у трубы; они едва не соприкасались брюхомъ одного съ носомъ другого, а еще искали другъ друга. Наконецъ большой ощупалъ голову маленькаго, нагнулся, пожалъ ему руку и, вздохнувъ, спросилъ:

— Что, другъ?

— Мы точно играемъ въ шахматы,—сказалъ другой, отвѣчая такимъ же вздохомъ и поднявъ свою руку выше своего носа для пожатія руки великана: — ступаемъ шагъ, два впередъ, и опять назадъ; вотъ ужь почти въ доведяхъ, погорячимся, и все испортимъ—стоимъ на томъ же мѣстѣ, откуда начали, и едва-ли не на шахъ и матѣ.

— О! дѣло еще не совсѣмъ испорчено,—возразилъ длинный.—Правда, онъ своею горячностью выбиваетъ изъ рукъ нашихъ орудія, которыми очищаемъ ему дорогу къ цѣли его и нашей; досаждаетъ, бѣситъ, а все-таки отстать отъ него не можешь, и все за благородство его!

— Благородный, но сумасшедшій человѣкъ!—сказалъ маленькій съ сердцемъ. — Я готовъ былъ отступиться отъ него, еслибъ...

— Еслибъ не любилъ его такъ много,—не правд[illegible] ли? Жалѣю его и не менѣе тебя его люблю. Кабы [illegible] проклятая страсть его къ княжнѣ, не проклятый в[illegible]черъ, мы скоро одержали бы верхъ!

Digitized by Google

— Знаетъ-ли государыня?

— Нѣтъ еще. Изъ исторіи этого вечера ничего не выходило наружу, какъ будто ее и не бывало. Герцогъ отдалъ строжайшій приказъ не произносить о немъ словечка: кто видѣлъ, слышалъ, долженъ былъ не видать и не слыхать. Онъ бережетъ золотое обвиненіе на важный случай. Къ тому-жъ я связалъ временщику руки, готовыя поднять сѣкиру: я надулъ ему въ уши, чрезъ кого надо, что въ Петербургѣ на мази, именно противъ него, возмущеніе за разстриженіе монаховъ и монахинь [1]), сюда привезенныхъ. Въ тотъ же роковой вечеръ, пришедши домой, получилъ онъ извѣстіе, что побѣги цѣлыхъ селеній за-границу, по случаю его жестокостей, повторяются. Его злому духу дана работка; надо заняться ему раздѣлкою съ этими вѣстями, такъ чтобы онѣ дошли до государыни. А покуда — протаптываю себѣ слѣдокъ до нея самой: нынѣ ходилъ я ужь къ ней съ докладомъ, и она изволила милостиво разспрашивать меня о разныхъ вещахъ. Дай-ка укрѣпиться въ этой милости, перехитрить архиплутовъ, и тогда пущу такой докладъ, что отъ него будетъ имъ жарко какъ въ пеклѣ!

— Что съ княжной?

— Сдѣлалась было нездорова, вѣрно отъ мысли, что государыня, весь дворъ, знаютъ о тайномъ посѣщеніи, что городъ объ этомъ говоритъ. Видно, ни воспитаніе гаремное, ни соблазнъ примѣровъ и вѣка, ни самая ...сть не могутъ задушить въ женщинѣ стыдъ, когда ...енщина не погрязла еще въ порокѣ. Скоро, одна-

[1]) Вслѣдствіе подтвержденія указа Петра I-го, отъ 28-го января ...а.

Digitized by Google

кожъ, ободрили ее ласки государыни, навѣстившей ее на другой же день, глубокое молчаніе на счетъ непріятнаго вечера, вокругъ нея прежнее вниманіе и уваженіе придворныхъ; но, думаю, болѣе всего повѣяли на нее здоровьемъ добрыя вѣсти о Волынскомъ. Тебѣ извѣстно, что государыня звала его къ себѣ. Думали всѣ, что за факелы ему порядочно достанется: ты слышалъ, однакожъ, какъ его приняли?

— Разсказывалъ онъ мнѣ самъ, что она при входѣ его изволила на него милостиво погрозиться, потомъ дала ему поцѣловать свою руку и сказала:

«Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ».—Думаю, что въ этихъ словахъ заключаются не одни факелы, но и ледяная статуя. Она подозрѣваетъ въ этой куколкѣ что-нибудь худое для своего любимца и забвеніемъ прошедшаго хочетъ сблизить соперниковъ.

— Напротивъ, отъ этихъ милостей у нашего курляндца руки сильнѣе чешутся на заплечный ударъ.

Въ это время частый снѣгъ съ вьюгою такъ налегли на плащъ маленькаго, что ему тяжело было стоять подъ нимъ, какъ подъ свинцовой епанчой.

— Освободи изъ подъ снѣгу, другъ,—сказалъ онъ, съ трудомъ произнося слова и двигаясь, — боюсь, что насъ скоро занесетъ.

— Покуда одного тебя,—отвѣчалъ длинный, усмѣхаясь и выковыривая маленькаго пріятеля изъ снѣжной скорлупы.

— Знаешь-ли, однакожъ, какъ это освѣжило воображеніе? Прекрасная, счастливая мысль.

— Любопытенъ слушать.

— Мнѣ пришла фантазія продолжать то, что в..

Digitized by Google

моего благопріятеля такъ искусно начали, именно помогать любовникамъ.

— Помогать? ты съ ума сходишь!

— Скажи лучше, нашелъ золотой рудникъ ума. Да, да, таки помогать! Прежде бился я изо всей мочи, растратилъ всѣ сильнѣйшіе доводы моего краснорѣчія, чтобы отвесть Артемія Петровича отъ пагубной страсти и навесть на путь разсудка; теперь буду способствовать ей всѣми силами, точно такъ, какъ дѣлалъ Биронъ. Ненадежны, думаю, цѣпи, которыми прикованъ нашъ патронъ къ молдаванкѣ—онѣ чувственныя; но изъ любви Маріорицы къ нему чего нельзя выковать! О! я изъ этой любви построю лѣстницу хоть на небо, не только до государыни.

Въ голосѣ малютки дрожало вдохновеніе.

— Бѣдное твореніе!—произнесъ вздыхая длинный.— Чего изъ тебя не дѣлаютъ? Обманываютъ, развращаютъ, губятъ; двѣ противныя партіи употребляютъ, какъ средство, каждая для своей пользы, пускаютъ тебя, какъ монету, ходячую въ двухъ непріятельскихъ царствахъ, чтобы подкупить успѣхъ на свою сторону. Такъ прекрасно создана и на какой удѣлъ!... Роскошнѣйшій цвѣтокъ природы, которымъ надо бы только любоваться, какъ безжалостно исщипанъ руками враговъ, чтобы достать въ немъ яду одному на другого!... Нѣтъ, другъ, не знаю еще совершенно твоихъ видовъ, но если они низки, предоставимъ ихъ низкимъ людямъ.

— Не осуждай, не изслѣдовавъ — законъ правды, горый ты забылъ! Вспомни, что мы дѣйствуемъ не ько для блага одного человѣка, но для блага цѣлаго юда. Это одно. Отъ другого довода твои аргументы тетятся въ пухъ, какъ разсыпались они въ головѣ

Digitized by Google

моей, когда дала ей работу совѣсть. Княжна погибла рѣшительно въ первую минуту, какъ полюбила Волынскаго: пожалѣть ее можно, спасти нельзя, развѣ самъ Богъ придетъ къ ней на помощь!... Я отгадалъ это существо, лишь только прочелъ ея первое письмо, лишь только увидѣлъ ее. Если ей не суждено сжечь другого, ей суждено сгорѣть въ собственномъ огнѣ. Всѣ способности ея, всѣ силы жизненныя—въ сердцѣ; оно исполнено Волынскимъ, и какъ скоро Волынскаго не будетъ въ немъ, это значитъ, что она перестала жить. Любовь для нея — жизнь. А Волынскій любитъ, пока не обладаетъ предметомъ. Даю тебѣ размыслить о послѣдствіяхъ. И потому — вѣрный логическій выводъ— если мы не можемъ отвести отъ этого созданія возвышеннаго,. прекраснаго—кто объ этомъ споритъ?—если мы не можемъ отвести отъ ея сердца неминуемаго, рокового удара, который судьба изловчила на нее съ такою злобой; то воспользоваться ея страстью для исполненія благороднаго подвига ничуть не низко и не грѣшно.

— Тсъ!... слышенъ человѣческій голосъ...

Совѣщатели стали прислушиваться съ страшнымъ замираніемъ сердца.

— Ничего,—сказалъ маленькій,—видно вѣтеръ завываетъ!

— Ничего?... ради Бога, молчи!

Въ самомъ дѣлѣ, начали вскорѣ долетать до нихъ отрывки разговора:—«Сюда... слѣдъ... пропалъ... ты? Какъ же!... не въ первой... опять слѣдъ. Сюда, сю, тѣ обошли... не ускользнутъ!»

Послѣднія слова явственно отпечатались въ с...

Digitized by Google

нашихъ пріятелей; сквозь разсѣлину стѣны замѣтили они ужь и свѣтъ.

— Это голосъ моего дяди, — сказалъ длинный! — насъ обошли! мы пропали!

— Что дѣлать? Нырнуть туда-ль, сюда-ли, попадешь имъ на встрѣчу. Кабы можно было вскарабкаться на окно, я шмыгнулъ бы въ садъ Щурхова.

— Убьешься.

— Лучше, чѣмъ попасть имъ въ руки. Но ты?

— Я отдѣлаюсь съ Божьей помощью! Скорѣй же взлѣзай мнѣ на плеча, голову, на что попало, и маршъ!

Длинный говорилъ, а маленькій ужь исполнялъ. Онъ ужь на рукахъ, плечѣ, головѣ длиннаго, ужь на стѣнѣ, проворно взбирается, какъ кошка, выше и выше, цѣпляясь за что попало, за уцѣлѣвшіе карнизы, поросшіе въ разсѣлинахъ отпрыски деревъ, выбитые кирпичи... Свѣтъ виднѣе и виднѣе... Окно близехонько, но бѣда! желѣзный костыль впился въ мантію ученаго малютки. Тащить ее, драть изо-всей его мочи—не помогаетъ! Освободить руку изъ плаща — неминуемо упадешь. Онъ виснетъ на стѣнѣ, какъ летучая мышь, съ распростертымъ крыломъ... его бросаетъ въ холодный потъ... нѣтъ спасенія! гибель за плечами.

Отдѣленіе опальнаго дома, гдѣ находились пріятели, освѣтилось вдругъ фонаремъ, и сквозь серебряную пыль падавшаго снѣга озарились вполнѣ жалкая, расплетенная фигуры Зуды и вытянутая изъ плечъ голова Липмана, съ ея полудискомъ рыжихъ космъ, разбѣжавшихся золотыми лучами изъ-подъ чернаго соболя шапки, раскрытою пастью, съ дозорными очами, какъ бы готовыми схватить и пожрать свою жертву, и, наконецъ, сердитое лицо долговязаго, тщедушнаго Эйхлера

Digitized by Google

съ его бекасинымъ носомъ. Стѣны, какъ чертогъ феи, заблистали алмазною корою. На этой чудной сценѣ, передъ Липманомъ, державшимъ фонарь, выкроилась какая-то разбойничья образина съ палашемъ на голо, а за нимъ мужичекъ съ длиннымъ багромъ, вѣроятно, чтобы острожить, гдѣ нужно было-бъ, двуногую рыбу, или спустить ее въ одинъ изъ безконечныхъ невскихъ садковъ.

— Это.... вы.... племянничекъ? — спросилъ Липманъ, на котораго нашелъ было столбнякъ.

— Видите, что я,—отвѣчалъ съ сердцемъ кабинетъ-секретарь, бросился къ дядѣ, вырвалъ фонарь изъ рукъ, дунулъ—и въ одно мгновеніе исчезъ алмазный феинъ дворецъ и стерлись всѣ лица со сцены.

— Еще хотите-ли слышать? Это я, дядюшка! Но зачѣмъ,—продолжалъ онъ ему на ухо,—приходите вы, съ вашимъ безтолковымъ подозрѣніемъ, портить лучшее мое дѣло?

— Что это?... господинъ Эйхлеръ!... Я ничего не понимаю; я не образумлюсь еще.

— А вотъ сейчасъ поймете.

Тутъ Эйхлеръ бросился къ мужику, державшему багоръ, вырвалъ его, подбѣжалъ къ стѣнѣ, къ которой пригвожденъ былъ несчастный Зуда, пошмыгалъ багромъ, гдѣ попало, можетъ статься по головѣ—малютка освободился отъ удавки своей—одно усиліе, разъ, два ручонками по стѣнѣ, и онъ на окошкѣ, кувыркъ вверхъ ногами и бухъ — прямо въ садъ Щурхова. Слышно было, что-то упало, и болѣе ничего.

Живой-ли упалъ, разбился-ли, или задохся въ снѣжномъ сугробѣ, Богъ знаетъ.

— Что это упало?—спросилъ Липманъ недовѣрчиво

Digitized by Google

— Развѣ вы не слышите, что человѣкъ?—отвѣчалъ племянникъ; потомъ, сунувъ ощупью багоръ мужику, подошелъ къ дядѣ и продолжалъ, опустивъ голосъ:— Издохнетъ, такъ не бѣда! По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все, что нужно въ моихъ критическихъ обстоятельствахъ. Пойдемте, любезный дядюшка, я разскажу вамъ все дорогой. Ваши сподвижники могутъ услышать, за стѣной—тоже... и тогда не пѣняйте на себя, если испортите все дѣло нашего покровителя и отца.

Сдѣлали кличъ командѣ оберъ-гофкоммисара, велѣли ей идти цѣпью, одному въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другого, чтобы не сбиться съ дороги и не попасть въ Фонтанку, и въ такомъ гусиномъ порядкѣ двинулись къ квартирѣ Липмана, на берегъ Невы. Выбираясь изъ развалинъ, не разъ падали на груды камня.

— Ахъ! дядюшка, дядюшка,—сказалъ Эйхлеръ тронутымъ голосомъ, ведя Липмана подъ руку,—послѣ великихъ жертвъ, послѣ неусыпныхъ трудовъ, въ которыхъ я потерялъ здоровье и спокойствіе, послѣ утонченныхъ и небезуспѣшныхъ стараній скрыть вашу безграмотность отъ герцога и государыни, которой еще нынѣ представилъ отчетъ, будто сочиненный и написанный вами,—послѣ всего этого вы приходите подглядывать за мною... И не давъ отвѣчать дядѣ, продолжалъ:—Знаете-ли, кто былъ со мной?

— Нѣтъ!

— Зуда.

— Зуда? Давно-ли, какія у васъ съ нимъ связи?

— Я вижусь здѣсь съ нимъ ужь въ третій разъ.

— Такъ, почти такъ! Мои вѣрные помощники до-...ли мнѣ только сейчасъ, что во второй разъ схо-...я здѣсь два человѣка, и потому я... пришелъ...

никакъ не полагая васъ найти... Для чего не предупредили вы меня?

— Потому что боялся дать вамъ въ руки шнуръ моихъ замысловъ, не скрѣпивъ ихъ мертвымъ узломъ. Но, повѣрьте, штука будетъ чудная, неоцѣненная!... Я не посрамлю ни васъ, ни себя; и если за нее не обниметъ меня герцогъ, такъ я послѣ этого жить не хочу. Хитреца моего я довелъ до того, что онъ ужь и палецъ кладетъ мнѣ въ ротъ... ха, ха, ха! Слышите? въ саду Щурхова залились ужасныя его собаки. А знаете-ли вы, что каждая ходитъ на медвѣдя?... Жаль, если лукавецъ попадетъ на зубокъ ихъ прежде моего! Нѣтъ, милостивецъ мой, я всего тебя скушаю и съ твоимъ буяномъ, Волынскимъ. На мѣсто его махну въ кабинетъ-министры, или я не Эйхлеръ, недостоинъ милостей, которыя вы мнѣ готовите—я просто ротозѣй, ворона, гожусь въ одни трубочисты. Только прошу васъ, умоляю именемъ его свѣтлости не мѣшать мнѣ... если я испорчу дѣло, ведите меня прямо, своими руками, на висѣлицу, на плаху, куда вамъ угодно.

Эйхлеръ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такимъ жаромъ злодѣйскаго восторга, такъ живо описалъ свои планы, что у старика отошло сердце, какъ отъ вешняго луча солнца отходитъ гадъ, замиравшій въ зиму; огромныя уши зашевелились подъ-ладъ сердца, словно мѣдныя тарелки въ рукахъ музыканта, готоваго пріударить ими подъ тактъ торжественной музыки. Пожавъ руку племяннику, Липманъ произнесъ съ чувствомъ тигрицы, разнѣжившейся отъ ласкъ своего дѣтенка:

— Ни слова болѣе, мой дорогой, ни слова болѣе! Подозрѣвать васъ,—все равно, что подозрѣвать себя.

Digitized by Google

Вы одна моя радость, моя утѣха на старости; вами я не умру, потому что я весь въ васъ. Кабы я зналъ... охъ, охъ! кто безъ ошибокъ?... не привелъ бы сюда этихъ глупцовъ, не подставилъ бы ушей для ихъ басенъ, которыя тянутъ ихъ теперь, будто пудовыя сережки.—Эй! слушайте! — вскричалъ Липманъ своей командѣ,—если одинъ изъ васъ пикнетъ, что я нашелъ племянника въ этихъ дьявольскихъ развалинахъ, то видите... (онъ указалъ на Неву) въ куль—да въ воду!

Съ окончаніемъ этого приказа, дядя и племянникъ очутились на крыльцѣ своей квартиры.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЕЗЬЯНА ГЕРЦОГОВА

> Комаръ съ дубу свалился,
> Великій шумъ учинился.
> *Старинная русская пѣсня.*

Въ длинной залѣ, подернутой слегка заревомъ отъ затопленой въ концѣ ея печи, противъ устья этой печи, стоитъ высокій мужчина пожилыхъ лѣтъ, опираясь на кочергу. Одежда его—красный шелковый колпакъ на головѣ, фуфайка изъ синеполосатаго тика, шелковое исподнее платье розоваго цвѣта съ разстегнутыми пряжками и висячими ушами, маленькій бѣлый фартукъ, синеполосатые шелковые чулки, опущенные до икры и убѣжавшіе въ зеленыя туфли. Взглянувъ на него, не можешь не смѣяться. Но, прочтя на лицѣ чудака, правильномъ, какъ антикъ, безмятежную совѣсть и …одушіе, иронія, готовая выразиться, скрывается …и сердца. По улыбкѣ его можно прозакладывать …противъ одного, что въ этого старца поселилась … младенца. То стоитъ онъ въ свѣтлой задумчиво- …блокотясь на ручку кочерги, то этой кочергой

Digitized by Google

усердно мѣшаетъ уголья въ печи, то киваетъ дружески четыремъ польскимъ собачкамъ одной масти, вокругъ него расположеннымъ и единственнымъ его товарищамъ. Ласки свои этимъ животнымъ онъ равно на нихъ дѣлитъ, боясь возбудить въ одномъ зависть и огорчить которое-нибудь, — такъ добръ этотъ чудакъ! Вокругъ него совершенная пустыня. Но когда расшевеленные имъ уголья ярко вспыхиваютъ, уединеніе его вдругъ населяется: князья, цари и царицы, въ церемоніальномъ облаченіи и богатыхъ шапкахъ, становятся на стражѣ вдоль стѣнъ, или выглядываютъ изъ своихъ желтыхъ, смиренныхъ рамъ, будто изъ оконъ своихъ хороминъ. Съѣсть хотятъ васъ очи Іоанна Грознаго, и черная борода его, кажется, шевелится вмѣстѣ съ устами, готовыми произнести слово: «казнь!» Ослѣпленъ и истыканъ судомъ домашнимъ бѣдный Годуновъ, котораго благодѣянія народу, множество умныхъ и славныхъ подвиговъ не могли спасти отъ ненависти потомства за одно кровавое дѣло (и маляръ, какъ членъ народа, какъ судья прошедшаго, взялъ *свое* надъ великимъ правителемъ, пустивъ его къ потомству съ чертами разбойника). Геніи-утѣшители являются гурьбою, ибо на нихъ не было недостатка въ жизни русскаго народа; но всѣхъ заслоняетъ своимъ величіемъ Петръ, котораго одного народу достаточно, чтобы русскому произносить имя свое съ гордостью. И въ это время, когда толпа гостей обступаетъ чудака, онъ посреди ихъ, съ кочергою, окруженный сіяніемъ, кажется волшебникомъ со всемогущимъ жезломъ, вызывающи тѣни умершихъ, и кисточка на красномъ колпакѣ горитъ, какъ звѣзда кровавая. Но вдругъ исчезаю знатные пришельцы съ того свѣта, и зала попо

Digitized by Google

нему уединена и темна. Чудакъ остается одинъ съ своими собачками и съ своими свѣтлыми думами.

Въ сосѣдней комнатѣ, вѣроятно въ прихожей, кто-то читаетъ по-складамъ духовную книгу..Сколько трудовъ стоитъ ему эта работа! Между тѣмъ въ звукахъ его голоса льется самодовольство: повторяя почти каждое выговоренное слово, онъ упитывается, наслаждается ими, будто самымъ вкуснымъ кускомъ, какой онъ только съѣлъ въ жизнь свою.

— Иванъ!—закричалъ чудакъ въ красномъ колпакѣ.

Глубокій вздохъ за дверью объяснилъ, что чтецъ съ прискорбіемъ оставляетъ душеспасительное чтеніе, затѣмъ выказалась въ залѣ благообразная фигура старика, одѣтаго чисто и прилично слугѣ знатнаго барина. Онъ сталъ, сложивъ пальцы обѣихъ рукъ вмѣстѣ на брюхѣ, довольно выпукломъ, и почтительно ожидалъ вопроса. Этотъ вопросъ не задержался.

— Что, выздоровѣлъ ли поваръ?

— Какой выздоровѣлъ, сударь? пьетъ опять мертвую чашу!

Чудакъ, въ которомъ мы признаемъ господина дома, казалось, оскорбился отвѣтомъ.

— У васъ все пьянъ да пьянъ! — сказалъ онъ. — Вѣрно боленъ! Напоить его мятой, малиной, чѣмъ-нибудь потогоннымъ.

Слуга покачалъ головой и съ сердцемъ возразилъ:

— Вы всѣхъ людей перебаловали, сударь. Изъ 50 ти дворовыхъ у васъ некому платья вычистить, кушанье изготовить, берлину заложить.

— А ты, Иванъ?...

Въ голосѣ, которымъ этотъ вопросъ былъ сдѣланъ,

Digitized by Google

заключались слова: «ты, мой драгоцѣнный Иванъ, не замѣняешь ли мнѣ ихъ всѣхъ?»

Не было отвѣта. Слуга показывалъ сердитый видъ, какъ это дѣлаетъ любовница съ своимъ любовникомъ, желая передъ нимъ пококетничать, и молча шевелилъ пальцами по брюху. Баринъ продолжалъ развивать мысль свою:

— А ты? не готовилъ ли мнѣ кушанья въ походахъ, не ѣзжалъ ли со мною кучеромъ, не чистишь ли мнѣ платья?

— Радъ вамъ служить, пока силы есть; да какъ я захвораю!...

— Ну, ну, Леонтьевичъ, полно грусть на меня наводить.

Облако унынія пролетѣло на добродушномъ лицѣ чудака. Была святая минута молчанія. Побѣдивъ себя, онъ съ твердостью сказалъ:

— А развѣ у меня нѣтъ рукъ?

— Воля ваша, сударь, вамъ самимъ? холопскую работу?... это неслыханно!... Вѣдь вамъ *стыдно* будетъ своей братіи бояръ!

— Стыдно дѣлать безчестное дѣло, а не трудиться. Святые отцы сами работали въ потѣ лица.

Это возраженіе свалило бы съ ногъ всю стрѣлковую линію доводовъ, готовыхъ выступить противъ чудака; но Иванъ, погладивъ немногіе волосы, окаймившіе его лысую голову, поправился и отвѣчалъ:

— У святыхъ отцовъ не было на рукахъ 50 душъ служителей и нѣсколькихъ сотъ душъ крестьянъ, которыхъ Богъ и царь вамъ вручили, какъ дѣтей вашихъ. А дѣтки эти пустились въ худое, забыли васъ

Digitized by Google

и Господа.... *Грѣшно* баловать ихъ! Охъ, охъ, сударь, право не худо и лозу, гдѣ не беретъ слово.

— Ну, полно, полно, Леонтьевичъ. Уложи свое сердце на псалтирѣ.

Леонтьевичъ удалился въ свою прихожую и снова принялся за чтеніе по складамъ, и господинъ его въ красномъ колпакѣ сталъ опять съ особеннымъ удовольствіемъ мѣшать въ печи. Но слуга не успѣлъ еще вытянуть и одного стиха, какъ послышалось новое воззваніе:

— Иванъ!

Иванъ смиренно предсталъ опять въ залѣ, сложивъ персты и почтительно наклонясь.

— Далъ ли ты рублевикъ... ну, тому... что вчера приходилъ?

— Не далъ, сударь!

— Такъ отнеси или отошли завтра.

— Не отнесу и не отошлю, сударь!

— Когда я тебѣ приказываю!

— Вы приказываете недѣльное.

— Я такъ хочу.

— Не дамъ, сударь; онъ пьяница, снесетъ ваши деньги въ кабакъ. Бездѣлица!... рублевикъ!

— Не твои деньги!

— Знаю, ваши; да зачѣмъ отдали вы мнѣ казну на сбереженіе?

Минута гнѣвнаго молчанія. Но аргументы Ивана ...ікомъ были сильны, чтобы ему противиться, и чу...ъ въ красномъ колпакѣ, смиренно преклоня предъ ...ъ оружіе своей логики, сказалъ самъ себѣ вслухъ:

— Гмъ! правда, правда, казна у него! Нечего ...ать!

Digitized by Google

И Иванъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ заключеній, отошелъ въ свою келью.

Тутъ собаки начали сильно лаять; имъ отозвались четыре польскія собачки.

— Иванъ!

Бѣдный мученикъ не заставилъ себя ждать.

— Видно, забѣжала опять давишняя коза?

— Помилуйте, сударь, какая коза! Вѣдь давича было днемъ, а теперь ворота на засовѣ.

Дворовыя собаки бросились въ другую сторону и залились горячимъ лаемъ; четыре польскія собачки вторили имъ, хоть уши зажми.

— Ну это, сударь, не даромъ! — сказалъ Иванъ, качая головой, и бросился было на дворъ, какъ проворный мальчикъ.

На встрѣчу ему толпа челядинцевъ, разрумяненныхъ, съ мутными глазами, растрепанныхъ впухъ. Не скоро можно было добраться чрезъ нихъ до толку. У иныхъ языкъ худо двигался, у другихъ слишкомъ скоро, будто жерновъ, мололъ; говорили по нѣскольку вдругъ; у всѣхъ говорило вино. Такова была многочисленная дворня у тайнаго совѣтника Щурова, котораго видѣли мы въ красномъ колпакѣ. Примѣрной чести всегда и твердости душевной только тогда, когда его порядочно разогрѣвали въ дѣлѣ о благѣ общественномъ, умный и благородный вельможа, онъ былъ самый слабый господинъ. То не хотѣлъ огорчить крестника взысканіемъ, то кума, то сына, или племянника своего дядьки, заслуженнаго у отца его домочадца, а болѣе всего не хотѣлъ наказаніемъ ближняго возмутить душу сво[ю]. И потому Иванъ съ мужествомъ и терпѣніемъ гер[ой]скимъ и честностью нѣмецкою несъ весь домъ на се[бѣ]

какъ черепаха свою тяжелую, но неразлучную оболочку, съ которою разстается только вмѣстѣ съ жизнью. Онъ жаловался иногда на дармоѣдовъ, своихъ товарищей, и никогда на свою судьбу, тѣмъ менѣе на докучнаго господина. О! его-то онъ любилъ самою чистою безкорыстною любовью и преданъ былъ ему до конца своихъ ногтей и волосъ. Два слова: *«стыдно и грѣшно»*, слова эти были краеугольнымъ камнемъ всей морали Ивана и его господина.

Изъ окрошки вѣстей, которыми обдали Ивана, могъ онъ только разобрать, что обезьяна герцога курляндскаго, вѣроятно, сорвавшись съ цѣпочки, пробралась въ садъ его превосходительства, завязла было въ сугробѣ, но, услыхавъ погоню дворовыхъ собакъ, проворно взлѣзла на стѣну сосѣдняго дома и виснетъ теперь на ней, какъ кошка.

— Окаянная! такъ и щелкаетъ зубами, — сказалъ одинъ:—отъ холоду что-ли, или хочетъ кусаться, какъ баринъ ея?

— Лукава!—продолжалъ другой:—я было ее рычагомъ, а она заговорила по-человѣчьи.

— Сказываютъ, въ обезьянѣ бѣсъ сидитъ какъ въ змѣѣ: убить, такъ на томъ свѣтѣ сорокъ грѣховъ отпустится,—кричалъ третій.

— Убить! убить!—было единодушное воззваніе цѣлой вакхической когорты.

На шумъ дворни вошелъ Щурховъ въ переднюю. ·въ о чемъ дѣло шло, потребовалъ себѣ калмыцкій ·ъ и изъявилъ желаніе видѣть обезьяну герцога ндскаго и, если можно, взять ее въ плѣнъ.

йна объявлена — не бездѣльная! — война партій. ховъ со своими домочадцами принадлежитъ партіи

Digitized by Google

Волынскаго, обезьяна — бироновской. Составилось въ одинъ мигъ грозное ополченіе. Ночь, непогода, духъ войска,—все благопріятствуетъ; самый лукавый изъ непріятелей обойденъ. Идутъ. Впереди Иванъ ведетъ колонну, освѣщая ей путь фонаремъ и остерегая ее отъ снѣжныхъ горъ и опасныхъ мѣстъ. Это Мюратъ войска. Хотя есть пословица, что на Иванѣ не далеко уѣдешь, однакожъ этотъ постоитъ за себя и своихъ; онъ вынесетъ ихъ къ славѣ. За нимъ самъ военачальникъ. Кисточка на красномъ колпакѣ — точка, около которой, въ случаѣ опасности, должны соединиться всѣ силы, побѣдить или пасть; это знамя партіи. Овчинный тулупъ его развѣвается, какъ тога; кочерга въ рукахъ—жезлъ маршальскій. Изъ воиновъ—кто несетъ метлу, кто половую щетку, кто ухватъ, полѣно или сковороду. Иванъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на послѣдняго, кажется, говоритъ: «не оружіе несешь ты на врага, но щитъ противъ стрѣлъ его!» Тотъ съ гнѣвомъ, разумѣется мысленно, отвѣчаетъ: «возвращусь съ щитомъ или на немъ!» Въ резервѣ огромная датская собака тащитъ за собою человѣкъ пять героевъ, пылающихъ огнемъ мужества.

У садовой калитки ополченіе сдѣлало привалъ; но, ревнуя скорѣе стяжать лавровый вѣнецъ, послѣ мгновеннаго отдыха двинулись впередъ къ мѣсту битвы съ возгласомъ:

— Плѣнъ, или смерть обезьянѣ герцога курляндскаго!

Но каково было общее изумленіе! Лишь тол' обезьяна при свѣтѣ фонаря увидѣла Щурхова, жалобно возопила:

— Ваше превосходительство, спасите меня!

Digitized by Google

— А, лукавица!—закричали два, три голоса,—звѣрь, да знаетъ, кого просить о помилованіи. Убить ее!

— Убить ее!—повторили голоса. Одинъ готовился ужь пустить въ бѣдняжку смертоносное орудіе.

— Стойте!—вскричалъ отважно Щурховъ,—никто ни съ мѣста! Иванъ, и только одинъ Иванъ, со мною впередъ!

Войско опустило оружіе и стало, какъ вкопанное. Но общее изумленіе усилилось, когда обезьяна произнесла подошедшему близко подъ нея Щурхову:

— Сжальтесь надо мною, Андрей Ивановичъ, ради самого Бога! Я разбитъ, исцарапанъ, окостенѣлъ отъ холоду; едва душа держится въ тѣлѣ: спасите меня отъ вашихъ собакъ и людей, которые еще злѣе и безумнѣе ихъ!

— А, это вы, мой любезный Зуда? Какою судьбою?—вскричалъ Щурховъ, уронивъ кочергу изъ рукъ.—Иванъ! помоги.

Еще не успѣлъ онъ выговорить этого приказанія, какъ добрый служитель исполнялъ ужь его. Тулупы подосланы подъ то мѣсто, гдѣ висѣлъ, едва держась за камни, истерзанный Зуда, и секретарь кабинетъ-министра бросился съ своего левкадскаго утеса на подстилку, ему приготовленную. Въ этотъ разъ онъ бережно упалъ; но, ушибенный прежнимъ паденіемъ, напуганный собаками и людьми Щурхова и окоченѣлый отъ холода, не могъ двигаться. Самъ Щурховъ и [illegible]ъ (прочіе герои этого вечера не въ силахъ были [illegible]ствовать) сдѣлали изъ своихъ рукъ носилки и та[illegible] образомъ отнесли малютку, обсыпаннаго снѣгомъ, [illegible] обсахареннаго, въ домъ, гдѣ раздѣли его, уклали [illegible]остель и гдѣ влили въ него цѣлый мѣдный чай-

Digitized by Google

никъ зеленаго чаю (самоваровъ тогда еще не было). У постели Зуды появилось новое лицо. Это былъ карла, не участвовавшій въ походѣ; но между тѣмъ наблюдавшій за нимъ издали.

Увѣдомили тотчасъ Волынскаго, что секретарь его ночуетъ у его пріятеля.

Да! я забылъ еще сказать, что слѣдствіемъ похода была потеря туфли: увѣренъ, что замѣчаніе пригодится для будущаго историка чудака въ красномъ колпакѣ и для оправданія моего на случай, еслибъ кто упрекнулъ меня въ исторической невѣрности.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОБАКА-КОНЬ

Въ тогдашнее время, когда человѣкъ унижался до скот., и животныя, по какому-то сочувствію, исполняли низкія должности человѣка.

На другой день исцѣлившійся Зуда и добрый хозяинъ—одинъ въ халатѣ и колпакѣ, другой въ колпакѣ и синеполосатой фуфайкѣ—прохаживались по залѣ и разговаривали о предметѣ, для нихъ очень занимательномъ, именно о способахъ побороть ненавистнаго временщика. Иванъ, эффектно разложивъ на стульяхъ, будто въ магазинѣ, блестящую пару платья, парикъ и прочій снарядъ для великолѣпнаго выѣзда его превосходительства, нарушалъ повременамъ разговоръ убѣжденіями приняться за туалетъ. Онъ просилъ, докладывалъ, уговаривалъ, наконецъ сердился и грозилъ уйти доготавливать кушанье. Для Щурхова, привыкшаго къ свободѣ и нѣгѣ домашней одежды, этотъ вы...ылъ всеравно, что предложеніе надѣть кандалы. ...акъ хорошо въ красномъ колпакѣ и тиковой фу... у него отнимаютъ счастіе беззаботности, до...ободы, и хотятъ стянуть его въ латы пар-

Digitized by Google

чеваго кафтана, отягчить голову пукомъ чужихъ волосъ, какъ желѣзнымъ шишакомъ.

Пока въ немъ боролась лѣнь съ необходимостью, наѣхали друзья его и Волынскаго, Перокинъ и графъ Суминъ-Купшинъ, оба заклятые враги неправды и потому враги Бирона, оба неколебимые столбы отечества и трона. Они вѣрили, что тотъ дворянинъ почетнѣйшій, кто забываетъ себя для пользы общественной, кто не боится говорить правду передъ сильными земли за утѣсненныхъ и беззащитныхъ, и готовъ за эту правду положить свою голову. Увѣренность эту доказывали они не словами, а дѣломъ. И слово ихъ было все равно, что дѣло. Кривыхъ, темныхъ путей не избирали они для своихъ дѣйствій, даже противъ враговъ: въ обществахъ, въ сенатѣ, въ самомъ дворцѣ, предъ государынею, обличали они зло Зато въ свѣтѣ пріобрѣли имя людей безпокойныхъ; сама государыня, хотя увѣрена была въ ихъ правотѣ и преданности къ себѣ, считала ихъ людьми докучными Ни одинъ изъ нихъ не былъ лично обиженъ Бирономъ, но оба мстили ему за кровное оскорбленіе отечества.

Зуда только-что увидалъ голову одного изъ гостей, убѣжалъ во всѣ лопатки.

— Готовъ-ли, братъ Андрей?—спросилъ Перокинъ, продирая свой тучный корпусъ сквозь открытую половину двери и высовывая въ залу огромную голову съ выпуклыми, львиными глазами: — ге, ге! да ты еще нѣжишься, какъ старая баба.

— Ты не царская постельная собачка, чтобъ себя та баловать,—прибавилъ сердито графъ Суминъ-Купшин старичекъ, бѣлый, какъ лунь, сгорбившійся, какъ гильный сводъ и едва передвигавшійся съ помощ

Digitized by Google

огромной трости: — стыдно! Да, кажется, здѣсь былъ Зуда въ халатѣ, коли не обманываютъ меня глаза. Секретарь при тайномъ совѣтникѣ!... это еще невидаль на Руси! Охъ, охъ, Андрей Ивановичъ, перебалуешь ты все, что только около тебя повертится. Погоди, мы за тебя возьмемся порядкомъ.

Покраснѣвъ и смутясь, какъ дитя, застигнутое въ шалости своимъ наставникомъ, Щурховъ уже проворно одѣвался, и запинаясь, робко, съ умоляющимъ взоромъ, отвѣчалъ:

— Зуда боленъ, ушибся вчера... ну проворнѣе же, Иванъ!

И слуга, оторопѣвшій за-одно съ своимъ бариномъ, не замѣтилъ, какъ подалъ ему парикъ задомъ и покрылъ имъ лицо; но Щурховъ, не показывая ни малѣйшаго знака гнѣва, обратилъ парикъ назадъ и осмѣлился ужь самъ спросить:

— Чтожъ нынѣ за необыкновенный день, что вы торопите?

— Да развѣ ты не знаешь? — Да развѣ ты не получалъ нашей записки? — спросили въ одно время Перокинъ и Купшинъ съ видомъ и голосомъ удивленія.

— Не знаю и не получалъ.

— Не можетъ статься! Иванъ, не было-ли посылки къ твоему барину?

Иванъ могъ бы сказать: «я чистилъ платье, лоша-", стряпалъ и прочее», но въ такомъ случаѣ онъ ждалъ-бы своего господина, а это было-бы тяжелѣй него, чѣмъ обвинить себя. Онъ отвѣчалъ только:

— Нѣтъ, сударь, не видалъ ничего. Развѣ спросить ту!..

Digitized by Google

Позвали карлу Щурхова. Угрюмое лукавство ежилось на лицѣ его, сбористомъ и желтомъ, какъ старые алансовые манжеты.

— Лежитъ какая-то бумага въ передней,—проворчалъ онъ сердито, приводя въ движеніе отвислыя щеки, какъ брыли у собаки:—а какой бѣсъ принесъ ее, не вѣдаю, я спалъ на залавкѣ.

Вошелъ Зуда, прилично одѣтый, и какъ скоро узналъ о предметѣ разговора, бросился въ прихожую, гдѣ и сыскалъ бумагу. Щурховъ раскрылъ ее и началъ читать. Между тѣмъ Купшинъ замахнулся тростью на карлу и вскричалъ съ сердцемъ:

— О! еслибы я не боялся грѣха, придавилъ бы эту гадину въ образѣ бѣса. Вонъ, мерзавецъ, и въ кухню!

Жалобно зарюмилъ карла и, выходя изъ комнаты, сквозь слезы проклиналъ свое житье-бытье при такомъ негодномъ баринѣ, который позволяетъ чужимъ господамъ бранить у себя въ домѣ своихъ вѣрныхъ служителей.

— Наконецъ, благодаря Господу, — сказалъ Щурховъ съ чувствомъ, перекрестясь:—государыня назначила намъ аудіенцію, которую мы такъ долго отъ нея испрашивали.

Зуда покачалъ головой и произнесъ со вздохомъ:

— Думаю, что это предпріятіе только, что испортитъ все дѣло. Еще слишкомъ рано!

— О! коли дожидаться окончанія вашихъ плановъ, перецѣженныхъ и перетроенныхъ, — возразилъ графъ Купшинъ горячась,—такъ надо ждать второго пришествія. Нѣтъ, сударикъ мой, мы, съ нашимъ простымъ умишкомъ, хотимъ, помолясь Богу, приниматься тотчасъ за работу; по нашему, настоящая пора! Дай намъ, г

Digitized by Google

лубчикъ, описать тебѣ самому, до какого жалкаго состоянія вы, съ вашею хитростью и дальновидностью, съ вашею ученостью, довели наше дѣло, и какъ мы думаемъ его поправить, разумѣется, съ Божьею помощью, безъ нея же все прахъ и суета. Теперь уложи масштабъ и циркуль своего ума въ карманъ, повѣрь здравымъ разсудкомъ и добрымъ сердцемъ наше намѣреніе, а тамъ возражай. Вникни и ты хорошенько въ дѣло, Андрей Ивановичъ, и помоги намъ во дворцѣ. Насъ не такъ скоро послушаютъ — мы слывемъ озорниками, можетъ статься, и проговоримся; а ты насъ поддержи: государыня жалуетъ тебя больше нашего; стоитъ тебѣ зажурчать сладкою своею рѣчью, такъ поневолѣ развѣсишь уши, и ретивое заговоритъ съ тобою за одно.

— О-го! если и впрямь такъ, сдѣлаемъ, что можно и должно,—подхватилъ Щурховъ охорашиваясь.

Глаза его заблистали, движенія и рѣчь стали тверды; казалось, что Купшинъ пустилъ во всѣ жилы его свѣжую, горячую кровь, и еслибы дали ему въ это время начальство надъ лихимъ эскадрономъ, онъ славно повелъ бы его въ атаку, въ пылъ битвы. Это былъ священный костеръ, на который надобно было только посыпать ладану, чтобы онъ загорѣлся.

— Чего не сдѣлаетъ эта золотая голова! — думалъ Иванъ, слушая съ умиленіемъ похвалу своему барину и смотря на него съ гордостью матери. — О! кабы не ворство нашей братьѣ, могъ бы прямо на мѣсто дога!

Графъ Суминъ-Купшинъ продолжалъ:

— Волынскій отъ своей молдаванки съ ума со..ъ—мы все знаемъ, г. Зуда, хоть никого ни о чемъ

Digitized by Google

не разспрашиваемъ, все знаемъ. Въ наше время наушничество въ такомъ ходу, что услышишь поневолѣ и то, что ввѣкъ не хотѣлъ бы слышать; душонки и языки налажены на всякую скверность; коли - нельзя попасть въ шептуны къ фавориту, норовятъ въ угодники къ второстепеннымъ и такъ далѣе, смотря по случаю. А въ случаѣ только тотъ, кто при ушкѣ. Чай, у моего камердинера, у твоего дворецкаго, у его мамки, есть свой наушникъ. Впрочемъ, и то сказать, шила въ мѣшкѣ не утаишь. Итакъ знаемъ, что братъ Артемій вовсе потерялъ голову, разслабъ, будто хворалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сталъ трусливъ, какъ заяцъ, не за себя—о! онъ до этого не дошелъ и не дойдетъ, я увѣренъ въ этомъ; но, сберегая честь и спокойствіе молдаванки, даетъ надъ собою верхъ Бирону, попускаетъ злѣйшему врагу Россіи грабить ее и губить. Бѣдный Артемій! до чего осѣтилъ тебя дьяволъ!... Всегда самъ былъ первый въ заговорѣ противъ временщика, лѣзъ изъ кожи вонъ, какъ скоро кто противъ его зам..словъ, хоть глаза выцарапать; а теперь готовъ впопятную. Ясно и вѣрно, какъ дважды два—четыре, что участь нашего друга держится на одной цѣпочки съ тайною молдаванки. Тронься онъ только на какое дѣло противъ Бирона, и княжну сдѣлаютъ чернѣе угля: вотъ, чего страшится несчастный, попавшійся въ эту западню, хитро устроенную, нечего таить, г. Зуда!

— Нельзя расчислить, — примолвилъ Перокинъ съ сильною грустью,—до чего дойдетъ гнѣвъ государы[ни,] когда она узнаетъ, что Волынскій обольстилъ ея л[ю]бимицу. Несчастный разбилъ лучшую ея игрушку

Зуда хотѣлъ что-то возразить, но говорившій с[де]лалъ ему знакъ, чтобы онъ молчалъ.

Digitized by Google

— Дѣйствительно ли это такъ, и буквально ли такъ,—не вѣдаемъ: стыдно намъ входить въ подробности этого дѣла; но у фаворита есть свидѣтели... статься можетъ, въ его рукахъ находится и переписка: чего же болѣе для улики Артемія Петровича? Во всякомъ случаѣ безразсудно, стыдно, грѣшно!... Оправданія нѣтъ. Но всего не воротишь. Дѣло въ томъ теперь, чтобы спасти нашего друга наперекоръ ему и, если можно, черезъ него спасти нашу кормилицу Россію. Бѣдная Россія! не молоко, а кровь выпытываютъ изъ грудей твоихъ. Отважимъ за тебя все, чего дороже намъ нѣтъ на свѣтѣ; а тамъ буди воля Божья!...

Тронутый Перокинъ остановился, какъ бы для того, чтобы собрать силы на объясненіе труднаго подвига, на который онъ рѣшался, и потомъ продолжалъ съ особеннымъ чувствомъ:

— Сердце мое придумало только одно средство, крайнее, рѣшительное. Время терять не надо. Вотъ видишь, въ чемъ это средство. Волынскій не любитъ жены своей, а моей бѣдной сестры; это ясно; что дѣлать? насильно милъ не будешь! Можетъ статься, причина этой холодности и та, что она не имѣетъ дѣтей. Сестрѣ я почти все открылъ письмомъ, и убѣждаю ее для блага общаго согласиться на разводъ. Теперь же отправляемся къ государынѣ съ тѣмъ, чтобы ей разсказать, какъ другъ нашъ вовлеченъ въ любовную связь съ княжной, какъ Биронъ старался всячески ..лить эту связь—на это и мы представимъ докумен- и—и будемъ умолять ея величество позволить Ар- ію Петровичу развестись съ его женой. Увѣрены, государыню легко убѣдить къ согласію—она души чаетъ въ молдаванской княжнѣ. Такимъ образомъ

Digitized by Google

Волынскій выйдетъ сухъ изъ воды, и государыня получитъ сильное предубѣжденіе противъ своего любимца. Тогда представимъ ей въ живыхъ краскахъ несчастное положеніе Россіи, объявимъ, какъ вѣрноподданные, что для спасенія отечества отъ систематическаго грабежа и опустошенія, для избавленія самой государыни отъ нареканія потомства, остается ей удалить отъ себя курляндца и вручить кормило не государства, но государственныхъ дѣлъ, Волынскому.

— А сестра твоя?...—спросилъ сквозь слезы Щурховъ.

— Это его дѣло, а не твое, — прервалъ съ твердостью графъ Купшинъ.—Тамъ нѣтъ ни сестры, ни брата, тамъ нѣтъ родства, гдѣ дѣло идетъ о благѣ отечества. Трудна жертва нашего добраго Петра, кто изъ насъ съ этимъ не согласится? Но я самъ первый положилъ палецъ въ эту рану и увѣренъ, что, кромѣ ея, нѣтъ другого спасенія. Ожидаемъ теперь твоихъ возраженій, Зуда.

— Какія возраженія!... — Зуда прошепталъ отъ изумленія и радости; онъ готовъ былъ пасть въ ноги вельможамъ, сознаваясь, что минута благороднаго восторга можетъ иногда болѣе дальновидныхъ, тонкихъ расчетовъ ума.

— Теперь,—продолжалъ графъ Купшинъ,—благословясь, посовѣтуемся, какъ повести ловчѣе рѣчь матушкѣ государынѣ: умъ хорошо, а два лучше! Худо только то совѣщаніе, гдѣ много умничанья—это знак что совѣщатели думаютъ болѣе о себѣ, нежели о бла общемъ.

Всѣ перекрестились, положили по три земны поклона предъ образомъ Спасителя; за ними послѣ

валъ въ благоговѣйномъ умиленіи Иванъ, котораго не считали не лишнимъ, ни опаснымъ въ этомъ дружескомъ совѣщаніи. Послѣ того начали разбирать, что каждому изъ трехъ вельможъ, собиравшихся на аудіенцію къ государынѣ, надо было говорить: приготовлялись немного—каждый долженъ былъ сказать, что Богъ положилъ ему на сердце для блага отечества. И вотъ собрались они во дворецъ, одушевленные чистотою и благородствомъ своихъ намѣреній; но, между тѣмъ, встрѣтилась помѣха.

За дверьми подслушивалъ карла Перокина. Этотъ хотя и наружностью по-пріятнѣе былъ карлы Щурхова, но не менѣе лукавъ и золъ. Подобравшись на цыпочкахъ къ замочной щели и затаивъ дыханіе, повиснулъ на ней слухомъ. Хотя Зуда выходилъ въ прихожую навѣдаться, не подслушиваетъ ли кто, но засталъ его дремлющимъ въ дальнемъ углу на залавкѣ — такъ умѣлъ онъ мастерски спастись отъ всякаго подозрѣнія! Узнавъ о замыслахъ друзей, уродецъ-слуга тихонько, бочкомъ, выползъ изъ прихожей, на дворъ, и къ пріятелю своему, безобразному карлѣ Щурхова.

— Во что ни станетъ,—сказалъ онъ ему, передавъ сущность совѣщанія, — обернись хоть птицей и дай знать проворнѣе герцогу объ этихъ замыслахъ.

Усмѣхнулся безобразный карла такъ, что задрожали брыли его. Это предложеніе для него находка, ...дкій кусочекъ на голодный зубъ. Лучшаго случая ... найдется отомстить грубіяну Перокину и его ...зьямъ.

— Ступай въ свое мѣсто, будетъ сдѣлано!—отвѣ... онъ; перекатился въ кухню, взялъ оттуда добрый

Digitized by Google

кусокъ мяса, растерзалъ его на-двое зубами, свиснулъ, гаркнулъ:—Удалая! сивка, бурка, вѣщая каурка, стань предо мной, какъ лѣсъ передъ травой.

Откуда ни возьмись, огромная датская собака, выше его ростомъ, прямо къ нему; начала около него ластиться, визжать отъ радости, махать хвостомъ, обнюхала куски мяса, но не осмѣлилась схватить ихъ.

— Сослужи мнѣ службу,—сказалъ бѣсенокъ, потрепавъ Удалую по спинѣ.

Датчанка хорошо поняла волю его и вытянулась, какъ выѣзжанная верховая лошадь; карла скокъ на нее, схватился одной рукой за шею, какъ за гриву, а другой бросилъ кусокъ мяса за ворота; собака туда-жъ, схватила кусокъ и, взметая пылью снѣгъ изъ-подъ ногъ, летомъ помчала своего сѣдока прямо къ Лѣтнему дворцу, который былъ не далѣе ста саженъ отъ дома Щурхова.

Такое путешествіе дѣлалъ бѣсенокъ не въ первый разъ; онъ ѣзжалъ на своемъ буцефалѣ и въ гостиный дворъ, и на почту. Собака-конь извѣстна была въ околодкѣ. Причину ея любви отгадать не трудно: онъ кормилъ ее, когда другіе забывали это исполнить.

У задняго подъѣзда Лѣтняго дворца соскочилъ онъ съ нея, прямо на крыльцо, спросилъ, кого и что нужно, передалъ все вѣрно, получилъ свою награду, опять на коня, который исправно дожидался его—выдалъ ему собачью награду, остальной кусокъ мяса, и, будто ни въ чемъ ни бывалъ, мигомъ возвратился домой, торжествуя въ сердце свой подвигъ. На радость броси онъ гривну дворнѣ.

— Пейте за здоровье Удалой! — закричалъ онъ - все пило за здоровье собаки-коня.

Digitized by Google

Друзья совсѣмъ было собрались во дворецъ, когда явился курьеръ герцога курляндскаго съ пакетомъ отъ его свѣтлости.

— Что за новость?—закричали друзья.

Распечатанъ пакетъ, и въ самомъ дѣлѣ неожиданная, чудная новость отняла у нихъ языки и движеніе. Вотъ что заключалось въ пакетѣ.

«Ея императорское величество приказала объявить вашему превосходительству, что назначенная вамъ аудіенція отмѣняется до другого, неопредѣленнаго дня. Вмѣстѣ съ симъ повелѣно дать вамъ знать, чтобы всѣ, имѣющіе входъ ко двору, дамы и кавалеры, явились въ парадѣ нынѣ въ часъ пополудни, въ квартиру Педрилло, на родины его супруги, придворной козы».

Подлинный подписалъ: Эрнстъ, герцогъ курляндскій.

Этотъ ордеръ былъ на имя его превосходительства Андрея Ивановича Щурхова. Посланный герцога, узнавъ, будто нечаянно, что у г-на тайнаго совѣтника находились гофъ-интендантъ Перокинъ и сенаторъ графъ Суминъ-Купшинъ, вручалъ имъ по такому же извѣщенію.

Долго еще послѣ ухода вѣстового стояли друзья, будто ошибенные громомъ. Униженіе, стыдъ, грусть раздирали имъ душу.

— Какая жестокая насмѣшка!—сказалъ, наконецъ, ерокинъ, пыхтя отъ досады.

Графъ Купшинъ дрожалъ отъ чувства униже- і и, молча, исколотилъ своею тростью невинный ъ.

Щурховъ кряхтѣлъ.

Digitized by Google

И всѣ трое отправились къ Волынскому, увѣренные, что униженіе до такой степени русскихъ вельможъ должно взорвать его и подвигнуть на благородную месть.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РОДИНЫ КОЗЫ

Страшитесь, чтобъ коза
Не обернулась волкомъ.
Et toi, Brutus?...
Voltaire.

Волынскій получилъ также приглашеніе явиться въ квартиру Педрилло, на родины его четвероногой половины. Онъ не разсуждалъ: унизительно ли для кабинетъ-министра, вмѣсто того, чтобы заниматься государственными дѣлами, присутствовать при невиданномъ и неслыханномъ шутовскомъ представленіи. До того ль ему, когда разсудокъ его помраченъ обстоятельствами, въ которыя онъ впуталъ себя и княжну Лелемико съ помощью благопріятеля своего—Бирона. Онъ не оскорбился этимъ приглашеніемъ: послѣ вечера, въ который сердце его наслаждалось такимъ блаженствомъ и извѣдало столько мукъ, оно не могло остановиться ни на какомъ опредѣленномъ чувствѣ. То клялся онъ ужасместью отомстить врагу за насмѣшку, и тотчасъ гупалъ отъ своего намѣренія, страшась подвергнуть ную княжну стыду и униженію, гнѣву государыни Богъ знаетъ, какой несчастной участи. Одна мысль этомъ останавливала въ немъ кровь, и онъ вну-

Digitized by Google

тренно мирился на нѣсколько мгновеній съ Бирономъ, называя его молчаніе на счетъ рокового вечера благороднымъ поступкомъ, между тѣмъ какъ этотъ поступокъ было только дѣло холоднаго, утонченнаго разсчета. То сбирался онъ писать къ женѣ—добрѣйшему, прекрасному созданію, которое столько любило его и и ни разу, съ тѣхъ поръ, какъ они жили вмѣстѣ, не подало ему причины къ неудовольствію; рѣшался изобразить ей свою неблагодарность, свое безразсудство, и просить ее возвратиться скорѣе въ Петербургъ, чтобы спасти его отъ него самого. Онъ даже плакалъ слезами раскаянія. Но этотъ припадокъ благоразумія и совѣсти былъ коротокъ: одна мысль о Маріорицѣ съ пылающимъ поцѣлуемъ, — и всѣ намѣренія исчезали, какъ тѣнь, наведенная мимолетнымъ облачкомъ, и душа его съ жадностью хваталась за чашу наслажденій, еще недопитую. «Погоди,—нашептывалъ ему сатана-страсть,— не весь еще міръ дивныхъ восторговъ развилъ я для тебя; я раскрою тебѣ чертоги, полные чудесъ. Взгляни только на нее; оцѣни сокровище, которымъ обладаешь, и—трусъ! уступи его, если можешь, угрозамъ судьбы и людей.

И несчастный поддавался опять своей страсти, а можетъ статься, только силѣ своего пламеннаго воображенія.

— Но,—думалъ онъ,—если Маріорица узнаетъ, что я женатъ? Каково ей это услышать въ обществѣ, между подругами, можетъ статься, при самой государынѣ! Она измѣнитъ себѣ, она погубитъ себя и меня. Ес она и будетъ умѣть скрыть свое смущеніе, каково м тогда показаться ей на глаза? Что сказать? Какое из ненie принести? Нѣтъ! лучше самому предупреді

Digitized by Google

ее, объявить ей письмомъ все какъ было. Страсть все оправдаетъ. Другого средства нѣтъ спасти ее отъ новаго мучительнаго положенія. Надо, чтобъ она, рано или поздно, это узнала; довольно, что я два, три мѣсяца скрывалъ свою тайну; надо когда-нибудь развязку. Разводъ съ женой еще остался къ моему спасенію. Есть надежда!.. Что будетъ, то будетъ!

Все это, однакожъ, легче было говорить въ чаду страсти, со словъ надежды, нежели сдѣлать. Кажется, на душу его набѣгали уже нечистыя, своекорыстныя намѣренія. Благороднаго, возвышеннаго Волынскаго нельзя было въ немъ узнать,—такъ сѣти лукавыхъ, его безразсудство и любовь опутали со всѣхъ сторонъ умъ и сердце его.

Онъ написалъ письмо къ княжнѣ; но съ кѣмъ доставить его? Не новую ли неосторожность прибавить къ прежнимъ и усилить несчастіе Маріорицы? Бывало, цыганка такъ проворно, такъ мастерски исполняла его порученія; а теперь нельзя и подумать, чтобъ согласилась взяться за это дѣло эта чудесная, загадочная женщина, столько похожая на княжну и такая заботливая объ ея спокойствіи и счастіи, какъ будто это спокойствіе и счастіе были ея собственныя — даже болѣе, чѣмъ ея. Какъ жестоко платитъ она Волынскому за его преступную любовь! Цыганка неугомоннѣй его совѣсти; вездѣ преслѣдуетъ его. Онъ во дворецъ—цыганка тутъ, на дворцовой площади, у дворцового крыльца, киваетъ ему, указываетъ на небо; онъ изъ дворца — неумолимая опять тутъ же и опять напоминаетъ ему небо. Кабинетъ-министръ думалъ уже употребить противъ нея свою власть: ей ли напоминать ему о обязанности?..

Digitized by Google

Какія жъ средства возьметъ онъ доставить письмо? Онъ званъ на родины придворной козы. Кстати, онъ заѣдетъ во дворецъ доложить государынѣ, что всѣ затѣи къ свадьбѣ Кульковскаго готовы, и спроситъ, когда ея величеству угодно будетъ назначить день церемоніи. Не увидитъ ли тамъ Маріорицы? не удастся ли отдать ей письмо?

Лошадей! — онъ скачетъ во дворецъ. Слѣдъ его кареты занесло уже снѣгомъ, когда пріѣхалъ къ нему дружескій тріумвиратъ и съ нимъ маленькій Зуда. Что дѣлать? Перокинъ объявляетъ, что онъ не поѣдетъ на шутовскія родины козы, хотя на то была воля государыни. Щурховъ колеблется: онъ хотѣлъ бы возвратиться къ своему красному колпаку, тиковой фуфайкѣ, польскимъ собачкамъ и неизмѣнному Ивану, къ своей блаженной лѣни и свободѣ, къ своему маленькому міру, замѣняющему все, что за нимъ дѣлается въ большомъ, земномъ мірѣ. Графъ Суминъ-Купшинъ ѣдетъ, но клянется, что не умолчитъ предъ государыней униженія, въ какомъ фаворитъ водитъ русское дворянство на шутовской цѣпочкѣ или на колодничьей цѣпи. И коль скоро оба друга его узнаютъ его твердое намѣреніе, они клянутся раздѣлить съ нимъ опасности и честь этого дня.

Проѣзжая дворцовую площадь, Волынскій боится взглянуть сквозь окно кареты, чтобы не увидать своей совѣсти, воплощенной въ видѣ цыганки.

Онъ засталъ государыню на выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ. Ее принимаетъ подъ руку Биронъ с подобострастіемъ самаго преданнаго слуги.

— Подождите, — сказала она, возвращаясь назадъ: я хочу перекрестить свою Лелемико *отъ призору очес*

Вдали, въ дверяхъ, показались, какъ въ рамѣ, блѣдное, но все еще прекрасное лицо и стройная фигура восточной дѣвы. Не знаю, говорили ли мы, что государыня находила особенное удовольствіе почти каждый день переряжать ее по своему вкусу; надъ ней, какъ надъ куклой, дѣлала она опыты костюмовъ разныхъ народовъ, а иногда, по собственной прихоти, соединила ихъ нѣсколько вмѣстѣ. Особенно любила играть ея длинными черными волосами: то разсыпала ихъ кругомъ головы, то свивала густыми струями вдоль щекъ и по шеѣ, то заплетала въ двѣ косы, позволяя имъ сбѣгать изъ-подъ золотой фески, или обвивала ими голову подъ собольей шапкой, или пускала по спинѣ въ одну густую косу почти до полу. И всегда кстати можно было сказать княжнѣ: *«во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша!»* Нынѣ Маріорица одѣта по-своему, по-молдавански. Увидавъ Артемія Петровича, она вдругъ вся вспыхнула и поблѣднѣла. Эти перемѣны были такъ быстры, что глазъ едва могъ за ними слѣдовать. Государыня подозвала ее къ себѣ, перекрестила, поцѣловала въ лобъ и глаза и потомъ, обернувшись къ своему кабинетъ-министру, промолвила:

— Я вѣдь правду говорила, что вы сглазите мою Лелемико, помните ли?..

Волынскій хотѣлъ улыбнуться, но его улыбка выразилась такъ насильственно, что походила на гримасу; блѣднѣя, онъ искалъ словъ — и не находилъ ихъ. словахъ государыни было столько убійственной ıвды. Княжна, не зная также, что дѣлать, цѣловала ки государыни, и въ этихъ ласкахъ старалась укрыть бя отъ наблюдательныхъ взоровъ, на нее обращенхъ.

— Каково? вы не помните! — сказала государыня, возвращаясь назадъ и принявъ руку Бирона, чтобы на ней опереться: — вотъ видите, женщины — памятливѣе!

— Виноватъ, ваше величество... дѣла государственныя... заботы, могли... — отвѣчалъ, не докончивъ отвѣта, смущенный Волынскій.

Государыня, усмѣхаясь, продолжала:

— Охъ, охъ, Артемій Петровичъ, не даромъ говорятъ, что у васъ глазъ не простой. Воля ваша, вы знаетесь съ нечистой силой! Повѣрите ли, я сама иногда хочу на васъ посердиться, но вы лишь только на меня взглянете, я, хотя и владычица могущественной имперіи, уступаю вамъ...

Въ это мгновеніе герцогъ неосторожно отнялъ свою руку, но ловкій кабинетъ-министръ, оживленный лестной шуткой императрицы, успѣлъ занять мѣсто Бирона.

— Что съ вами, герцогъ? — спросила она, покраснѣвъ и съ сердцемъ.

Но этотъ гнѣвъ только-что промелькнулъ.

Она вскорѣ отняла потихоньку руку отъ Волынскаго, кивнувъ ему, однакожъ, ласково въ знакъ благодарности, потомъ протянула руку Бирону, отъ которой этотъ не смѣлъ отказаться, покачала головой въ видѣ упрека и примолвила дружескимъ тономъ:

— Что съ вами, мой любезный Эрнстъ?.. Если на васъ нашелъ вчерашній припадокъ, отдохните; а я не хочу другого провожатаго, кромѣ васъ...

Послѣ этихъ словъ можно ли было думать побороть любимца государыни въ умѣ и сердцѣ ея? Несчастенъ кто это замышлялъ только! Правду говорилъ Зуд

предрекая Волынскому неудачу въ самомъ началѣ борьбы его съ Бирономъ. Но кто разгадаетъ сердце человѣческое, этого сфинкса, доселѣ неразобраннаго во всѣхъ причудахъ его, этого оборотня, неуловимаго въ своихъ измѣненіяхъ? Одна минута — и государыня могла перемѣниться.

Съ неудовольствіемъ уступилъ Волынскій своему счастливому врагу, но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отстать отъ государыни, продолжавшей свой путь къ одной изъ внутреннихъ дворцовыхъ лѣстницъ. Бросивъ, какъ милостыню, слова два, три то одному, то другому изъ свиты ея и, между разговоромъ давая проходить толпѣ, жаждущей лицезрѣнія императрицы, онъ очутился одинъ въ комнатѣ. Оглянулся назадъ — сердце угадало — Маріорица стоитъ въ концѣ этой комнаты, унылая, неподвижная, опираясь на ручку двери. Она провожала его взорами, подстерегая въ его движеніяхъ и взглядахъ хотя минутное къ себѣ участіе; душа ея влеклась по его слѣдамъ. Какъ скоро она замѣтила, что Волынскій отсталъ, любовь заиграла румянцемъ въ ея щекахъ.

Артемій Петровичъ опять осмотрѣлся — въ комнатѣ ни души! Вынулъ письмо изъ кафтана, преклонилъ его до земли, положилъ на ближайшее окно, стараясь объяснить страстною мимикой, что сердце его раздирается отъ горести, и поспѣшилъ догнать свиту императрицы и вовремя вмѣшаться въ толпу. Маріорица ватила письмо, прижала его къ сердцу и исчезла. е это было сдѣлано въ два, три мгновенія, быстрыя, къ молнія. У квартиры Педрилло успѣлъ еще Арте- Петровичъ быть замѣченнымъ государыней, и — отсутствіе Бирона, уходившаго впередъ установить

Digitized by Google

зрѣлище — взысканъ милостью ея, выраженною глазами и на словахъ. Такое обращеніе государыни съ Волынскимъ держало еще нѣкоторыхъ царедворцевъ въ надеждѣ, а другихъ въ страхѣ, не поколеблются ли рѣшительно на его сторону вѣсы царскаго благорасположенія къ невыгодѣ Бирона.

Диво-дивное ожидало зрителей въ квартирѣ Педрилло, превращенной на сей разъ изъ нѣсколькихъ комнатъ въ одну обширную залу со сценою, на которую надо было всходить по нѣсколькимъ ступенямъ. Сцена была убрана разными атрибутами изъ козьихъ роговъ, переднихъ и заднихъ ногъ, хвостовъ и такъ далѣе, связанныхъ бантами изъ лентъ. Въ глубинѣ сцены, на пышной постели и богатой кровати, убранной малиновымъ штофнымъ занавѣсомъ, лежала коза, самая хорошенькая изъ козьяго прекраснаго пола. Она убрана была въ блондовый чепецъ съ розовыми лентами; изъ-подъ шелковаго розоваго одѣяла, усыпаннаго попугаями и заморскими цвѣтами, изрѣдка замѣтно было безпокойное движеніе ея связанныхъ ножекъ. Впрочемъ, она глядѣла на посѣтителей довольно умильно, приподнимая повременамъ свою голову съ подушки. Подлѣ нея, на богатой подушкѣ, лежала новорожденная козочка, повитая и спеленатая, какъ должно. Отъ обоихъ концовъ кровати до авансцены расположены были въ два ряда всѣ придворные шуты, кто прямо, какъ столбъ, кто сгорбившись болѣе или менѣе, кто на колѣнахъ, такъ что представляли собою лѣстницу, восходящую къ сторонѣ кровати. Всѣ они были въ блестящихъ кафтанах. и пышно причесаны. Двое изъ нихъ, одинъ против другого, держали по дымящейся курильницѣ, двое п умывальницѣ, и въ такомъ же порядкѣ по серебряно

блюду, утиральнику, шитому золотомъ, и другимъ вещамъ, нужнымъ для туалета. За кроватью, въ почтительномъ отдаленіи, стояло нѣсколько десятковъ карлъ и карлицъ съ козьими рожками, рыльцами и въ косматомъ одѣяніи изъ козьей шерсти, а ближе къ родильницѣ, въ такомъ же нарядѣ, съ прибавкою чепца, повивальная бабка, которая повременамъ брала на руки новорожденную и убаюкивала ее. Не видать было одного Балакирева: онъ наканунѣ дошутилъ свою послѣднюю земную шутку, уложась въ гробъ и не вставши изъ него (за нѣсколько дней назадъ потребованъ онъ былъ къ герцогу для полученія отеческаго наставленія за острое словцо, не во-время сказанное временщику). Педрилло, одѣтый богаче прочихъ своихъ собратій и вчесанный двумя этажами волосъ выше ихъ, при орденѣ Бенедетто, принималъ гостей со всѣмъ приличіемъ, должнымъ ихъ сану, и непринужденною заботливостью хозяина-придворнаго.

Введенная въ спальню родильницы, государыня подошла къ постели, изволила высыпать изъ кошелька на особо приготовленную подушку нѣсколько десятковъ золотыхъ монетъ *на зубокъ* и потомъ спросила г-жу Педрилло объ ея здоровьѣ. Родильница (тиснутая за ногу повивальною бабкой) преумилительно заблеяла отвѣтъ и вмѣстѣ съ этимъ весь ея ковій штатъ заблеялъ хоромъ, кто басомъ, кто теноромъ, кто дискантомъ: чему ея величество изволила отъ души смѣяться. Въ же самое время кабинетъ-секретарь Эйхлеръ записывалъ на длинномъ листѣ особъ, бывшихъ въ залѣ, потомъ, когда Анна Іоанновна присѣла на кресла, рцогъ вызывалъ по этому списку всѣхъ посѣтителей и сѣтительницъ, одного за однимъ, по классамъ, съ

Digitized by Google

тѣмъ, чтобы они подходили къ родильницѣ и исполняли то же, что сдѣлала государыня. Выполнивши этотъ обрядъ, спрашивалъ также о здоровьѣ г-жи Педрилло, и на каждый вопросъ давала она исправно козій отвѣтъ, которому вторилъ тотъ же гармоническій хоръ. На сценѣ одни шуты удерживали свое хладнокровіе и важность, отъ чего еще болѣе усиливалось смѣшное зрѣлище. Однимъ словомъ, потѣха была такая, что государыня забыла свою болѣзнь и хохотала до слезъ; все за нею смѣялось также, не въ состояніи бывъ соблюсти должнаго приличія, чѣмъ она нимало не оскорблялась. И Волынскій положилъ свою богатую дань на подушку родильницы; и онъ навѣдался, какъ и прочіе придворные, о здоровьѣ козы!..

Между тѣмъ какъ толпа обоего пола, въ неподдѣльномъ восхищеніи, обступала постель родильницы, вошли въ залу три человѣка и стали посреди нея какъ бы оглашенные, сомкнувшись рядомъ. Одинъ, сѣдовласый старецъ, опирался въ глубокой горести на трость: въ немъ узнаютъ графа Сумина-Купшина. Не трудно угадать, кто были по бокамъ его. Появленіе этихъ трехъ фигуръ, такъ смѣло и дружно отдѣлившихся отъ придворной толпы, такъ одиноко, молчаливо и мрачно стоявшихъ посреди огромной комнаты и веселія шутовскаго праздника, дерзавшихъ, повидимому, ослушаться воли императрицы, сковало смѣхъ и обратило на себя общее вниманіе. Пророки, явившіеся въ сонмѣ грѣшниковъ, не сдѣлали бы между ними большаго впечатлѣнія. Сначала пронесся глухой шопотъ въ толпѣ; потомъ все замолкло, впеливъ взоры на лицо государыни, на которомъ хотѣли разгадать приговоръ дерзкимъ возмутителямъ ея удовольствій. Биронъ

Digitized by Google

казался встревоженнымъ, ожидая на себя, по предчувствію нечистой совѣсти, какого-нибудь нападенія этихъ смѣлыхъ подвижниковъ правды. Не менѣе его смутился Волынскій. Сама государыня, которую всякая нечаянность сильно тревожила, пораженная грозною неподвижностью трехъ друзей, не могла скоро освободиться отъ мучительнаго чувства, ее обнявшаго. Наконецъ она спросила, обратясь къ герцогу:

— Что они тамъ? велите имъ подойти.

Хозяинъ праздника, Педрилло сошелъ къ нимъ и объявилъ волю государыни, чтобы они подошли къ родильницѣ и сдѣлали то же, что и другіе. Вельможи не дали отвѣта, и Педрилло доложилъ, что они не повинуются.

— Опасные люди!.. — сказалъ Биронъ, наклонясь почти къ уху государыни. — Я вамъ ужъ докладывалъ, что они замышляютъ... Еще нынѣ получилъ я тайныя извѣстія о худыхъ намѣреніяхъ... заговоръ... статься можетъ, они выбрали этотъ случай... есть важные сообщники... но я взялъ свои мѣры.

Петръ, Екатерина и... (умолчимъ: Онъ живъ — живымъ хвала столько похожа на лесть) пошли бы на встрѣчу бѣдѣ. Такъ дѣлаютъ великіе духомъ; но Анна Іоанновна была больная женщина, и любимецъ ея умѣлъ пользоваться ея немощами. Оторопѣвъ и блѣднѣя, она шопотомъ просила его усилить свои предосторожности на случай худого намѣренія. Биронъ пошелъ отдавать, ...му нужно, приказы. Страхъ невольно сообщился ...пѣ, а чего боялись, никто не зналъ.

Эти распоряженія, этотъ страхъ достойны были ...эха, опасность существовала только на языкѣ коварно фаворита и перешла въ воображеніе государыни,

Digitized by Google

покоренной его демонскому вліянію, отъ нея къ женщинамъ и нѣкоторымъ царедворцамъ, испуганнымъ, можетъ быть, только для виду, изъ угожденія.

Все заволновалось.

Волынскій, слышавшій коварныя остереженія Бирона, вспыхнулъ — онъ забылъ все, и Маріорицу, и свою любовь, и свои опасенія; онъ видѣлъ только благородный подвигъ друзей — и одной искры прекраснаго, брошенной во-время въ эту душу, довольно было, чтобы воспламенить ее. Пока не падаетъ лучь солнца на Мемнонову статую, она не издаетъ дивныхъ звуковъ. Онъ подошелъ къ государынѣ и сказалъ ей съ особенною твердостью:

— Напрасно коварство пугаетъ ваше величество пустыми опасеніями. Я кладу голову мою на плаху, если эти господа не пришли повергнуть къ стопамъ твоимъ, какъ вѣрноподданные, а не какъ бунтовщики, моленія бѣдствующаго отечества, которыми внять пора.

Этою смѣлою рѣчью открыта была война соперниковъ, скрывавшаяся доселѣ въ потаенныхъ дѣйствіяхъ.

— Здѣсь не мѣсто для докладовъ, — вскричалъ озлобленный Биронъ. — А чѣмъ, сударь, назвать, какъ не бунтовщиками людей, которые приходятъ возмущать удовольствія ея величества и въ глазахъ ея противиться ея волѣ. И вы, г. кабинетъ-министръ, заодно съ ними!

— Да! всегда заодно съ вѣрными сынами отечест[illegible] а не врагами его! И я горжусь этимъ, ваша свѣтлость! отвѣчалъ Волынскій.

— Что за споры въ присутствіи моемъ? — сказа[illegible] государыня сначала гнѣвно, потомъ смягчивъ голосъ

Digitized by Google

Здѣсь, конечно, вовсе не мѣсто... Мнѣ нигдѣ не дадутъ покоя, Боже мой!.. Этого недоставало!.. И вы, Артемій Петровичъ?..

Обратясь къ Волынскому, государыня покачала головой, какъ бы хотѣла сказать: «И ты, мой сынъ?.. Тобою я такъ дорожила, такъ долго сберегала тебя отъ нападеній моего любимца, закрывала своею грудью, а ты поразилъ меня такъ нечаянно, прямо въ сердце?»— Хотя этихъ словъ произнесено не было, но Артемій Петровичъ выразумѣлъ смыслъ ихъ въ голосѣ и взорахъ императрицы, и покорясь ея милостивому упреку, приблизился къ друзьямъ и просилъ ихъ выбрать другое время и мѣсто для своихъ представленій.

— Гдѣ-жъ мѣсто, — воскликнулъ съ негодованіемъ графъ Суминъ-Купшинъ, — когда мы не можемъ болѣе имѣть доступъ къ нашей государынѣ? Нынѣ назначена была намъ аудіенція у ея величества — и чтожъ? выгоды иностраннаго шута предпочтены выгодамъ отечества?

— Мы не выйдемъ отсюда, пока не будемъ услышаны, — произнесъ съ жаромъ Перокинъ.

Всѣ трое подошли къ сценѣ и пали на колѣна передъ императрицей. Восторженный старецъ продолжалъ:

— Въ послѣдній разъ, можетъ быть, передъ смертнымъ часомъ, пришли мы говорить тебѣ истину. Вели насъ казнить, но выслушай ее! Поруганная зломъ Россія взываетъ къ тебѣ, матери ея. Услышишь ...осъ ея позднѣе, тамъ, гдѣ и цари предстаютъ на ...ъ верховнаго владыки и отдаютъ ему отчетъ въ ...хъ своихъ; но тогда ужъ будетъ не время. Каж... изъ твоихъ подданныхъ явится къ тебѣ не на

Digitized by Google

колѣнахъ, какъ мы теперь, съ моленіемъ и слезами, — но укажетъ Господу на кровавыя язвы свои, на рубища, на цѣпи, которыми недостойный любимецъ твой насъ отягчилъ, разскажутъ Господу униженіе человѣчества. Скоморохи предпочтены истиннымъ слугамъ отечества и твоимъ, подозрѣніе дало брату ножъ противъ брата, сыну противъ отца.

Биронъ давно взялъ государыню подъ руку и примѣтно увлекалъ ее, сохраняя, однакожъ, наружное уваженіе.

— Не хочу ничего слышать, — кричала она, махая платкомъ и сходя со ступеней. — Здѣсь не мѣсто, говорю вамъ. Я вамъ назначу день... Не хочу ничего слышать... Они продолжаютъ. Боже мой! Боже мой! Грубіяны, дерзкіе, бунтовщики!

— Нѣтъ, государыня, матушка наша, мы не бунтовщики, — прервалъ Щурховъ, — вели намъ пролить кровь нашу, но только за тебя и отечество, и мы источимъ ее до послѣдней капли. Умилосердись надъ своею Россіею: грудь ломится у ней отъ того, что она, боясь проговориться, затаила даже свое дыханіе; все ходитъ въ ней на цыпочкахъ, чтобы не оскорбить слуха курляндскаго герцога; вѣрные сыны твои запаяли свои уста, придавили свое сердце, чтобы оно не выстучало завѣтной чести и правды. Русскіе до того дошли, что стыдятся, не только что боятся, быть благородными. Правда и опала, честь и казнь — стали одно и тоже.

Государыня, продолжая идти, не слыхала ужъ этихъ словъ. Скоро сковалось около нея кольцо изъ цар[...] дворцевъ, такъ что нельзя было видѣть ее, и она ост[...] рожно вынесена потокомъ, хлынувшимъ изъ кварти[...] Педрилло.

Digitized by Google

Зала опустѣла, и стало въ ней такъ тихо, какъ въ хижинѣ поселянина, когда онъ со всею семьею своей отходитъ въ поле. Остались только на ступеняхъ сцены три друга, въ прежнемъ положеніи на колѣнахъ, опустивъ печально голову, и посреди сцены Волынскій, прежній Волынскій, во всемъ величіи и красотѣ благороднаго негодованія, выросшій, казалось, на нѣсколько вершковъ, отрясая свои кудри, какъ гнѣвный левъ свою гриву, поднявъ нахмуренное чело и пламенные взоры къ небу, послѣдней защитѣ отечеству противъ ея притѣснителя. На постели лежала еще бѣдная, связанная козочка и подлѣ нея, прикованная къ кровати страхомъ, повивальная бабка, карлица, одѣтая по-козьему.

Наконецъ три друга встали, пославъ дружески горестный взглядъ кабинетъ-министру, съ которымъ примирилъ ихъ благородный его характеръ. Онъ подошелъ къ нимъ. Всѣ молча пожали другъ другу руку.

— Развѣ Богъ и Елисавета — дщерь великаго Петра, спасутъ Россію! — воскликнулъ вздохнувъ графъ Купшинъ.

Еще не успѣли они выдти изъ дворца, какъ Щурхову, Перокину и графу Сумину-Купшину объявленъ арестъ въ крѣпости. Щурховъ просилъ одной милости, прислать ему въ мѣсто заключенія четырехъ польскихъ собачекъ его, колпакъ и фуфайку. Объ Иванѣ онъ не упоминалъ; но этотъ самъ явился, и ему не отказали въ почетномъ мѣстѣ на соломѣ возлѣ его господина.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПИСЬМО И ОТВѢТЪ

Въ письмѣ [1]), переданномъ, какъ мы ужъ сказали, княжнѣ Лелемико, открывалъ ей Волынскій, со всѣмъ краснорѣчіемъ страсти и отчаянія, что онъ женатъ. Вмѣстѣ съ этимъ, стараясь возвысить ее до небесъ, дѣлая изъ нея женщину необыкновенную, какъ будто не здѣшняго міра, думалъ данью лести умилостивить ее и испросить себѣ прощеніе. Ослѣпленный, онъ еще не зналъ ее хорошо.

Отвѣтъ.

«Не знаю, выше, ниже ли я другихъ женщинъ, но увѣрена, что ни одна не можетъ любить тебя, какъ я.

«Нѣсколько ужъ дней извѣстно мнѣ, что ты женатъ. женщинѣ, которую называютъ твоей женой, говоли при государынѣ. Сначала поразило меня это

[1]) Письмо это выпущено по обстоятельствамъ.

Digitized by Google

извѣстіе, не скрою отъ тебя. Но оно пришло поздно. Я не могу перемѣнить себя, не могу покинуть любви своей; она сильнѣе меня, сильнѣе самой судьбы! И какъ и откуда изгоню я тебя? Нѣтъ капли крови во мнѣ, которая не напитана была бы самою пламенною къ тебѣ любовью; нѣтъ біенія сердца, которое не отозвалось бы ею, — мѣста во всемъ существѣ моемъ, гдѣ бы ты не жилъ. Я вся твоя! Имѣй сто женъ, сто любовницъ — я твоя, ближе, чѣмъ кора при деревѣ, растенье при землѣ. Дѣлай изъ меня, что хочешь, какъ изъ вещи, которая тебя утѣшаетъ и которую, измявши, можешь покинуть, какъ изъ плода, который ты воленъ высосать и — бросить!.. Я создана на это; мнѣ это опредѣлено при рожденіи моемъ. Говори мнѣ, что хочешь, противъ себя; пускай цѣлый міръ видитъ въ тебѣ дурное: я ничего не слышу, ничего не вижу, кромѣ тебя — прекраснаго, возвышеннаго, обожаемаго мною!

«Ты виноватъ предо мною?.. Никогда! Ты преступникъ изъ любви жъ ко мнѣ: могу ль тебя наказывать? Каждый ударъ на тебѣ повторился бы сторицей на моемъ сердцѣ.

«Видишь, я женщина слабая, самая слабая женщина!

«Скажи мнѣ только, милый, безцѣнный другъ, что ты не любишь своей жены; повтори мнѣ это нѣсколько разъ: мнѣ будетъ легче. И она не стоитъ тебя! Еслибъ она тебя любила, покинула ли бы тебя на такое долгое время?

«Погода или ведро будетъ, подъѣзжай въ пол... къ дому Апраксина. Я хочу доказать тебѣ, ка... тебя люблю. Горничная моя предана мнѣ; она по...

Digitized by Google

пила еще одного вѣрнаго человѣка: меня проведятъ. Доставь мнѣ въ другое время денегъ, поболѣе денегъ — все для тебя, мой неоцѣненный другъ! Если-бъ можно, я подкупила бы весь міръ, чтобы владѣть тобою — безъ страха за тебя».

Отвѣтъ написанъ, но съ кѣмъ послать? Горничная, которая со времени рокового вечера освобождена отъ дальнѣйшаго присмотра за княжной и доносовъ (за что положила уже сто земныхъ поклоновъ), съ восторгомъ отправляетъ при ней должность повѣренной. Груня переродилась; она ужъ не раба, а слуга самая преданная, самая усердная. Для своей барышни полѣзетъ въ огонь и въ воду. Что дѣлается свободно, дѣлается такъ легко, такъ успѣшно. Тяготитъ ее только повременамъ память прошедшаго; особенно мучитъ похищеніе изъ ящика всѣхъ записокъ, полученныхъ княжною отъ Волынскаго. Сколько могла, облегчила она этотъ ударъ для Маріорицы. — Непремѣнно требовали этихъ записокъ — говорила Груня; но она, желая избавить свою барышню отъ позора, въ отсутствіе ея поспѣшила сжечь ихъ и потомъ сказала лазутчику Бирона, что сама княжна ихъ сожгла. Груды пепла свидѣтельствовали объ истинѣ ея словъ. Обманутая Маріорица, собравъ пепелъ, плакала надъ нимъ, какъ надъ прахомъ любимаго человѣка, и спрятала въ шелковой подушкѣ, которую нерѣдко держала у своего сердца. Теперь, во что ни станетъ, надо послать за..ку. Груня беретъ порученіе на себя; но лишь ..ко она изъ дворца, навстрѣчу Маріула. Цыганка .. давно, такъ жалобно упрашивала ее позволить ..ѣться съ ея барышнею: теперь еще усерднѣе мо.. объ этомъ — едва не цѣлуетъ ея рукъ.

Digitized by Google

«Вотъ вѣрный случай поручить ей записку — думаетъ Груня: — цыганка не разъ ужъ ихъ носила. А то я могу заплутаться вечеромъ и не найти дома Волынскаго».

Ахъ! какъ отлегло отъ сердца матери, когда она узнала подробности тайнаго свиданія, за которыя дарили ей фатой...

Вводятъ цыганку къ княжнѣ; Груня шопотомъ докладываетъ, зачѣмъ она воротилась.

Отъ радости дрожитъ Маріула, увидѣвъ свою дочь — едва вѣритъ, что у ней, осматриваетъ ее съ ногъ до головы. Въ восторгѣ цыганка забываетъ все прошедшее. Одно, что ее безпокоитъ, такъ это блѣдность Маріорицы. Бѣдная, похудѣла съ того времени, какъ она видѣла ее въ первый разъ въ Петербургѣ, и все отъ любви къ нему, къ негодному обманщику Волынскому!

Маріорица ласкаетъ ее, цѣлуетъ, и вкрадчивымъ голосомъ спрашиваетъ цыганку, любитъ ли она ее попрежнему.

— Люблю ли я?.. Скажи, чѣмъ это доказать?

— Вотъ видишь это письмецо; ты знаешь, къ кому оно... отнеси къ нему, но только сейчасъ, сію минуту, въ собственныя руки.

— Къ нему?.. въ собственныя руки?..

Ужасъ изобразился на лицѣ цыганки. Каково порученіе для матери!

— Да, да, къ нему сейчасъ! — возразила гнѣвно княжна: — или не знай моего порога.

— Несу! — отвѣчала мать. — Но знаешь ли, — прибавила она, отдохнувъ нѣсколько отъ тягости св-

Digitized by Google

жертвы: — знаешь ли, милая барышня, что онъ женатъ? что онъ негод...

Вспыхнула Маріорица, заградила ей уста своей рукой, и нахмуривъ брови, какъ маленькій Юпитеръ на свою землю, съ пылающимъ взоромъ, вскрикнула:

— Цыганка! берегись!.. не говори мнѣ про него худого, или я проклину тебя...

— Она!.. проклянетъ меня?.. — думала Маріула, оледенѣвъ отъ ужаса: — дочь проклянетъ свою мать?.. Боже, Боже мой! скажи, бывало ли это въ твоемъ мірѣ?.. Неужели надо мной должно совершиться!

— Несу твое письмецо, барышня! — сказала она, и лишь хотѣла проститься съ дочерью, почувствовала въ рукѣ деньги... плату за...

Нѣтъ имени этому слову на языкѣ порядочныхъ людей! Земля, казалось, растворилась, чтобы ее поглотить; дрожь ее проняла; деньги невольно выпали изъ рукъ; она хотѣла бросить и письмо, но вспомнила проклятіе, и въ какомъ-то священномъ страхѣ, боясь, чтобы одно слово не погасило навѣки небеснаго огня, которому обрекла себя на служеніе, и не погребло ее живую въ землю, спѣшила исполнить волю дочери.

— Что пишетъ она въ этомъ письмѣ? — думала Маріула, неся его къ Волынскому. — Какъ дорого заплатила бы, чтобъ знать его содержаніе! Но смѣетъ ли нарушить тайну дочери, поручивъ другому проѣ его? Нѣтъ, никогда не допуститъ она, чтобы ..я уста читали стыдъ Маріорицы, чтобы они рас..ились для коварной усмѣшки надъ нею!

..огда Волынскій возвратился домой съ шутовскаго ..лника, цыганка стояла ужъ у крыльца. Какими

Digitized by Google

ужасными взорами помѣнялись они! Она подала ему письмо, тотъ принялъ его.

— Что? одумалась! — сказалъ онъ.

Ни слова отвѣта: но глаза ея были ужасны — такъ и разеталисъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НОЧНОЙ СТОРОЖЪ

Съ негодованіемъ и грустью возвращался Волынскій домой, помышляя объ участи, ожидавшей его друзей. Они принесли себя въ жертву дѣлу, котораго онъ былъ главнымъ зачинщикомъ и проводникомъ; его долгъ спасти ихъ или погибнуть вмѣстѣ. Въ такомъ состояніи застигла его цыганка, когда онъ вышелъ изъ кареты на свое крыльцо. Принадлежа весь долгу своему, онъ было забылъ, что писалъ къ Маріорицѣ: такъ одна страсть обхватывала вдругъ эту душу, не давая въ ней мѣста другой. Появленіе неотступной цыганки, этого ужаснаго Полифема въ женскомъ видѣ, готовой, кажется, броситься на него и истерзать, напомнило ему и письмо его, и всю гнусность обольщеній, по которымъ онъ провелъ сердце неопытной дѣвочки. Эта мысль помутила въ немъ чистоту и возвышенность измѣреній, возбужденныхъ твердостью другого. Что еще готовитъ ему отвѣтъ княжны! Онъ жаждетъ и боится прочесть его; онъ кается, что писалъ къ ней, и до того дошелъ, что желаетъ въ ней

Digitized by Google

перемѣны чувствъ. Можетъ быть, и произвела это въ ней вѣсть объ его женитьбѣ. Кабы такъ?.. Чудный человѣкъ! могучъ, какъ море, и непостояненъ, какъ оно съ своими отливами и приливами: то безбоязненно ходятъ на днѣ его птички, то на разъяренныхъ волнахъ своихъ поднимаетъ оно корабли до облаковъ.

«Маріорица предалась мнѣ, думаетъ онъ, увлекаясь чувствомъ прекраснаго, пустившаго уже во всемъ существѣ его сильные побѣги. — Маріорица моя, но еще не осквернена преступленіемъ. А свѣтъ?.. онъ считаетъ ее преступницею со дня рокового вечера. Свѣтъ! это завистливое собраніе личностей, готовое оклеветать все, что только дѣлается не для каждой изъ нихъ, и поднять до небесъ все, что ей льститъ! Стоитъ мнѣ побѣдить себя, возвратить Маріорицу этому себялюбивому уроду, и, снова предметъ его надеждъ и искательства, взлелѣянная снова имъ, она выйдетъ чиста и непорочна изъ устъ его, будто сейчасъ вышла изъ купели.

Что за чародѣй человѣкъ, когда нужно ему оправдать свои проступки и помириться съ судьбой! Какъ легко въ мысляхъ своихъ разстановляетъ онъ на сценѣ міра актеровъ, разыгрывающихъ съ нимъ драму его жизни, заставляетъ ихъ говорить, дѣйствовать и чувствовать по-своему, и ведетъ эту драму къ желанному концу! Какой онъ искусный лекарь для тѣхъ ранъ, которыя самъ надѣлалъ и растравилъ такъ мастерски! Но подумалъ ли ты, Артемій Петровичъ, что сердце, которое ты смѣсилъ въ своихъ рукахъ, по горяч[illegible] прихоти своей, приняло уже форму, которую ты х[illegible] тѣлъ ему дать, и отвердѣло въ ней такъ, что ты [illegible] жешь перемѣнить ее не иначе, какъ разбивъ? П[illegible]

Digitized by Google

малъ ли, что ты развратилъ уже несчастную дѣвушку страстными рѣчами; письмами, лобзаніями; что ты отдалъ ее въ добычу общественному мнѣнію? А знаешь ли, что такое въ твое время общественное мнѣніе? Эхо сильнаго и богатаго, — ротозѣй, который ловитъ мухъ, и готовъ, смотря по намеку своего повелителя, назвать ихъ соловьями или тарантулами, — выточенное искусно до пустоты дерево, издающее звукъ, угодный камеръ-тону, въ него ударяющему, — обезьяна, повторяющая темпы временщика! Свѣтъ молчитъ, пока властелинъ его сковалъ ему уста грозою: но одно слово — и безчестье бѣдной дѣвушки, какъ ходячая монета, разойдется по рукамъ черни, жадной къ злословію. Знаю, что Маріорица еще достойна обожанія, но прибавь — обожанія мудреца, не дающаго своего суда по первымъ признакамъ и вліянію другихъ. Глупое множество судитъ иначе, по одной наружности, или какъ ему прикажутъ. Ты, забывшись, обнялъ кумиръ въ глазахъ черни, и чернь перестала ему поклоняться, и безсмысленная повергаетъ его въ прахъ. Ты возстановляешь его, снова служишь ему съ благоговѣніемъ, приносишь чистыя жертвы, достойныя божества, созидаешь ему храмъ до неба; но чернь говоритъ: — кумиръ оскверненъ — и бѣжитъ поклоняться другимъ богамъ.

Зуда встрѣчаетъ Волынскаго и, не давъ ему прочесть отвѣтъ княжны, разсказываетъ, съ какими пресными намѣреніями тріумвиратъ друзей собрался свой подвигъ, какъ Перокинъ рѣшался пожертвоь благополучіемъ своей сестры дѣлу общему, униживъ бракъ ея съ Артеміемъ Петровичемъ. Приженный такимъ великодушіемъ, Волынскій даетъ

Digitized by Google

обѣтъ не уступить имъ въ благородствѣ, чтобы ни заключалось въ отвѣтѣ Маріорицы. Онъ колеблется даже, не раскрывъ письма, сжечь его. Но на днѣ сердца затаилась еще любовь вмѣстѣ съ первороднымъ грѣхомъ, любопытствомъ, и онъ читаетъ отвѣтъ княжны. Слезы капаютъ на письмо: онъ цѣлуетъ бумагу.

— Нѣтъ, я недостоинъ всѣхъ этихъ жертвъ, — говоритъ онъ, отдавая Зудѣ письмо для прочтенія. — Ѣду на свиданіе — не могу не ѣхать... Господи! подай мнѣ твердость. Другъ! Молись за меня о томъ же.

Но прежде, чѣмъ онъ отправляется на это свиданіе, поручаетъ Зудѣ вложить въ разсѣлину камня, въ оградѣ Лѣтняго сада, бумажку, на которой написано: «*На дняхъ, или я дѣйствую одинъ*!» Такъ приказалъ тайный, неизвѣстный другъ на случай нужды въ немъ.

Онъ ѣдетъ въ условленный часъ, но боится, чтобы клевреты Бирона не подшутили вновь надъ нимъ; онъ страшится за Маріорицу, и молитъ всѣ силы небесныя сохранить ее отъ новой бѣды, а ему не дать упасть въ борьбѣ неравной.

За нѣсколько сотъ шаговъ до дома Апраксина, оставляетъ Волынскій свои сани. Ночь темна, онъ бредетъ ощупью вдоль стѣнъ, и у назначеннаго мѣста становится на стражѣ въ пустой будкѣ. — «И теперь, — думаетъ онъ, — долженъ я проститься навсегда съ этой чародѣйкой, для которой было забылъ отечество, друзей, жену, все на свѣтѣ, теперь, когда она от дается мнѣ совершенно и лучшія мечты мои испол ются? Чѣмъ не пожертвовалъ бы я, нѣсколько нед назадъ, еще вчера, за мигъ, который мнѣ нынѣ о щанъ и котораго страшусь! Но подвигъ, мною зат ный, не свыше ли силъ человѣка?.. Устою ли я

Digitized by Google

тивъ него? Друзья въ тюрьмѣ, отечество гибнетъ: вотъ мысль, которою долженъ я себя поддерживать.

И вотъ онъ ждетъ Маріорицу полчаса и болѣе, въ шорохѣ шаговъ запоздалаго прохожаго или ночного лазутчика, въ шелестѣ вѣтра, въ полетѣ птицы, въ огонькѣ, блеснувшемъ и померкшемъ въ одной изъ дворцовыхъ комнатъ. Никого. Окостенѣвъ отъ холода, выходитъ онъ изъ своей засады... слышенъ говоръ... сердце у него замираетъ — все опять замолкло: никого! Тихо, жутко, какъ на кладбищѣ. Вдругъ мимо его пронеслось что-то черное, какъ духъ полуночный, какъ вихрь, и пахнуло на него ужасомъ; но, замѣтивъ его, остановилось, страшно взглянуло ему въ глаза, и захохотало такъ, что подрало его по кожѣ и волосы встали дыбомъ. Онъ за привидѣніемъ, хочетъ его схватить — привидѣніе отъ него, и снова адскій хохотъ разсыпается въ тишинѣ ночи, и ужасъ впился когтями въ сердце, и терзаетъ его на части.

— Опоздалъ! — каркнулъ наконецъ будто надъ его ухомъ зловѣщій голосъ, сопровождаемый свистомъ и скрежетомъ зубовъ: — ужъ было проклятіе!.. Но все-таки ты пришелъ поздно, голубчикъ!..

Внѣ себя, Волынскій ищетъ схватить вѣщуна, и хватаетъ одинъ холодный воздухъ. Ему чудится, сыпалъ искры слѣдомъ бѣсовскій глазъ и кто-то чернымъ клубомъ кувыркался предъ нимъ по снѣгу. Крестъ, охотничій ножъ, спасутъ его отъ злого духа или че-ѣка; но что сдѣлалось съ княжною? почему не шла она на свиданіе, ею самой назначенное? Не ѣшка ли?.. Не можетъ быть! Какое-нибудь несча- задержало ее дома или переняло на пути!.. Онъ таки ко дворцу, бродитъ долго около него — ни

Digitized by Google

одной души, кромѣ часовыхъ! Къ страху, къ мукѣ душевной, присоединилось вскорѣ и чувство физической боли: морозъ обулъ его ноги въ ледяные коты, накинулъ на грудь ледяной панцырь, который кольцами своими дальше и дальше врѣзывается ему въ тѣло. Нѣтъ силъ терпѣть болѣе! Онъ возвращается къ своимъ санямъ съ тяжелою ношею страшныхъ воспоминаній и еще ужаснѣйшей неизвѣстности объ участи княжны, проникнутый насквозь холодомъ, проклиная свою любовь, себя и все въ мірѣ. Ужъ эта любовь начинаетъ ему надоѣдать...

Съ княжною вотъ что случилось.

Нетерпѣніе любви заставило ее выдти изъ дворца нѣсколькими минутами ранѣе назначеннаго для свиданія времени. Ее нельзя признать въ одеждѣ горничной; такой прелестной субретки еще свѣтъ не видывалъ. Любовныя проказы такъ же обыкновенны во дворцѣ, какъ и въ хижинѣ, и ее пропустили вмѣстѣ съ Груней безъ препятствій, тѣмъ легче, что надзоръ за нею, какъ мы сказали уже, былъ снятъ по повелѣнію герцога. Но шагъ за дворцовое крыльцо, и ее ожидаетъ присмотръ болѣе строгій, болѣе неусыпный, замѣняющій цѣлую сторожевую цѣпь, самую исправную полицію, превосходящій своею бдительностію даже шпіоновъ Бирона: это присмотръ матери. Сердцу Маріулы дана вѣсть, что дочери ея грозитъ бѣда, и она съ первою тѣнью ночи на безсмѣнной стражѣ, у маленькаго дворцоваго подъѣзда. Никто не смѣетъ ее отгонять: она купила это право заслугами Липману

Все существо ея обратилось въ слухъ. Видите, какъ она изъ-за колонны вытягиваетъ шею, будто пеликанъ изъ гнѣзда своего, стерегущій птенцовъ

Digitized by Google

хищнаго звѣря; видите ли, какъ сверкаетъ ея одинокій глазъ и роетъ во мракѣ и удитъ въ немъ предметы, какъ она жаднымъ ухомъ прислушивается ко всему, что только движется? Сквозной вѣтеръ отъ Невы хлещетъ ее крыломъ по лицу, морозъ прохватываетъ до сердца, коробитъ ее — Маріула терпитъ. Одна мысль держитъ еще теплоту жизни въ ея груди: она, можетъ быть, спасетъ дочь свою отъ погибели. Бѣдная грѣетъ попеременно руки, то подъ мышками, то своимъ дыханіемъ; она боится переминаться, чтобы не заскрипѣть по снѣгу ногами. Бьетъ зубъ объ зубъ, какъ у собаки, окоченѣлой отъ холода; мысли мутятся, но одна изъ нихъ не покидаетъ ее — мысль о спасеніи дочери. Вотъ идутъ... Сходятъ съ лѣстницѣ двѣ женщины... оглядываются... Вѣтеръ пахнулъ на лица ихъ бѣглый свѣтъ отъ фонаря: одна изъ нихъ — Маріорица; это она, сердце матери не могло ошибиться. Дано имъ нѣсколько шаговъ впередъ, и въ нѣсколько прыжковъ цыганка догнала ихъ.

— Куда ты, барышня? — спросила она встревоженнымъ голосомъ, остановивъ княжну за рукавъ шубы.

Маріорица хотѣла бѣжать, но, узнавъ голосъ цыганки, остановилась.

— А, это ты? — сказала она, — какъ ты меня испугала! Что, отдала?.. Будетъ?..

Этотъ вопросъ все объяснилъ матери.

— Отдала... Но ты не пойдешь далѣе! — произнесла ріула глухимъ, но твердымъ, повелительнымъ голо-, стиснувъ ей руку своею.

- Какая царица!.. Пусти-жъ!.. Тебѣ что за за-?

Мнѣ, мнѣ много заботы. Ни съ мѣста, говорю

Digitized by Google

тебѣ, или я тебя опозорю, закричу *слово* и *дѣло*, созову народъ, встревожу дворецъ, весь городъ.

— Проклятая цыганка!.. Хочешь денегъ? Мало что-ль тебѣ дано?

— Нѣтъ, мнѣ дано много..: надъ тобою, видишь, тамъ на небѣ, откуда блеститъ звѣздочка, — произнесла Маріула вдохновеннымъ голосомъ; потомъ силою отведя ее отъ Груни въ сторону, наклонилась на ухо и сиповатымъ шопотомъ, въ изступленіи прибавила: — Я... мать твоя. Вспомни таборъ цыганскій, пожаръ въ Яссахъ... похищеніе у янычара, продажу пашѣ, уродство мое, чтобы не признали во мнѣ твоей матери: это все я, вездѣ я, гдѣ грозила только тебѣ бѣда, и опять я... здѣсь, между тобою и Волынскимъ: слышишь ли?

Она говорила, и казалось, вся утроба ея трепетала; въ горлѣ ея бился предсмертный колоколецъ.

Въ этихъ словахъ было столько могущества, столько ужасной истины, что княжна въ какомъ-то очарованіи, въ какомъ-то непонятномъ убѣжденіи, что это ея мать, не показывая ни радости, ни печали, не говоря ни слова, уничтоженная, машинально повлеклась назадъ во дворецъ. Но цыганка изнемогла: жестокость ударовъ, нанесенныхъ ей въ такое короткое время, безпрерывная душевная тревога, страхъ за дочь, ночи безъ сна на холодѣ, дни безъ пищи, проклятіе дочери, мысль, что погубила ее, открывъ, что она, цыганка, ея мать, помутили тутъ же ея разсудокъ. Б ная мать!

Мы разсказали ужъ, какъ она, въ первомъ падкѣ своего сумасшествія, встрѣтила Волынска столько напугала его.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВОТЪ КАКОВЫ МУЖЧИНЫ!

Aussi tu me dois plus que de l'amour... tu dois m'aimer comme maîtresse et comme mère... enr tends-tu, Henri, il y va de ton honneur... ca. c'ste une chose sainte et sacrée qu' un tel amour-
Suc.

Что скажетъ ему Маріорица въ оправданіе? что можетъ она сказать? Она встрѣтила свою мать, цыганку—не такъ ли? Тогда какъ Волынскій хочетъ развестись съ женою для того, чтобы жениться на ней, жениться однакожъ на княжнѣ, любимицѣ государыни—не на цыганкѣ же! Чтобъ ему принадлежать, она готова идти къ нему въ услуженіе; ея любовь выдержитъ всѣ превратности судьбы, всѣ пытки; но выдержитъ ли это испытаніе его сердце? Ужасная ночь! Съ какою безотчетною радостью шла она въ объятія друга, и вмѣсто сладкаго поцѣлуя, прожгло все ея существо клеймо позора. На какія жертвы рѣша- пламенное дитя Востока, и чѣмъ вознаграждена за .. Она горько плачетъ, она смочила всю подушку -ми, хотѣла бъ выплакать на ней свое сердце, жизнь. Но мысль разстаться съ нимъ, какъ бы было, хоть смертью, для нея ужаснѣе всего.

Digitized by Google

Дочь цыганки!... отъ одной мысли объ этомъ кровь останавливается и стынетъ, разсудокъ мутится. Но, полно, говорено ли это было?... Слышала ли она точно эти слова? Если и сказано, не обманъ ли изъ какихъ-нибудь видовъ?... «Нѣтъ,—говоритъ Маріорица сама съ собою, все это слышала я, все это слишкомъ горькая правда! Такъ—помню, будто во снѣ, телѣгу съ навѣсомъ изъ грубаго холста, теплую грудь и теплыя лобзанія женщины, пожаръ и опять эту женщину въ борьбѣ съ янычаромъ, похищеніе, завѣтъ и опять ее, и вездѣ ее. Кто жъ это все, какъ не мать?... Понимаю теперь и первое страшное свиданіе наше здѣсь, въ Петербургѣ, и робость ея, и жаркія ласки, которыя только можетъ выдумать мать и которыхъ мнѣ было такъ стыдно, не знаю отъ чего. О! съ какою нѣжностью, съ какою любовью цѣловала она мои руки, и я не понимала, почему посторонняя женщина меня такъ любитъ. За деньги Волынскаго,—думала я. Неужели сердце можно купить до такого притворства? Пускай придетъ она, я сама расцѣлую ея руки сто, тысячу разъ, оболью ихъ слезами... Только, чтобъ никто этого не видалъ,—чтобы *онъ* не узналъ! Да она этого сама не потребуетъ. Понимаю теперь и заботы обо мнѣ, и брошенныя деньги, будто обожгли онѣ ее. Самая эта ночь не доказываетъ ли ея любви? Она говорила, что изуродовала себя для меня жъ—навѣрно, чтобы не признали во мнѣ ея дочери. Волынскій сказывалъ вѣдь мнѣ когда-то, что видѣлъ женщину, на меня очень похожую: онъ говорилъ, конечно, про н[е]. Добрая мать!... Чѣмъ я тебѣ заплатила за это? пост[ыд]ными порученіями, проклятіемъ!... Господи милостив[ый], возьми назадъ мое безумное слово!... Матушка, пр[о]-

меня! Добрая, несчастная мать! несчастная дочь! Видно, обѣ родились подъ злополучною звѣздою!»

Такъ говорила сама съ собою Маріорица, обливаясь слезами. На всѣ вопросы Груни отвѣчала она только, будто цыганка сказала ей, что Артемій Петровичъ не могъ придти на свиданіе.

Роковая тайна была похоронена на днѣ сердца, но съ этого дня червякъ смерти засѣлъ уже въ немъ. Правду говорила когда-то Маріорица цыганкѣ—первый поцѣлуй сжегъ ее.

На другой день послѣ этого происшествія, сидѣлъ Волынскій дома въ своемъ кабинетѣ, озабоченный участью своихъ друзей, преданныхъ суду, и ломая себѣ голову, какъ бы скорѣе распилить цѣпи на нихъ и Россіи. Повѣренный камень, на углу Лѣтняго сада, отвѣчалъ ему: «*скоро, очень скоро, нынѣ, завтра, на дняхъ, или никогда!*»

— Не скрою отъ васъ,—говорилъ Зуда кабинетъ-министру,—что я работаю вдвоемъ, даже втроемъ; но клянусь вамъ, что не могу еще объяснить вамъ, кто мои сообщники, или чей я сообщникъ. Скажу только, что одинъ—мужчина, другая—женщина.

— Не спрашиваю, кто *вы*, не хочу спрашивать,— отвѣчалъ Волынскій;—боюсь нынѣ самъ за себя.... Дѣйствуйте, но только скорѣе, хоть бы стоило мнѣ это головы.

О! Богъ дастъ, мы спасемъ вашу голову, перемѣ-..ъ теперь способы нашихъ дѣйствій. Прежде, какъ ..ъ извѣстно, старались мы взбѣсить Бирона ледяною ..туей и другими средствами, чтобы онъ нагрубилъ .. величеству и вывелъ ее изъ терпѣнія; теперь хо-..ъ прямо къ сердцу государыни, но путями тихими,

Digitized by Google

вкрадчивыми, которые не могли бы ее испугать и которыхъ однакожъ не могла бъ она избѣгнуть.

Оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, Волынскій предался тоскѣ о прошедшемъ и какому-то тяжкому предчувствію. Голова его спустилась на грудь; черные, длинные волосы пали въ безпорядкѣ на прекрасное, разгорѣвшееся лицо и образовали надъ нимъ густую сѣть, сквозь которую глаза бросали отблескъ пламенной и сумрачной души. Въ такомъ точно состояніи застали мы его, когда сотни разноплеменныхъ паръ являлись къ нему на смотръ. Много ли прошло тому времени? Еще не было и праздника, для котораго дѣлался этотъ смотръ, а чего не извѣдало съ того дня его сердце, какого блаженства и мукъ оно не испытало! Онъ мысленно прошелъ фазы своей безумной любви, и слезы закапали изъ глазъ.

Свѣча нагорѣла, думы смѣняли думы; дремота отягчила его вѣки, и онъ заснулъ.

Впросонкахъ слышитъ суету въ домѣ, потомъ скрипъ дверей.... Открываетъ глаза, и видитъ предъ собою въ сумракѣ.... женщину въ пышномъ расцвѣтѣ лѣтъ и красоты, съ голубыми глазами, въ которыхъ отражается цѣлое небо любви! Замѣтно, однакожъ, что оно подернуто облакомъ унынія. Щеки ея пылаютъ, густые, бѣлокурые локоны раскиданы въ безпорядкѣ по шеѣ, бѣлой, какъ у лебедя. Боже! не видѣніе ли это?... Это жена его!

Волынскій не смѣетъ пошевелиться.

Она стоитъ у дверей, какъ изгнанная Пери у воротъ рая; она смотритъ на него съ робостью, ищ[illegible] чего-то въ глазахъ его, проситъ, умоляетъ о чем[illegible] и боится подойти. Никогда не казалась она ему т[illegible]

Digitized by Google

хороша! Любовь и еще какое-то чувство, не менѣе горячее, но болѣе чистое, вооружили ее въ эти минуты всѣми своими прелестями для побѣды надъ невѣрнымъ.

Въ смущеніи продираетъ Волынскій глаза.

— Ты не узнаешь меня, Артемій Петровичъ?— говоритъ она ему, смягчивъ упрекъ нѣжностью выраженія, и слезы заструились по ея лицу.—Ты не выгонишь меня теперь; развѣ выбросишь меня мертвую, истоптавъ прежде своими ногами; но знай.... ты погубишь со мною своего младенца. Я пришла къ тебѣ на судъ мужа и отца.

— Наташа! милая Наташа!—могъ только произнести Волынскій, и она въ объятіяхъ его.

И онъ увлекаетъ ее къ себѣ на колѣна, прижимаетъ ея руки къ сердцу, цѣлуетъ ее въ очи и въ уста. Она прильнула къ нему всѣмъ существомъ своимъ, обвилась около него, какъ плющъ, то прижимаетъ его страстно къ груди своей, то посмотритъ ему въ очи, не вѣря своему счастію, то милуетъ его, рѣзвится, какъ дитя, убираетъ его кудри, потопивъ въ нихъ свои розовые пальчики, то путаетъ съ ихъ черною смодью ленъ своихъ кудрей.

— Милый Артемій!—говоритъ она, упоенная чистымъ восторгомъ,—вижу, ты меня любишь попрежнему... А какъ они мнѣ солгали, жестокіе!.. Будто ты... нѣтъ, нѣтъ, языкъ не двигается, чтобы выговорить ихъ ...ь. Не вѣрю! Они, можетъ статься, хотѣли испугать ...я и заставить скорѣе пріѣхать. Но ты простишь ...я, когда узнаешь, зачѣмъ я такъ мѣшкала.

...на потупила свои прекрасные глаза и покраснѣла, ...дѣвушка.

Digitized by Google

— Видишь,—прибавила она, взявъ его руку и приложивъ ее подъ сердце:—здѣсь наше дитя.... ты отецъ его!

Только тотъ, кто въ первый разъ носитъ это имя, можетъ понимать все высокое этого слова, все его очарованіе. Но Волынскій боится вѣрить и предаться новому чувству: оно такъ неожиданно! Не обманываетъ ли жена, чтобы болѣе привязать его къ себѣ? Она знаетъ, какъ онъ желаетъ дѣтей.

— Ты не вѣришь, другъ мой?...

Тутъ она взглянула на образъ Божьей Матери, стоявшій въ углу въ кіотѣ.

— Повѣрь Ей!... Возьми, положи свою руку, вотъ здѣсь.... слышишь, какъ трепещетъ твое дитя, будто рыбка; онъ отозвался своему отцу, онъ тебя привѣтствуетъ.... Я сама не вѣрила, когда поѣхала въ Москву, долго не вѣрила. Но когда узнала совершенно, что я мать.... не вѣдаю, что со мною дѣлалось отъ радости; счастье мое было такъ велико, что я не смѣла ему предаться и потомъ боялась его потерять. Я прибѣгнула къ Богу, къ святымъ угодникамъ Его, съ молитвами сохранить наше дитя; ѣздила къ Троицѣ на поклоненіе Сергію Чудотворцу, въ Кіевъ къ почивающей тамъ Святынѣ, въ Нилову пустынь. Для чего жъ другого оставаться было мнѣ такъ долго безъ тебя! Но вездѣ мысль о тебѣ меня не покидала; на пути, въ храмахъ Божьихъ, у святыхъ гробницъ, ты былъ со мною; вездѣ молилась о тебѣ, о твоемъ здоровьѣ, о тв... любви ко мнѣ. Думала, какъ ты обрадуешься нео... данной вѣсти—тебѣ такъ хотѣлось дѣтей!... Пишу тебѣ письмо объ этомъ; но ты, видно....

— Не получалъ, другъ мой!

Digitized by Google

— Злые люди! Какъ они искусно работали!... Не получалъ?... И вотъ причина твоего молчанія. Но я все-таки не переставала думать, какъ тебя это обрадуетъ. И вдругъ, въ Москвѣ говорятъ мнѣ, что ты полюбилъ какую-то молдаванскую княжну... братъ мой пишетъ, что ты хочешь....—Господи! не понимаю теперь, какъ у меня достало силъ жить послѣ этого письма...—онъ писалъ, что хочешь развестись со мною. И братъ самъ уговаривалъ меня, для какого-то общаго блага, согласиться на этотъ разводъ. Меня съ тобою разлучить?... О! они не знаютъ меня! Пускай самъ Богъ придетъ развести насъ!... (Наталья крѣпче обвила его своею рукою, какъ будто боролась еще, чтобъ его не отняли у нея). Злодѣи! едва не убили меня, наше дитя. Не знаю, какъ я все это перенесла. Я молила Пречистую Дѣву Богородицу сохранить тебя отъ убійства; едва не выплакала душу свою въ молитвахъ. Милости Ея велики; все, что насказали мнѣ о тебѣ, ложь, я это вижу, я это чувствую по твоимъ ласкамъ. Хочу думать, что все это былъ сонъ ужасный! Повтори мнѣ, милый Артемій, что это все солгали злые, завистливые люди, что ты любишь меня попрежнему.

— Да, милая, душа моя, это все ложь,—повторялъ Волынскій, осыпая ее самыми пламенными ласками, отъ которыхъ она убиралась въ лучшіе цвѣты счастія, какъ невѣста къ вѣнцу, и горѣла неизъяснимымъ во- томъ.—Можетъ статься, это вышло оттого, что я тилъ съ одною полоненной княжной.... но божусь , это была шалость, глупость, вспышка одинокаго да, развлеченіе отъ скуки безъ тебя.... Негодные! то ли изъ этихъ пустяковъ пугать тебя!... Съ чѣмъ

Digitized by Google

могу я тебя сравнить, тебя, прекраснаго, безцѣннаго друга!... Какъ сладко любить безъ боязни! Ни Богъ, ни люди не мѣшаютъ намъ.

Можетъ быть, вспомнилъ онъ въ это время вчерашній морозъ, страхъ и муки.

— Восторги наши такъ чисты, а кто намъ мѣшаетъ быть самыми страстными любовниками? Не правда ли?

— О! я буду молить Бога дать мнѣ уразумѣть все, что есть прекраснаго, дорогого въ любви на землѣ и въ небѣ, соберу въ груди моей всѣ сокровища ея, весь міръ любви, открою всѣ заповѣдныя тайны ея, и буду истощать ихъ для тебя, милый другъ! Сердце научитъ меня находить для тебя новыя ласки, каждый день изобрѣтать новыя.

— Безцѣнная!... Нѣтъ, я тебя не зналъ! (И въ забвеніи страсти онъ хотѣлъ сказать: «и я могъ промѣнять тебя!...» но остерегся). Такъ у насъ будетъ дитя, милое, прелестное, похожее на тебя? можетъ быть, дочка!

— Нѣтъ, я подарю тебѣ сына, такого же пригожаго, статнаго, какъ и ты. Посмотри, сдержу ли слово!

Съ этихъ минутъ любовь и счастіе семейное водворились въ домѣ Волынскаго, и Маріорица была забыта.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЮБОВЬ ПОВѢРЕННАЯ

Когда Зуда говорилъ, что изъ любви Маріорицы построитъ лѣстницу хоть на небо, онъ зналъ, что̀ говорилъ. Поспѣшая воспользоваться этою любовью для своихъ видовъ, написалъ слѣдующее письмо къ княжнѣ:

«Обстоятельства, въ которыхъ находится г. Волынскій, заставляютъ адресоваться прямо къ вамъ безъ околичностей. Я—Зуда, секретарь и другъ его; отъ меня ничего не имѣетъ онъ скрытаго. Этотъ приступъ достаточенъ, чтобы меня выслушать.

«Вамъ извѣстно, что друзья Артемія Петровича за смѣлую выходку противъ герцога курляндскаго по..ны въ крѣпость и ждутъ тамъ своего смертнаго ..говора. Не миновать этого жъ и Артемію Петро.. если какая-нибудь могучая рука, силою чудо..ою, силою безпредѣльной дружбы или любви, не ..итъ его заранѣе и сейчасъ отъ удара, на него

Digitized by Google

ужъ нанесеннаго. Требуется высокая энергія, самоотверженіе, готовое на всѣ жертвы. Угадываю, скажете вы: «мнѣ предстоитъ этотъ подвигъ, и никому другому».

«Такъ: вамъ, княжна, вамъ, благороднѣйшее, возвышенное существо, предлагаю этотъ подвигъ; вы позавидуете, если онъ будетъ предоставленъ другому. Можетъ статься, нужно броситься прямо въ огонь; но это единственное средство спасти человѣка, который вамъ такъ дорогъ, не говорю уже, необходимъ для Россіи. Не упоминаю вамъ о благѣ человѣчества въ этомъ случаѣ: вы этого теперь не поймете. Представляю только гибель любимаго человѣка, обращаюсь только къ сердцу вашему, и, увѣренъ, скорѣе достигну, чего хочу. Грустно, больно было бы мнѣ, да и напрасно объяснять вамъ, что появленіе ваше въ Петербургѣ, ваши наружныя и душевныя совершенства, которымъ никто не могъ бы противиться, отняли у насъ государственнаго человѣка, вырвали краеугольный камень изъ-подъ храма, начатаго имъ во имя спасенія отечества. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ васъ, онъ забылъ всѣ святыя обязанности свои, измѣнилъ супругѣ, друзьямъ, чести, Богу. Враги его воспользовались слабостью его или страстью, чтобы сдѣлать ее орудіемъ своихъ козней. Но да идутъ мимо вашего сердца эти слова. И пойдутъ они навѣрно мимо! Все это для васъ вздоръ; ваше сердце не пойметъ теперь ничего изъ этого. И потому не говорю: возвратите его святымъ его обязанностямъ — напоминаю только гибель любимаго человѣка, твержу только: спасите его отъ плахи и униженія, которое для него еще ужаснѣе смерти.

Digitized by Google

«Минуты дороги. Вотъ въ чемъ дѣло!

«Вы найдете здѣсь двѣ бумаги. Постарайтесь всячески, чтобы государыня ихъ увидѣла и прочла, но подъ условіемъ, чтобы Бирона при этомъ случаѣ съ нею не было. Да благословитъ васъ любовь на этотъ подвигъ! Провидѣніе, конечно, васъ назначило спасти любимаго человѣка отъ гибели и позора. Что можетъ быть сладостнѣе этого для васъ, существо необыкновенное!

«Но какимъ образомъ, — спроситъ васъ государыня, — достались вамъ эти бумаги? Учитель вашъ Тредьяковскій, — скажете вы, — оставилъ у васъ книгу (которую при семъ посылаю); перебирая листы ея, нашли вы бумаги и при нихъ записку (тоже здѣсь прилагаемую). Съ Тредьяковскимъ мы ужъ сдѣлаемся на случай, если-бъ потребовали его къ государынѣ на-лицо для допроса. Записку можете ей показать. Вручаю вамъ судьбу А. П.»

«Если вы любите государыню, — сказано было в^т^ особой запискѣ, — если вамъ добрая слава ея и спокойствіе дороги, вручите ей осторожнѣе вложенныя въ книгу Тредьяковскаго бумаги, но только тогда, когда не будетъ у нея злодѣя Бирона».

Все это перешло чрезъ руки негра Волынскаго въ руки черномазой его пріятельницы, жившей во дворцѣ, и никто не видалъ, какими путями эта посылка закралась на грудь Маріорицы.

Какъ дорого ей это порученіе!.. Не другому кому, женѣ его врученъ залогъ его спасенія. Ей, одной .. Провидѣніе знаетъ, что она любитъ его болѣе ...ъ на свѣтѣ. Какъ радуетъ ее, возвышаетъ это ...ченіе! Она забываетъ ужъ свое горе, бѣдственную

Digitized by Google

ночь, мать; спасеніе милаго Артемія тутъ, у сердца ея, тутъ онъ самъ, его жизнь, его спокойствіе, счастіе, честь! Какая нужда для нея, что она цыганка: она выше всѣхъ въ мірѣ — она спасительница милаго человѣка! — «Онъ узнаетъ,—говоритъ сама Маріорица,— что все это я, не кто другой, для него сдѣлала. Еще прикажите что-нибудь, г. Зуда, но только именемъ его, и вы увидите, буду ли я умѣть исполнить».

И глаза этого прекраснаго созданія разгорались огнемъ неземнымъ, и щеки ея пылали. Съ какимъ восторгомъ примѣриваетъ она на себѣ терновый вѣнецъ, ей такъ разсчетливо предлагаемый! А Волынскій что дѣлалъ въ это время? Забывалъ ее въ объятіяхъ той, которой нѣкогда измѣнилъ для нея-жъ, дочери фатализма. Чтожъ была его любовь, пылкая, безумная?.. вы легко отгадаете. Не ошибался и въ этомъ случаѣ Зуда!

Вечеръ во дворцѣ.

Государыня необыкновенно тосковала во весь день. Въ ушахъ и сердцѣ ея отзывались смѣлыя истины, сказанныя ея вельможами. Несчастія Россіи, если и вполовину существовали, какъ ей изобразили, налегли на грудь ея, и безъ того растерзанную болѣзнями и привычкою къ предмету недостойному. Освободиться однако-жъ отъ него не имѣла силъ. Биронъ, понимая очень хорошо свое настоящее положеніе, былъ весь день неотступно при ней, окружалъ ее своею заботливостью и изыскивалъ средства разсѣять грустн состояніе императрицы. Стрѣльба въ цѣль въ галлере нарочно для того устроенной, карты, шуты, дурочк ничто не могло ее разсѣять. Наконецъ она объяви герцогу, что очень нездорова и желаетъ остаться од

Digitized by Google

Спросивъ руку княжны и опираясь на нее, государыня перешла въ свою спальню.

— Дитя мое, — сказала она, подвигаясь къ кресламъ, стоявшимъ возлѣ кровати, — какъ стучитъ у тебя сердце! такъ и бьетъ мнѣ въ руку. Здорова-ли ты?

— Здорова, — отвѣчала Маріорица, встревоженная приближеніемъ роковой минуты, въ которой должна была рѣшиться участь любимаго человѣка, — но безпокоюсь о васъ.

Вмѣсто отвѣта, Анна Іоанновна съ нѣжностью пожала ей руку и едва дошла до креселъ, въ которыя тяжело рухнулась. Она велѣла было позвать камеръ-дѣвицу, чтобы подать ей другія кресла, на которыя обыкновенно клала больныя ноги; но Маріорица съ какою-то упрямою заботливостью сама спѣшила все это исполнить, стала возлѣ нея на колѣна и начала слегка поводить ладонью то по одной, то по другой ногѣ государыни, какъ это дѣлалось каждое утро и вечеръ для облегченія ея страданій. Дѣтскія попеченія ея, замѣтно, были пріятны Аннѣ Іоанновнѣ.

Онѣ были однѣ въ комнатѣ. Безмолвіе нарушалось только вздохами страждущей императрицы. Свѣтъ отъ тройного канделябра сквозилъ черезъ голубой штофъ занавѣсовъ и падалъ на блѣдное лицо ея, отъ чего оно принимало синеватый цвѣтъ мертвизны; утомленные глаза ея повременамъ закрывались, и, чтобы усилить еще это подобіе смерти, пышная кровать возлѣ
ч, съ своимъ убранствомъ, казалась великолѣпнымъ
афалкомъ, готовымъ принять останки того, что
ла нѣкогда царица. Смотря ей пристально въ глаза
лѣдя за движеніемъ ея губъ, княжна какъ бы сте-
ла выходъ ея души изъ тѣла. Кто-бъ подумалъ,

Digitized by Google

чтобы здѣсь, въ этихъ двухъ женщинахъ, одной, носящей уже всѣ признаки смерти и уничтоженной подъ тяжестью предчувствія,—другой, юной, но слабой, дочери цыганки, принадлежащей единственно любви, ничего не постигающей, кромѣ нея, заключалась въ эти мгновенія судьба имперіи!.. Нѣсколько минутъ продолжалось ихъ безмолвное состояніе.

— Господи! — молила княжна, обмирая отъ страха пропустить удобное время для подачи бумагъ, — Господи! брось мнѣ на этотъ разъ въ душу лучъ своего уразумѣнія.

Наконецъ государыня открыла глаза и сказала:

— Довольно, милая! мнѣ легче.

Маріорица, все стоя на колѣнахъ, схватила ея руку, съ жаромъ прижала ее къ губамъ своимъ — губы были холодны; на руку государыни закапало что-то горячее.

— Что съ тобою? ты плачешь, кажется?

— Государыня, когда я вижу, что вы страдаете, можетъ быть, и не однѣми тѣлесными болѣзнями, когда меня завѣряютъ въ этомъ люди вамъ преданные и даютъ мнѣ способы спасти васъ, что должна я дѣлать?

— Новая бѣда!.. Объяснись, что такое? — воскликнула государыня, оторвавшись отъ спинки креселъ, къ которымъ была прикована своимъ изнеможеніемъ.

Маріорица вынула изъ груди бумаги и, подавая ихъ, разсказала искусно, съ жаромъ, что велѣно е было сказать. Дрожащими руками приняты бумаг приказано осмотрѣть, не стоитъ ли кто у дверей, и когда это было исполнено, государыня начала пр себя чтеніе.

Digitized by Google

Одна изъ поданныхъ бумагъ былъ подлинный доносъ Горденки, за который его заморозили, допрашивали цыганку, застрѣлился Гроснотъ, пытали, мучили и уморили столько людей.

«Дойдетъ до государыни, — умирая говорилъ мученикъ, — я передалъ мое челобитье Богу».

И Господь услышалъ этотъ завѣтъ на порогѣ смертномъ, принялъ это условіе земли съ небомъ, уберегъ его сквозь всѣ препятстія человѣческія и вручилъ по назначенію. Сколько въ этой бумагѣ ужасныхъ истинъ насчетъ Бирона! Въ ней описывались разныя дѣйствія его жестокости и корыстолюбія такъ ясно, съ такими вѣрными доказательствами и важными свидѣтельствами, что можно было ихъ, какъ бы въ очи, видѣть.

«Но сердце твое, всемилостивѣйшая государыня, обольется кровью», — писано было между прочимъ въ доносѣ, — «когда узнаешь способы, употребляемые для обогащенія доимочнаго приказа, отдающаго отчетъ одному Бирону и его одного обогащающаго. Батоги, плети, окачиваніе на морозѣ водою, соленая пища безъ питья, тысячи жестокостей, какія только адская изобрѣтательность умѣетъ разнообразить и оттѣнить, употребляемы безъ всякаго уваженія къ истинному несчастію и безъ всякой отвѣтственности. Закона тутъ въ поминѣ нѣтъ; надъ всѣмъ владычествуетъ одна воля Бирона. Изъ тысячи случаевъ опишу тебѣ, всемилостивѣйшая государыня, только два, которые покажутъ, ъ сборщики должны быть осторожны въ своихъ ѣствіяхъ, и внушатъ твоему сердцу правила для ководства ихъ въ подобныхъ случаяхъ: да различаъ они на будущее время неплательщика по несча-

Digitized by Google

стію, насланному свыше, отъ несостоятельнаго по закоснѣлой лѣни, разврату или упрямству. Самодержавное слово твое пусть облегчитъ участь одинокихъ, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ, несчастныхъ, которыхъ настигла кара Божія, лишивъ болѣзнями нѣсколько рабочихъ рукъ, падежомъ — скота, пожарами — крова, неурожаемъ — куска хлѣба. Составители закона должны помнить, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, а не съ вещью, готовою все вытерпѣть.

«Въ село NN [1]) на самое Рождество Христово нахлынули сборщики. Святость дня должна бы ужъ освободить отъ подобнаго нашествія. Напротивъ, они, кажется, выбрали одинъ изъ самыхъ торжественныхъ праздниковъ христіанина, чтобы наругаться надъ человѣчествомъ, котораго образъ благоволилъ принять въ этотъ день самъ Искупитель. Они разсыпались по деревнѣ, какъ волки, на беззащитное стадо, требовали недоимокъ, безъ толку собирали ихъ, по собственной волѣ и расчету накладывали пени, обирали скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ въ амбарахъ, мучили, терзали безпощадно тѣхъ, которые и этими способами не могли удовлетворить ихъ. Стукъ палочныхъ ударовъ смѣнялся плачемъ и стенаніемъ. Надъ однимъ отцомъ многочисленнаго семейства, котораго онъ былъ единственнымъ кормильцемъ, обрушилась болѣе всего ихъ жестокость. На сходкѣ пытали его всѣми бироновскими пытками, но при каждой перемѣнѣ, вмѣсто денегъ, получали отъ него отвѣтъ, что у него і стеро дѣтей, малъ-меньше другого, безъ матери, и онъ не вѣдаетъ даже, гдѣ добыть имъ хлѣба.—«Джеп

1) Читателю до имени нѣтъ, кажется, нужды.

Digitized by Google

прикидываешься!» — кричали сборщики, и совѣщались, какого новаго рода пытку приложить къ нему. — «Батюшки, заплачу, — вопилъ несчастный, — дайте мнѣ только дойти до моей избы». — Съ этимъ условіемъ пріостановили новыя муки, для него изготовленныя. Въ ожесточеніи онъ приходитъ домой; навстрѣчу ему дѣти, обступаютъ его, просятъ у него хлѣба. — «Тотчасъ!» — говоритъ онъ, — всѣмъ достанется!» — Изступленный схватываетъ онъ ножъ и зарѣзываетъ все свое семейство. Одного шестимѣсячнаго, лежавшаго въ люлькѣ и надсѣвшагося отъ крика, беретъ окровавленными руками за ноги, приноситъ на сходку и съ ужаснымъ хохотомъ размаживаетъ ему голову о голову главнаго сборщика. — «Дайте-жъ квитокъ, разбойники! — закричалъ онъ: — шесть душъ ровно изъ вашего счета вонъ».

«Черезъ недѣлю деревня опустѣла; въ польскихъ лѣсахъ появилась новая.

«Въ другомъ селѣ, при подобномъ случаѣ, отецъ отвелъ пятерыхъ дѣтей своихъ въ поле — это было зимою — и, несмотря на плачъ ихъ, всѣхъ заморозилъ. — «Я хоть одинъ пойду въ адъ» — говорилъ онъ — «зато вы избавитесь отъ мукъ бироновскихъ».

Въ другой бумагѣ, поданной Маріорицей, заключалось описаніе мученической смерти Горденки и послѣдствій ея.

При чтеніи этихъ бумагъ, государыня смочила пла... слезами.

— Какъ насъ обманываютъ, — сказала она всхли...я. — Я и сотой части этого не знала. Какъ тер... бѣдное человѣчество, и все именемъ моимъ!.. ...й человѣкъ... почти въ моихъ глазахъ... ледяная

Digitized by Google

кукла!.. Боже мой! этому нельзя почти вѣрить! И вотъ преданность, вотъ любовь ко мнѣ!.. Все это одна жажда корысти, одно желаніе властвовать надо всѣмъ, даже надо мною!.. Надо конецъ!.. Господи! прости мои прегрѣшенія и не лиши меня въ трудное это время Своей великой помощи.

— Милая,—прибавила она,—молчи обо всемъ, что ты знаешь изъ этихъ бумагъ, изъ этого вечера; я хочу собраться съ силами... чтобы наказать... О! какъ тяжело не имѣть ни къ кому довѣрія, не имѣть друга! И вотъ царскій санъ, которому столько завидуютъ!..

Государыня опять зарыдала.

— У васъ остается Артемій Петровичъ Волынскій—сказала княжна съ особеннымъ восторгомъ.— Вырвите свою довѣренность изъ рукъ недостойныхъ и отдайте ему... онъ достоинъ быть любимцемъ царей; вручите ему управленіе Россіи, и вы увидите, какая слава, какое счастіе прольется на народъ вашъ, какъ всѣ будутъ благословлять ваше имя!

Изумленная необыкновеннымъ одушевленіемъ, необыкновенною силою, съ которою говорила Маріорица, Анна Іоанновна пристально посмотрѣла ей въ глаза, отъ чего эта, краснѣя, потупила свои.

— Несчастная!—грустно произнесла государыня, качая головой:—и тебя успѣлъ обворожить этотъ чародѣй! и тебя не избѣгнулъ злой рокъ! О, молись, молись Богу!.. Теперь, позови камеръ-дѣвицу; тебѣ и мнѣ нуженъ покой.

Но княжна не двигалась. Опомнившись отъ с щенія, въ которое бросили ее догадки государы она разсчитывала, и очень вѣрно, что если нынѣ тотчасъ послѣ чтенія этихъ бумагъ, не сдѣлано

Digitized by Google

рѣшительнаго приступа въ пользу Волынскаго, то впослѣдствіи и подавно ничего не сдѣлается. Любовь, и такая любовь, какъ ея, внушаетъ смѣлость; одушевленная ею, она сказала:

— Государыня, дайте же приказъ освободить...

— Друзей Волынскаго!—прервала Анна Іоанновна, какъ бы испуганная этою просьбою,—теперь... ночью?..

— Теперь же, государыня! Господь пошлетъ вамъ и лучшій сонъ, и утѣшеніе вашему сердцу.

Она говорила съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, съ такою нѣжностью цѣловала руки императрицы, что эта не могла отказать, велѣла подать себѣ чернильницу, перо и бумаги, и написала приказъ коменданту крѣпости — освободить изъ-подъ ареста трехъ вельможъ, засаженныхъ туда въ день празднованія извѣстныхъ родинъ козы.

Чрезъ минутъ пять хотѣли воротить посланнаго съ этимъ приказомъ—такъ была велика нерѣшимость Анны Іоанновны, все еще боявшейся выйти изъ-подъ опеки временщика, — но было поздно! Друзья пользовались уже свободою и, увѣренные, что вмѣстѣ съ нею падетъ могущество фаворита, благословляли за нее императрицу.

Съ какимъ умиленіемъ чистого, благодарнаго сердца, съ какими радостными слезами молилась княжна, когда она пришла въ свою спальню!

— Мнѣ, мнѣ обязаны его друзья своею свободою, собственное счастіе, слава его — будетъ дѣломъ мъ!—говорила она, въ упоеніи своего счастія.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ

УДАРЪ.

И что ни шагъ,
То новыя бѣды иль новый врагъ.

Въ ту же ночь узналъ Биронъ о приказѣ коменданту Петропавловской крѣпости. Бѣшенство его не знало мѣры, пока онъ не могъ доискаться, что было причиною этого распоряженія, на которое онъ не давалъ своего согласія. На всѣ разспросы, кто былъ послѣ него у императрицы, ему могли только сказать, что оставалась съ нею вдвоемъ княжна Лелемико и что, когда укладывали ея величество спать, глаза ея были красны отъ слезъ, между тѣмъ какъ любимица ея пришла къ себѣ въ необыкновенной радости.

— О! я отплачу этой поганой дѣвчонкѣ. Это ея дѣльце!—повторялъ онъ, грызя ногти до крови; и почти всю ночь проходилъ, какъ часовой, вдоль и поперекъ бинета своего.

Утромъ слѣдующаго дня явился герцогъ во дворецъ. рюмый и молчаливый, онъ былъ принятъ государынею съ необыкновенною холодностью и принужде-нъ. Боясь остаться одна съ нимъ, она приказала

Digitized by Google

княжнѣ не отходить. Съ той и другой стороны ни слова объ освобожденіи трехъ вельможъ изъ-подъ ареста. Заговорили однакожъ непримѣтно о праздникѣ, который такъ давно готовили къ свадьбѣ Кульковскаго.

— Когда жъ онъ состоится?—спросила государыня.

— Это зависитъ отъ воли господина кабинетъ-министра,—отвѣчалъ Биронъ,—не знаю, когда ему угодно будетъ назначить.

Неудовольствіе явно означилось на лицѣ Анны Іоанновны.

— Напротивъ, думаю, когда мнѣ угодно будетъ. А чтобы доказать вамъ, какъ онъ скоро исполняетъ мои желанія, я назначаю завтрашній день.

По приказанію ея, записка къ Волынскому съ этимъ распоряженіемъ написана княжною, подписана государынею и тотчасъ же отправлена. Биронъ кряхтѣлъ отъ досады, и, не боясь оскорбить слуха императрицы, пускалъ повременамъ неблагозвучныя вспышки воздуха, который собиралъ въ груди своей.

— Ваши желанія? — повторилъ онъ, иронически усмѣхнувшись. — Смѣю завѣрить, что онъ считаетъ порученіе вашего величества оскорбительнымъ для себя. Онъ объявилъ это при Остерманѣ и Минихѣ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ.

— Дѣла говорятъ лучше словъ. Покуда дозвольте вамъ не повѣрить. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени, замѣчаю, вы особенно нападаете на кабинетъ-министра, который столько преданъ моимъ и моей Россіи по... замъ — и преданъ не на однихъ словахъ. Не съ эт... ли времени, какъ онъ выставилъ на показъ вашу ... дяную статую?

Тутъ она пристально посмотрѣла на герцога.

Digitized by Google

Герцогъ поблѣднѣлъ и побагровѣлъ.

— Позвольте выйти княжнѣ, — сказалъ онъ, собираясь обрушить разомъ на голову Волынскаго рѣшительный ударъ, такъ давно изготовленный, и, между тѣмъ, стыдясь вмѣшивать княжну въ свой доносъ передъ ней самой. Но и этотъ стыдъ онъ скоро забылъ.

— Моя Лелемико останется при мнѣ, — отвѣчала государыня съ необыкновенною твердостью.

— Васъ обманываютъ.

— Знаю, но только не Волынскій.

— Именно онъ. Государыня! ужъ подъ крыломъ голубки свиваютъ доносы на вѣрнаго, преданнаго вамъ слугу (онъ посмотрѣлъ значительно на княжну, отъ чего эта вся вспыхнула); поберегитесь, чтобы коршунъ не сѣлъ на вашъ престолъ.

На лицѣ государыни изобразилось какое-то сомнѣніе и робость.

— Покуда этотъ коршунъ хочетъ выклевать мнѣ глаза, чтобы я не видалъ его коварныхъ замысловъ. Но пусть прежде выпьетъ сердце мое! Пора къ развязкѣ! Я не могу долѣе терпѣть мое униженіе, которое доселѣ скрывалъ отъ васъ, сберегая ваше здоровье. Одинъ изъ насъ долженъ очистить другому мѣсто, но не иначе, какъ мертвый. Дорого цѣню ваши милости, и не дешево уступлю ихъ. Выслушайте меня, ваше величество; я прошу, я требую этого, и теперь же.

— Въ другое время.

— Надѣюсь, скоро!.. Правда, вамъ нынѣ не до
ія; васъ и безъ меня оступятъ жалобами... можетъ
гься, нынѣ жъ упадетъ къ ногамъ вашимъ жена
..

Digitized by Google

При этомъ словѣ кровь ударила въ голову Маріорицы; все въ глазахъ ея запрыгало и закружилось.

— Жена? Да развѣ она пріѣхала?—спросила государыня.

— Вчера вечеромъ, и, вѣроятно, тотчасъ узнала его связи съ непотребною...

Ножъ клеветы былъ прямо устремленъ въ сердце бѣдной дѣвушки. Она не вынесла удара; грудь ея зажгло, у сердца что-то оторвалось; она кашлянула, прижала бѣлый носовой платокъ къ губамъ, и розовое пятно означилось на немъ! Какъ жестоко наказываетъ ее судьба за одну минуту неземного блаженства на землѣ! Герцогъ радовался ужъ своему торжеству, видя, что государыня склонялась на его сторону; но ожесточеніе, съ которымъ онъ напалъ на любимицу ея, разрушило все, что онъ успѣлъ выиграть вновь изъ потерянныхъ правъ своихъ, и положило между ею и имъ новую преграду. Нельзя было не догадаться, на кого устремлены были его стрѣлы, облитыя ядомъ; цѣль сама означала себя слишкомъ явно; но время, мѣсто и способъ обвиненія были худо выбраны. Государыня замѣтила ужасное положеніе княжны, сжалилась надъ нею и взяла ея сторону. Отпустить ее отъ себя, чтобы освободить отъ ужасныхъ намековъ своего фаворита, она не рѣшалась, боясь услышать что-нибудь важное на счетъ своей любимицы. Какъ бы по предчувствію, она страшилась потерять свое послѣднее утѣшеніе. И потому съ прежнею холодностью твердостью разговоръ былъ обращенъ на другой пр метъ.

Вскорѣ доложили о Волынскомъ. При имени Маріорица, казалось, ожила; она не старалась оп

Digitized by Google

виться, она въ одну минуту оправилась, воскреснувъ душою.

Артемій Петровичъ вошелъ. Еслибъ онъ видѣлъ, какой взглядъ на него бросили! Это былъ цѣлый гимнъ любви. Чего въ немъ не было! моленіе, упованіе, страхъ, покорность, любовь земная, судорожная, кипящая, и любовь неба съ его глубокою безпредѣльностью, съ его таинственнымъ раемъ. Но другой взглядъ... о! онъ пронизилъ бы васъ насквозь холодомъ смерти. Артемій Петровичъ вошелъ и не удостоилъ взглянуть на нее, преданный ли своей новой любви къ женѣ, или дѣлу друзей и отчизны.

— Можетъ статься, — думала Маріорица, утѣшая себя, — онъ мститъ мнѣ за то, что я не пришла на свиданіе, мною жъ назначенное! Не могъ ли онъ подумать, что я насмѣялась надъ нимъ? И то можетъ статься, что сберегаетъ меня отъ подозрѣній... Одинъ утѣшительный взоръ любви, ничего болѣе, а тамъ хоть погибнуть!

И этого взора не было.

— Артемій Петровичъ, — ласково произнесла государыня, — вы читали мое желаніе?

— Оно будетъ выполнено, ваше величество!

— Завтра?

— Завтра, въ часъ, въ который вамъ угодно будетъ назначить.

— Слышите, ваша свѣтлость?

— Развѣ кабинетъ-министръ въ первый разъ себя ольщаетъ несбыточнымъ? развѣ онъ въ первый разъ юритъ такъ необдуманно? — сказалъ Биронъ, не удерживая болѣе своей злобы.

Кружева на груди Волынскаго запрыгали; но онъ

Digitized by Google

сдѣлалъ усиліе надъ собой и отвѣчалъ, сколько могъ, умѣреннѣй:

— Благодарите присутствію ея величества, что я не плачу вамъ дерзостью за дерзость. Волынскій никогда, даже вамъ, не измѣнялъ своему слову, хотя бъ это стоило ему жизни.

— Но знаете ли, государь *мой*, что дѣлается между людьми, снаряженными на праздникъ и вамъ порученными?

— Болѣе, нежели вы думаете, государь *мой!* Знаю, что одного изъ нихъ, именно малороссіянина, вамъ угодно было исключить изъ списка живыхъ. Да это для васъ, сударь, такая бездѣлица! Человѣкъ!.. къ тому же русскій!.. ну, стоило ли изъ-за этой дряни хлопотать! Однакожъ, вы сами тотчасъ же поспѣшили замѣнить его другою живою, подставною куклой.

— Сказка, вами сплетенная! тысяча вторая ночь, которою прекрасная ваша плѣнница ищетъ убаюкать вашу скуку и, можетъ-быть, оградить васъ отъ наказанія нашей правосудной владычицы!

— Клевета, которою вы вмѣсто надгробной надписи хотите скрасить памятникъ надъ своими мертвецами, чтобы они не пугали вашей младенческой совѣсти! Гмъ! поставьте лучше изъ цѣлой Россіи великолѣпный мавзолей.

— Боже мой! да эти буяны такъ забылись въ присутствіи моемъ, что у меня въ ушахъ ломитъ отъ ихъ крику. Пожалуй, чего добраго, возьмутся за свят волоса!.. Я обоимъ вамъ приказываю замолчать, — вскр чала грозно государыня, — я это все разберу послѣ, свое время. — Всѣ ли у васъ пары на-лицо? — пр

Digitized by Google

вила она, немного погодя, смягчивъ голосъ. Обращеніе было сдѣлано къ кабинетъ-министру.

— Всѣ, государыня!

— Опять неправда!—воскликнулъ Биронъ.

— Докажите.

— Цыганка Маріула вчера съ ума сошла (при этомъ словѣ княжна помертвѣла, встала съ своего мѣста, чтобы идти, и не могла); полиція вынуждена была посадить ее въ яму.

— Та самая, которая?.. — спросила-было государыня.

— Гадала нѣкогда вашему величеству,—подхватилъ герцогъ.

— Съ ума со...?—И государыня не договорила.

Тамъ, гдѣ стояла княжна Лелемико, послышался глухой стонъ, будто грянулось что-то тяжелое о-земь. Всѣ оглянулись, княжна лежала недвижимо на полу.

— Боже! ее убили! — закричалъ Волынскій, схвативъ себя за голову, и первый бросился подавать ей помощь, за нимъ Биронъ.

Но государыня, несмотря на то, что перепугана была такъ, что дрожала всѣмъ тѣломъ, дернула сильно за шнурокъ съ звонкомъ, чтобы прибѣжала прислуга, и сердито указала дверь герцогу и кабинетъ-министру, примолвивъ:

— Прошу уволить отъ вашихъ нѣжныхъ попеченій. Снявши голову, не плачутъ по волосамъ. Ступайте...

— Не пойду, ваше величество, — вскричалъ Волынскій, ставъ на колѣна подлѣ княжны и схвативъ руку ея, которую старался согрѣть своимъ дыханіемъ.

Digitized by Google

— Какой позоръ!.. и меня заставляютъ смотрѣть на него!.. Вы хотите быть ослушникомъ?.. — сказала грозно императрица, — не заставьте меня въ другой разъ повторить.

Во время этого ужаснаго спора подданнаго съ своею государынею, Биронъ стоялъ у дверей. Прислуга дворцовая явилась.

— Теперь пойду, — сказалъ Волынскій, всталъ, посмотрѣлъ еще на княжну и вышелъ, герцогъ за нимъ.

Лишь только они успѣли занести ногу за первый порогъ, Биронъ сказалъ съ коварною усмѣшкою своему врагу, шедшему въ глубокой горести:

— Полюбуйтесь своимъ дѣльцемъ.

Не было отвѣта. Можетъ статься, Волынскій, убитый тѣмъ же ударомъ, который поразилъ княжну, не слыхалъ насмѣшки; можетъ статься, не находилъ словъ для отвѣта, потому что, оборачивая брошенный ему жетонъ на ту или другую сторону, вездѣ читалъ: «*достойному награда*». Кровавое пятно, имъ замѣченное на бѣломъ платкѣ, терзанія бѣдной дѣвушки, у которой онъ отнялъ спокойствіе, радости, честь, можетъ быть и жизнь; сумасшествіе цыганки, столько любившей княжну и связанной съ нею какими-то таинственными узами, — все, все дѣло его. Нельзя отказаться отъ этихъ подвиговъ. Адъ его начинался на этой землѣ; зато путь къ нему былъ усыпанъ такими розами!..

Выходя изъ дворца, онъ былъ въ состояніи человѣка, который слышитъ, что за горою рѣжутъ лучш его друга. Стоны умирающаго подъ ножомъ разбойни доходятъ до него и отдаются въ его сердцѣ, а он

Digitized by Google

можетъ на помощь—ужасная гора ихъ отдѣляетъ. Все наконецъ тихо, все мрачно вокругъ него... Или не скорѣе ли можно сравнить состояніе его съ состояніемъ человѣка, который въ припадкѣ безумія зарѣзалъ своего друга и, опомнившись, стоитъ надъ нимъ?

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЕЖДУ ДВУХЪ ОГНЕЙ.

Съ этимъ адомъ въ груди приходитъ онъ домой. Взоры его дики; на лицѣ сквозитъ нечистая совѣсть; вся наружность искомкана душевною тревогой. По обыкновенію, его встрѣчаютъ заботы слугъ. Непріятны ему ихъ взгляды; каждый, кажется, хочетъ проникнуть, что дѣлается у него въ душѣ.—«Прочь, къ чорту!»—говоритъ онъ имъ ужаснымъ голосомъ.—И все съ трепетомъ удаляется, объясняя себѣ по-своему необыкновенное состояніе барина. Въ тогдашнее время не было въ домахъ ни мужниной, ни жениной половины; все было между ними общее. Не желая встрѣтить жену, Волынскій нейдетъ въ дальніе покои и остается въ залѣ; то прохаживается по ней тяжелыми, принужденными шагами, будто совѣсть и въ нихъ налила свой свинецъ, то останавливается вдругъ, какъ бы челъ на него столбнякъ. Онъ желалъ бы убѣжать дому, отъ семейства, отъ всего свѣта, въ лѣса мучіе, въ монастырь; онъ желалъ бы провалиться землю. Вездѣ преслѣдуетъ его кровавое пятно; на ъ бѣломъ видитъ онъ этотъ ужасный знакъ.

Digitized by Google

Наталья Андреевна, узнавъ, что онъ возвратился домой, спѣшитъ къ нему. Онъ холодно принимаетъ ея ласки; на всѣ вопросы ея, нѣжную заботливость, отвѣчаетъ несвязно, сухо, едва не съ сердцемъ. Мысль, что съ нимъ случилось несчастіе, тревожитъ ее; она умоляетъ его открыться. Онъ грубо ссылается на хандру. Но слезы, блеснувшія въ ея глазахъ, пробиваютъ наконецъ путь къ его сердцу.—«Довольно и одной жертвы! не эту ли еще убить за любовь ко мнѣ?»—думаетъ онъ, старается ее успокоить, увлекаетъ въ свой кабинетъ, цѣлуетъ ее и силится забыться въ ея ласкахъ. Доброе, милое это существо радуется своей побѣдѣ, торжествуетъ ее разными пламенными изъясненіями любви своей; она уже не та тихая, только что нѣжная супруга, которую нѣкогда упрекалъ Волынскій въ холодности—она страстная любовница, утончающая свои ласки; она плачетъ отъ упоенія любви. Но что съ нею вдругъ?.. Она отпрянула отъ него, какъ будто самъ сатана ее укусилъ; она дрожитъ, будто провели по всему ея тѣлу замороженнымъ желѣзомъ.

Безумный! среди пламенныхъ изъясненій любви, забывшись, онъ произнесъ: «*милая Маріо...*» и уста его, не договоривъ околдованнаго слова, оледенѣли, и волосъ его всталъ дыбомъ.

— Чтожъ вы, сударь, не доканчиваете?—сказала Наталья Андреевна, судорожно усмѣхаясь.

Она хотѣла продолжать, но не могла; ревность з душила ее.

Артемій Петровичъ почти насильно обвилъ ее свои. руками, какъ бы заключилъ ее въ волшебный круг изъ котораго она не могла высвободить себя, цѣлов-

Digitized by Google

ея руки, умолялъ ее взоромъ; но она, вырвавшись изъ его объятій, оттолкнула его.

— Прочь, прочь, обманщикъ, негодный человѣкъ!— говорила она рыдая. — Такъ вотъ ваша любовь! вотъ мое сокровище, за которое я не хотѣла всѣхъ богатствъ міра и за которое нельзя дать гроша!.. Прекрасная любовь! Въ то время, какъ меня ласкаете, какъ я думаю быть счастлива, сколько можетъ быть счастливо Божье созданье, у васъ на умѣ, въ сердцѣ, ваша молдаванка; ваши ласки, мнѣ расточаемыя, принадлежатъ другой. Я только болванчикъ, кусокъ дерева, на которомъ вамъ угодно примѣривать ваши нѣжности вашей прелестной, божественной Маріорицѣ. Нѣтъ, этого болѣе не будетъ; я не дойду до такого позора... И вотъ причина вашей горести!.. Зачѣмъ же было меня обманывать? Давно бъ мнѣ просто сказать: ты мнѣ постыла, я люблю свою молдаванку, одну ее! Мнѣ было бы легче!.. Повторите мнѣ это теперь, и оставьте меня; разстанемся лучше... У меня будетъ кого любить и безъ васъ—со мною останется мой Богъ и Спаситель, Котораго вы забыли!..

И несчастная рыдала, ломая себѣ руки. Ревность заставляла ее говорить то, что она, конечно, не въ состояніи была бъ выполнить. Артемій Петровичь сталъ предъ нею на колѣна, увѣрялъ, что хотѣлъ ее испытать, божился, что ее одну любитъ, что ее одну ввѣкъ будетъ любить, что къ Маріорицѣ чувствуетъ лько сожалѣніе. Истинная любовь легковѣрна. Нальья Андреевна повѣрила, но напередъ требовала, объ онъ подтвердилъ свою клятву предъ образомъ ıасителя. И онъ, какъ бы въ храмѣ, предъ алтаремъ, ıтвердилъ ее со словъ Натальи Андреевны, дикто-

Digitized by Google

вавшей ему то, что онъ долженъ былъ сказать для успокоенія ея. Въ этомъ случаѣ онъ не думалъ лицемѣрить ни передъ нею, ни передъ Богомъ: отъ любви къ Маріорицѣ, возмущенной такими неудачами и несчастіями, лишенной своего очарованія, дѣйствительно осталось только глубокое сожалѣніе; но это чувство такъ сильно возбуждало въ немъ угрызенія совѣсти, что онъ готовъ былъ желать себѣ скорѣе смерти. Жизнь его опутана такими дьявольскими сѣтями; одинъ конецъ ея могъ ихъ разрубить. Любилъ онъ истинно свою жену?—Да, онъ дорожилъ ею съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что она скоро будетъ матерью его младенца; но могло ли чувство чистое, возвышенное, нераздѣльное имѣть мѣсто въ сердцѣ, измученномъ страстью, раскаяніемъ, бѣдствіями Маріорицы, страхомъ быть уличеннымъ въ связи съ нею, бѣдствіями отечества? Сердце его была одна живая рана.

Наталья во всѣхъ случаяхъ жизни любила прибѣгать къ Святынѣ. Вѣра вознаграждала ее за всѣ потери на землѣ, осушала ея слезы, святила для нея земные восторги, обѣщала ей все прекрасное въ этомъ и другомъ мірѣ. И теперь, успокоенная своимъ мужемъ, разставшись съ нимъ, она прошла въ свою спальню и тамъ молилась, усердно, со слезами, чтобы Господь сохранилъ ей любовь супруга, который послѣ Бога былъ для нея дороже всего.

Успокоивъ ее, Волынскій хотѣлъ также утѣшить чѣмъ-нибудь и бѣдную дѣвушку, безжалостно брошенную имъ на смертный одръ. Совѣсть его требовала этого утѣшенія. Но при каждомъ скрипѣ шаговъ въ ближней комнатѣ, при малѣйшемъ шорохѣ, дрожалъ, какъ дѣлатель фальшивой монеты. Но *она* ли идетъ

Digitized by Google

Ну, если застанетъ его надъ письмомъ къ своей соперницѣ! Артемій Петровичъ, кажется, боится шелеста отъ собственныхъ своихъ движеній. Кабинетъ-министръ, который нѣкогда смѣло шелъ на встрѣчу грознымъ спутникамъ временщика, пыткамъ, ссылкѣ, казни и смерти, удалый, отважный во всѣхъ своихъ поступкахъ, труситъ нынѣ, какъ дитя.

Дверь на запоръ.

Письмо, которое онъ писалъ къ Маріорицѣ, было орошено слезами, такъ что по немъ сдѣлались пятна. Но лишь только начерталъ онъ нѣсколько строкъ, какъ стукнули въ дверь. Онъ спѣшилъ утереть слезы и бросить письмо подъ кипу бумагъ; рука, дрожащая отъ страха, отперла дверь. Вошедшій слуга доложилъ, что его превосходительство желаютъ видѣть графъ Суминъ-Купшинъ, Перокинъ и Щурховъ. Тысячу проклятій ихъ безвременному посѣщенію! Политика и дружба для него теперь гости, хуже чѣмъ татары для бывалой Руси. Однакожъ велѣно просить друзей.

Они пришли благодарить за ходатайство объ нихъ у государыни и вмѣстѣ радоваться, что правое ихъ дѣло начинаетъ торжествовать. Когда бъ знали они, что обязаны своимъ освобожденіемъ молдаванской княжнѣ! Волынскій и не принимаетъ на себя успѣха этого дѣла, а приписываетъ его только великодушію государыни. Бесѣда освятилась новою клятвою друзей дѣйствовать рѣшительно противъ врага Россіи, и если онъ не будетъ удаленъ отъ управленія государствомъ, требовать, чтобы ихъ опять отвели въ крѣпость.

Какъ доволенъ былъ хозяинъ, когда гости удалились! Онъ продолжалъ и кончилъ письмо. Арабу поручено доставить его, во что бъ ни стало, и сейчасъ.

Digitized by Google

Когда княжна была приведена въ чувство и государыня оставила ее въ ея спальнѣ, увѣренная, что ей лучше, горничная ея Груня наэлектризовала ее однимъ прикосновеніемъ къ рукѣ. Въ этой рукѣ очутился клочекъ бумаги, могучій проводникъ, возбудившій ее къ жизни, полной, совершенной, къ жизни любви. При этомъ было произнесено три волшебныя слова: «*отъ Артемія Петровича*». Казалось, она встала изъ гроба и услышала райское пѣнье. Глаза ея заблистали попрежнему, грудь ея взволновалась. — Что бы ни было въ этой запискѣ, думала она, цѣлуя ее съ восторгомъ, я ужъ счастлива — это знакъ, что онъ помнитъ обо мнѣ.

Задыхаясь, она читала письмо:

«Безумный! до чего довелъ я тебя?.. И вотъ небо, которое тебѣ обѣщалъ! Что долженъ я сдѣлать, чтобы возвратить тебѣ прежнее спокойствіе и счастіе? Скажи, милая, безцѣнная Маріорица, научи меня. Одно слово, одно твое желаніе, и я спѣшу исполнить его, хотя бы стоило мнѣ то жизни, хотя бъ я долженъ купить твое благополучіе муками въ здѣшнемъ мірѣ и за предѣлами гроба. Дай малѣйшую отраду — напиши одно слово о своемъ здоровьѣ. Ради Бога, укрѣпи себя для лучшихъ дней, или я уничтожу себя, жену, все, что только носитъ мое имя, что можетъ носить его. Я не усну, если не получу отъ тебя отвѣта».

Половина того, что писалъ Волынскій, была ложь, но она сдѣлала свое дѣйствіе — успокоила, утѣшила Маріорицу, и цѣль его была достигнута. Княжна отвѣчала:

«Ты обѣщалъ мнѣ небо на землѣ, и далъ мнѣ его. Виноватъ ли что не могъ сдѣлать его вѣчным

Digitized by Google

Вѣдь ты не Богъ! За блаженство, которое я вкусила, пошли Онъ мнѣ тысячу мукъ, все не покроетъ этого блаженства. Ты съ своей стороны мнѣ ничего не долженъ — ты далъ мнѣ болѣе, нежели я ожидала; съ тобою узнала я благо, какого и самыя горячія мечты мои не обѣщали мнѣ. Теперь мое дѣло жить и умереть для тебя, для твоего спокойствія, счастія и славы.

«Ты плакалъ? слѣды твоихъ слезъ остались на бумагѣ — о! для чего пали онѣ на нее? для чего не могла я выпить ихъ моими поцѣлуями? Боже! и я виною ихъ...

«Мнѣ сдѣлалось дурно отъ словъ этого злого человѣка, Бирона; я къ этому не приготовилась, еще не привыкла. Но съ этой минуты даю тебѣ слово не потревожить тебя и тѣнью огорченія; буду тверда, какъ любовь моя. Спи, милый другъ; сны твои да будутъ такъ радостны, какъ теперь сердце мое».

Ни слова о неудачѣ свиданія, о болѣзни своей, ни слова о цыганкѣ: она все забыла; она помнитъ только своего обольстителя. Сердце ея благоухаетъ только однимъ чувствомъ — похожее на цвѣтокъ хлопчатой бумаги, который издаетъ тѣмъ сильнѣйшій запахъ, чѣмъ далѣе въ него проникаетъ губительный червь: отпадаетъ червь, и благоуханіе исчезаетъ.

Прочитавъ письмо, Волынскій нѣсколько успокоился; оно убаюкало его совѣсть, но и въ дремотѣ ея видѣлись ему страшныя грезы. Письмо было сожжено, и пепелъ брошенъ въ печь, чтобы и слѣдовъ его не оставалось. Ту же участь имѣли прежнія письма къ нему Маріорицы: такъ сдѣлался онъ остороженъ, боясь попасть съ ними подъ новый ужасный упрекъ жены. Воспоминанія прошлой любви его къ княжнѣ разгорѣлись было при этомъ случаѣ; онъ заплатилъ

Digitized by Google

ей дань нѣсколькими слезами. Но съ прежняго его кумира *обстоятельства* сняли лучи, которыми любилъ онъ ее убирать во дни своей страсти, изъ которыхъ онъ свилъ было для нея такой блистательный вѣнецъ, и сердце его недолго удерживалось на этихъ воспоминаніяхъ. Не завидна была двусмысленная роль его: надобно было обманывать и любовницу, и жену, столь горячо его любившихъ. Волынскій сдѣлался низокъ въ собственныхъ глазахъ и растерялся. Могъ ли онъ въ этомъ состояніи работать отечеству съ прежнею силою и благородствомъ души?.. Всякая жертва требуетъ очищенія.

Зуда и на этотъ случай сказалъ свое пророческое слово.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КУДА ВѢТЕРЪ ПОДУЕТЪ

Нечистая каморка, худо освѣщенная сальнымъ огаркомъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ. На полкахъ множество фоліантовъ съ важною и преважною физіономіей; большая часть съ надгробною надписью: «Rollin». На другихъ полкахъ обгорѣлые горшки, накрытые дощечками и книгами; деревянная чаша, пара оловянныхъ ложекъ; мышеловка, бутылка, заткнутая бумажкой, и еще кое-какая посуда, довольно нечистая. Столъ съ бумагами, изъ которыхъ одна кипа придавлена кирпичомъ (ci-gît: сынъ Одиссея, родившійся на островѣ Итакѣ, взлелѣянный Минервой и Фенелономъ и зарѣзанный въ С.-Петербургѣ профессоромъ элоквенціи); тутъ же великанша-чернильница, надутая, какъ... (не скажу кто, чтобы гусей не раздразнить), песокъ въ коробочкѣ, сложенной изъ писчей бумаги, — желѣзные съемцы по образцу адамовыхъ. Въ комнатѣ два стула, огромный сундукъ и постель, на которой подушки черны, какъ будто готовили на нихъ ...ины, и одѣяломъ служитъ тулупъ. Къ стѣнѣ жмется ...ртретъ съ бородавкою; подлѣ него туго насаленный

Digitized by Google

парикъ и хлопушка для мухъ. Стѣны вспаханы стихами, писанными мѣломъ — для вытягиванія ихъ нужна бычачья грудь. Ролленъ? нечеловѣческіе стихи? бородавка? А! тутъ вѣрно живетъ любитель музъ Тредьяковскій. Василій Кирилловичъ занимаетъ одно изъ сѣдалищъ. Голова его съ обнаженною макушкою представляетъ цѣлый земной шаръ; съ одной стороны къ свѣчкѣ, служащей солнцемъ (какъ въ свѣтѣ нерѣдко случается, что сальные огарки служатъ инымъ солнцами), сіяетъ лучезарный полдень, далѣе разсвѣтъ, ночь и сумракъ. Противъ него, на другомъ стулѣ, молодой офицеръ съ краснымъ носомъ. Ба! да это его благородіе Подачкинъ. Видно, бесѣдуютъ.

Подачкинъ. Смотри-жъ, не забудь. Тебя потребуютъ къ государынѣ — ты прямо въ ноги и разскажи, какъ стращалъ тебя Волынскій висѣлицею, плахою, хотѣлъ тебя убить изъ своихъ рукъ, коли не скажешь молдаванкѣ, что онъ вдовецъ, и не станешь носить его писемъ; какъ заставлялъ тебя писать вирши противъ ея величества и раздавать по народу...

Тредьяковскій. Заставлялъ, конечно... но я и вознести мысль не посягнулъ.

Подачкинъ. Ужъ, разумѣется, братецъ! Слышь? переврешь и не довершь, въ караульню, на палочную.

Тредьяковскій. Возлягте упованіемъ своимъ на меня, какъ на адамантовъ камень. Чего не возмогу я исполнить за великія щедроты, которыя ниспосылаетъ на меня его свѣтлость! Да не дозволите ли утруждать ваше благородіе. Вы, какъ особа, обрѣтаетесь при высокостепенномъ господинѣ... удостойте презентовать его свѣтлости недостойное мое стихосложеніе, въ честь его персоны составленное!

Digitized by Google

Подачкинъ (*качаясь на стулѣ*). А почему-жъ не такъ, почему-жъ? Однако не худо, братецъ, понимаешь... ну, ты самъ разумная голова... безъ мази и возъ съ мѣста не тронется, а съ нею въѣдемъ, пожалуй, хоть въ спальню къ герцогинѣ.

Тредьяковскій отпираетъ сундукъ, вынимаетъ изъ *кошки* [1]) цѣлковый и вручаетъ его съ поклонами.

Подачкинъ. Я тамъ видѣлъ у тебя другой.

Ты раздайся, разступись, туга *киса;*
Хоть глазкомъ однимъ мигни, моя краса!

И другой цѣлковый — тутъ было почти все денежное богатство Василія Кирилловича — отданъ милостыне-раздавателю его свѣтлости. Но золотыя горы и слава были впереди.

Тредьяковскій. Соблаговолите ли, ваше благородіе, дозволить прочитать вамъ подносъ мой?

Подачкинъ. Похвально!.. (Сынокъ барской барыни игралъ уже роль покровителя наукъ). Не худо бы однакожъ при этомъ винца.

Желаніе его благородія было исполнено, и попойка началась. Между тѣмъ Василій Кирилловичъ читалъ ему стихословный акростихъ въ честь герцога курляндскаго, благодѣтеля и просвѣтителя Россіи, Аристида, Ѳемистокла, Солона и нѣсколько разъ Мецената.

Подачкинъ (*перебивая его*). Похвально, ей-ей, хотя не понимаю! Да ты, чортъ побери, на виршахъ баку съѣлъ. Знаешь ли, братецъ, напиши что-нибудь на свадьбу моей матери. Шутъ бы ее взялъ,

[1]) Кошельки дѣлались изъ кошачьей кожи, почему и называ-ъ *кошками*отъ того-жъ должно происходить и слово *киса*.

Digitized by Google

славная матка!.. Воспоила, воскормила меня, въ офицеры вывела, да сама себя не забыла...

Тредьяковскій. За особенное себѣ удовольствіе долженъ почитать и съ отмѣнною ревностью готовъ вамъ таковымъ стихословіемъ моей работы презентовать. На всякую потребу я изготовилъ преизящные эпиталамическіе стихи, которые, безъ сомнѣнія, пригодны будутъ и на бракосочетаніе вашей высокой матери.

Подачкинъ. Что высока, то высока, — 14 вершковъ мѣрныхъ! Однако, братецъ, доходитъ ли ваше мастерство до того, чтобы твои стихи на бракосочетаніе можно тотчасъ, лихо, передѣлать въ стихи на смерть?

Тредьяковскій (*съ гордостью охорашиваясь*). Чего *мы* не возможемъ?.. О! го, го!.. И доложить вамъ осмѣливаюсь, что стоитъ только нѣкоторыя слова, рѣзвунчики, прыгунчики, какъ горныя козочки, вытѣснить, а на мѣсто ихъ вогнать траурныя и тяжелыя, какъ черные волы, съ трудомъ раздирающіе плугомъ утробу земную. Однакожъ дозвольте обратиться къ предпринятому мною труду въ честь его свѣтлости, великаго покровителя наукъ и благодѣтеля Россіи.

И Василій Кирилловичъ, надуваясь, читалъ свой панегирикъ, и новый валетъ высшихъ валетовъ герцогскихъ допивалъ свою бутылку. Между тѣмъ неслышными шагами вошелъ въ комнату старичекъ, едва ли не семидесятилѣтній, худощавый, блѣдноволосовой, съ серебрянымъ вѣнцомъ изъ волосъ, съ рѣ кою, сѣдою бородкой, въ черномъ русскомъ кафтан подпоясанный ремнемъ — настоящій мертвецъ, котора требовала къ себѣ земля! Одни глаза обнаружива

Digitized by Google

въ немъ жизнь, и жизнь мощную, пламенную. Это былъ дядя нашего стихотворца, нѣкогда учитель въ кіевской академіи и потомъ служка тверскаго архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго, который за то, что не хотѣлъ отложиться отъ убѣжденія, проникшаго умъ и сердце его, но непріятнаго временщику, былъ схваченъ отъ священнодѣйствія въ полномъ облаченіи и брошенъ въ Петербургѣ въ смрадную темницу. Увидавъ старика, племянникъ сталъ втупикъ.

— Продолжай, племянничекъ, продолжай!—сказалъ служка, усмѣхаясь пронзительной усмѣшкой:—прибавь къ своимъ похваламъ новый подвигъ благодѣтелю Россіи! новый кровавый стихъ къ твоимъ великолѣпнымъ виршамъ!

Старикъ разстегнулъ на себѣ поясный ремень, спустилъ лѣвый рукавъ кафтана и рубашки, отъ чего обнажилось плечо. Оно было изрыто кровавыми бороздами; кровь, худо запекшаяся, струилась еще по остову старца.

Тредьяковскій смутился.

— Что, другъ? не правда ли, стоитъ твоего панегирика? — продолжалъ онъ одѣваясь. — И это все онъ! твой Аристидъ, твой Солонъ и Ѳемистоклъ!.. За то, что я осмѣлился сквозь рѣшетку тюрьмы подать моему архипастырю, моему благодѣтелю и отцу, чистую рубашку — три мѣсяца носитъ одну, не скидая; гнѣзда насѣкомыхъ источили ужъ ее! Вотъ человѣкъ—ирой... Отрекся ли онъ отъ своей вѣры, лишенный посоха ...его, церкви, Божьяго свѣта, воздуха, изгложенный ...вями и болѣзнями? Вымучили ли изъ него пытки ...я одно слово противъ его совѣсти?.. Его бы славить, ... бы воспѣвать!.. Гдѣ вамъ!.. На васъ только обликъ

Digitized by Google

человѣческій, а такъ же ползеете, какъ четвероногія. Вамъ скорѣй награду здѣсь, на землѣ, хоть мѣдный грошъ, лишь бы не даромъ!.. А небо? О! никогда не глядѣлось оно въ вашу душу, никогда не тянуло оно ее къ себѣ; ни одна іота изъ языка человѣка съ Богомъ не тревожила васъ дивнымъ восторгомъ! Твое сердце бѣжало ли когда на уста вмѣсто словъ? бесѣдовалъ ли ты когда съ этимъ Богомъ слезами? Несчастный! ты изъ этого ничего не знаешь. Камень камнемъ и будетъ. Продолжай, любезный, подноси на колѣнахъ свое стихотворное вранье: сынъ времени погладитъ тебя по головкѣ, можетъ статься, окутаетъ тебя въ свою ливрею, озолотитъ тебя и поставитъ на запятки. Но, знай! внуки наши обрекутъ тебя достойному позору, оплюютъ твои подлыя творенія. Слышишь?.. громы надо теперь на палачей, ужасные громы неба, а не чиликанье синицъ подъ ружьемъ охотника, на блеянье овецъ подъ ножомъ мясника! И грянетъ этотъ громъ! Горе вамъ тогда! Слышишь ли?..

Голосъ вдохновеннаго старца умолкъ — можетъ остаться, послѣдняя его лебединая пѣснь на землѣ. Онъ исчезъ.

Долго еще племянникъ слушалъ его, поверженный въ ничтожество громовыми истинами старца, какъ бы приходившаго на мигъ изъ гроба, чтобы обличить его въ раболѣпствѣ. Подачкинъ, разинувъ ротъ, слушалъ также, ничего не понимая. Налитый стаканъ стоялъ нетронутый.

Наконецъ, Василій Кирилловичъ одумался, встал подошелъ на цыпочкахъ къ двери и припалъ къ н ухомъ: никого! Отворилъ ее—никого! Тутъ онъ осм лился произнести:

Digitized by Google

— Сумасшедшій! накупается каждодневно на побои: то няньчится около своего архіерея, дерзнувшаго воспротивиться власти его свѣтлости, то шляется по караульнямъ, воздвигаетъ на него ненависть солдатъ и предсказываетъ восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны. Кончить ему неблагообразно!

Василій Кирилловичъ началъ опять читать свой *подносъ*, но чтеніе было опять прервано. Вошелъ въ каморку кабинетъ-секретарь Эйхлеръ. Подачкинъ вытянулся во фронтъ; хозяинъ всталъ, смутившись, и привѣтствовалъ гостя, какъ могъ; но этотъ, не давъ ему расплыться въ многоглаголаніи, отвелъ его въ сосѣднюю, еще меньшую, каморку. Здѣсь шопотомъ объявилъ, что всѣ усилія произвесть Василія Кирилловича въ профессоры элоквенціи остались тщетны, потому что фаворитъ рѣшительно падалъ и судьба его на волоскѣ. Цѣлая свита сожалѣній, вздоховъ, жалобъ на несправедливость людей и перемѣнчивость фортуны слѣдовали за этимъ объясненіемъ. Стукъ-стукъ, новый гость — и кто жъ? Зуда, котораго не видали цѣлые вѣки. Никогда еще каморка Тредьяковскаго не имѣла у себя столько разнородныхъ посѣтителей. Разумѣется, что поклоненіе піита обратилось къ восходящему солнцу, и Эйхлеръ вынужденъ удалиться.

Тутъ Волынскаго торжество было объявлено во всеуслышаніе, такъ что и Подачкинъ струсилъ. Не обошлось однакожъ безъ новыхъ, тайныхъ переговоровъ ь сосѣдней каморкѣ, гдѣ Василію Кирилловичу предлали милости, какія ему самому угодно будетъ назнатть. Заслуги его умѣли всегда цѣнить, но случая не ло къ наградѣ; теперь этотъ случай представился, спѣшили имъ воспользоваться. Въ замѣнъ требовали

Digitized by Google

только: въ случаѣ спроса государыни, сказать, что онъ дѣйствительно былъ вчера у Волынскаго и отъ него пошелъ давать урокъ княжнѣ Лелемико, у которой оставилъ свою книгу (а были ли въ ней бумаги, ему неизвѣстно), и потомъ на счетъ связи кабинетъ-министра свалить свою вину на Бирона, который будто бы угрожалъ Василію Кирилловичу висѣлицею и плахою, если онъ не поддержитъ этой связи и не завѣритъ княжну, что Волынскій вдовецъ. Да это бездѣлица!.. Василій Кирилловичъ полѣзетъ для его превосходительства, своего благодѣтеля, покровителя и мецената, въ огонь и въ воду. Пошли увѣренія, клятвы, всепокорнѣйшія, всенижайшія, вседолжнѣйшія, такъ что крошечный Зуда едва не задохся отъ нихъ. Кончилось тѣмъ, что два серебряные рублевика, послѣ упорной битвы, были отняты піитомъ, сильнымъ, какъ Геркулесъ, и возвратились въ свое прежнее обиталище, и новое его благородіе согнано съ Парнаса въ толчки:

Вѣдь Парнасъ гора высокая,
И дорога къ ней негладкая.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ

СВАДЬБА ШУТА

> Гименъ на торжественной ѣхалъ колесницѣ,
> Купидушки ту везли, прочіе шли сице.
>
> *Тредьяковскій.*

> Приданаго за ней полмилліона.
> Вотъ выдали Матрену за барона...
> . . . .
> И сдѣлалась моя Матрена
> Ни пава, ни ворона.
>
> *Крыловъ.*

Назначенный праздникъ не былъ отмѣненъ. По особенной привязанности къ княжнѣ Лелемико, государыня хотѣла имъ воспользоваться, чтобъ показаться вмѣстѣ съ нею придворнымъ и тѣмъ отразить стрѣлы клеветы, которыя могли на нее посыпаться. Она вѣрила любви Маріорицы къ Волынскому—и какъ не вѣрить? Свидѣтельства были слишкомъ явны; бѣдная не умѣла скрывать свои чувства—но въ головѣ Анны Іоанновны развилась мысль сдѣлать эту любовь законною...

При докладѣ Волынскаго, что шутовская свадьба наряжена, съ нимъ обошлись необыкновенно милостиво. Что, казалось, вело его къ гибели, то послужило къ выгодамъ его. Какихъ же странностей нѣтъ на свѣтѣ! Прошу угадывать, гдѣ встать, гдѣ упасть.

Digitized by Google

Напротивъ, къ изумленію всего двора, Биронъ былъ принятъ чрезвычайно холодно. Онъ хотѣлъ говорить о предметѣ, лежавшемъ у него на сердцѣ, и не имѣлъ возможности: сначала рѣчь его перебивали, потомъ рѣшительно объявили, чтобы онъ не смѣлъ упоминать о княжнѣ. Зато отплатилъ онъ при выходѣ изъ внутреннихъ комнатъ, хлопнувъ сильно дверью.

Тигра вводили въ клѣтку, но боялись еще запереть ее; онъ зналъ свою силу и игралъ желѣзной клѣткой, входя и выходя изъ нея. Никто не смѣлъ говорить объ охлажденіи къ фавориту—не вѣрили ни слухамъ, ни глазамъ, боялись даже вѣрить, чтобы не проговориться; хотѣли скорѣй думать, что тигръ притворяется спящимъ.

Праздникъ! народный праздникъ! какое магическое слово для толпы! Полно, для одной ли толпы? Это слово не кличъ ли къ общему веселію? И кто жъ не хочетъ забыться отъ заботъ здѣшней жизни, вкусивъ хоть нѣсколько капель у фонтана веселья, бьющаго для всѣхъ и про каждаго? Мужичекъ окунаетъ свою бороду, такъ онъ жаденъ напиться его до безумія; мудрецъ — хоть и мудрецъ, съ припѣвцемъ изъ Соломона *«все суета суетъ»*, осторожно, изподтишка, лѣзетъ тоже, за щитомъ густой бороды черни, испить съ отдыхами ковшичекъ удовольствія—народнаго, грубаго, какъ онъ называетъ его, но все-таки удовольствія. Накрой же кто его на этомъ ковшикѣ любимою его сентенціею: *«все суета суетъ»*, у него тотчас готова оговорка: вѣдь надобно жъ было испытат какова водица, чтобы описать ея свойства! А все эт сведемъ къ тому, что всѣ мы не прочь отъ народныхъ увеселеній.

Digitized by Google

Не пользуясь маѳусаиловой жизнью, мы не могли быть на праздникѣ, который въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны данъ былъ по случаю свадьбы пажа и шута ея Кульковскаго. Постараюсь, однакожъ, описать праздникъ, будто самъ видѣлъ его. А отчего я такъ хорошо его знаю, то, извольте знать, слышалъ я объ немъ отъ покойной моей бабушки, которая видѣла его своими глазами и вынесла изъ него разсказовъ на цѣлую жизнь, восторговъ на цѣлую вѣчность, еслибъ вѣчность дана была въ удѣлъ моей бабушкѣ.

Итакъ просимъ ко мнѣ подъ бочекъ: смотрите жъ, что я буду вамъ показывать.

Видите ли? становится на площади между Зимнимъ дворцомъ и Ледянымъ домомъ карета золотая, десятистекольная, запряженная восемью *неаполитанскими* лошадьми. Что за кони! будто писанные! Сбруя пылаетъ на нихъ, страусовыя перья развѣваются на головахъ, снѣгъ курится изъ-подъ ногъ, тонкихъ, какъ у оленя. Пифъ, пафъ бичомъ — каково жъ рисуются! Благородная кровь означилась струями по атласу ихъ шерсти. Двѣнадцать пѣшихъ гайдуковъ идутъ по бокамъ цуга, готовые смирить рьяность коней, въ случаѣ, если бъ забыли узду и бичъ. Кучера въ треугольныхъ шляпахъ съ позументами, изъ-подъ которыхъ прицѣливается въ карету длинная оса, — въ откидныхъ ливрейныхъ шубахъ, исписанныхъ блестящими галунами, въ шмакахъ и шелковыхъ чулкахъ съ огромными пряжми. Пажи унизали карету ожерельемъ, которому ужатъ какъ бы замкомъ два араба въ золотыхъ шукъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. Охраняютъ ее 12 *ѣздо- сержантовъ* верхами, въ гренадерскихъ съ плюма-

Digitized by Google

жемъ шапкахъ. Въ ней сидитъ государыня, напротивъ ея княжна Лелемико (кабы знали, что она дочь цыганки!). На лицѣ послѣдней играетъ ужъ румянецъ, въ глазахъ искрится удовольствіе. Скоро жъ оправилась! Мудрено ли? она увѣрена, что любима. Позади этой кареты нѣсколько другихъ съ великими княжнами и придворными дамами. Въ одной изъ нихъ — посмотрите, настоящая русская дѣва, кровь съ молокомъ, и взглядъ, и привѣтъ царицы: это дочь Петра Великаго, Елизавета. Она даритъ толпу улыбкой, будто серебрянымъ рублемъ. Кажется, сердце хочетъ сказать: «желанная, царствуй надъ нами!» Какъ ей легко увлечь эту толпу! Невыгодно сравненіе съ нею для Анны Іоанновны, смуглой, рябоватой, съ длиннымъ носомъ, тучной, мрачной. Прибавьте къ непріятной наружности потворство ужасному Бирону, и можете судить, почему ее прозвали грозною, когда она, въ самомъ дѣлѣ, не была такою. Замѣтьте и эту молоденькую женщину въ придворной каретѣ — милое, дутое личико, на которомъ набросано кое-какъ простодушіе, доброта, вѣтренность. Это Анна Леопольдовна, супруга герцога брауншвейскаго. Кто бы подумалъ, что ей предоставлено смѣнить временщика и править государствомъ? Кому, однакожъ, какъ не голубкѣ, принести вѣтвь мира человѣчеству, усталому отъ казней! Къ каретѣ нерѣдко подъѣзжаетъ мужъ ея, незначащее лицо, и статный, красивый Линаръ, этотъ очарователь... Но я разскажу вамъ когда-нибудь въ другое время ихъ исторію. Во[...] и карета герцога курляндскаго, съ его гусарами, с[...] роходами, егерями и пажами. Онъ ослѣпляетъ вели[...] лѣпіемъ своего экипажа и прислуги и красотою лош[...] дей; онъ давитъ толпу своимъ грознымъ взоромъ

Digitized by Google

именемъ. Жена его съ ногъ до головы облита корою алмазною: знатоки цѣнятъ ихъ въ два милліона. Вотъ и фельдмаршалъ Минихъ верхомъ — герой, инженеръ, честолюбецъ, волокита, любящій страстно ветчину съ сахаромъ и женщинъ, но болѣе всего славу. Посмотрите, какъ онъ увивается около кареты С—вой (дочери В—ва), первой красавицы при дворѣ — первой, хотѣлъ я сказать, послѣ княжны Лелемико. Она небрежно отвѣчаетъ ему; отуманенные грустью взоры пронзаютъ толпу всадниковъ и ищутъ между ними — молодого В—ва, двоюроднаго брата ея, къ которому пылаетъ страстью преступной. Зато мужъ ея у ногъ прекрасной княжны Т—вой, вѣнчающей его не однѣми надеждами. Но слышали ли вы про чудную смерть С—вой, и про сердце ея, выставленное въ церкви на золотомъ блюдѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ и проч..?

О, Господи! положи на уста мои храненіе. Когда-нибудь, если удастся, разскажу все, что я про нихъ слышалъ отъ девяностолѣтняго старца [1]), которому тайны ихъ жизни были извѣстны, какъ его собственная спальня. А теперь станетъ ли меня управиться и съ настоящимъ разсказомъ!

Какой щегольской съѣздъ! Играютъ волны страусовыхъ перьевъ; переливается блескъ золота въ блескъ алмазовъ; бархаты пышутъ яркостью своихъ цвѣтовъ, черные соболи нѣжатся на женскихъ колѣнкахъ. Какое отборное собраніе женщинъ! какія хорошенькія, вжія лица, будто сейчасъ умылись снѣгомъ, или съ ребра подъ первый, весенній громъ! Горятъ опасные

---

[1]) Отъ него жъ узналъ и исторію молдаванской княжны Лелео.

Digitized by Google

взоры ихъ, или проблескиваетъ на васъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ лучъ потаенный. Кокетничаютъ и красавицы-лошади. Все блеститъ, все радуется снаружи. Зато какой хламъ становится за придворными экипажами. Чего тутъ нѣтъ! Вотъ курятникъ, изъ котораго выглядываетъ жирная насѣдка съ полдюжиной хохлатыхъ птенцовъ; вотъ человѣческая мумія подъ бѣлымъ парикомъ, прилѣпленная къ своему сѣдалищу, устроенному въ богатомъ берлинѣ, который везутъ четыре лошадиныя муміи веревочными постромками; она боится малѣйшаго толчка, чтобы душа не вылетѣла изъ нея вонъ. Думаю, что и въ сосѣдней каретѣ, со взводомъ прислуги въ нарядной ливреѣ на запяткахъ, барыня, разряженная, какъ жаръ-птица, при каждомъ ухабѣ дрожитъ не менѣе старика — не за душу свою — кажется, душонки-то и нѣтъ у нея — а за свои соколиныя брови, за жемчугъ своихъ зубовъ, за розы и перловую бѣлизну лица, взятыя на-прокать. Тутъ найдете въ экипажахъ живыя колоды картъ, живыя корзины съ цвѣтами, свѣжими и поблекшими, простыми и расписными, индѣйскихъ пѣтуховъ, вѣтвистыхъ оленей, и прочее, и прочее, что и нынѣ можете найти на всякомъ съѣздѣ. Какая смѣсь вкуса съ безвкусіемъ, блеска съ чернотою, великолѣпія съ недостаткомъ! Настоящая вывѣска необразованности тогдашняго времени! Только два, три экипажа вполнѣ щеголевато снаряжены, и въ числѣ ихъ карета Волынскаго. Въ ней сидитъ супруга его, счастливая, гордая имъ, толь имъ и — развѣ плодомъ любви ихъ, который носи подъ сердцемъ. Какая мысль блеснула въ головѣ ея Маріорицы; что почувствовали онѣ, когда издали взг. нули другъ на друга въ первый разъ? Ужъ вѣрно

Digitized by Google

Наталья Андреевна завидовала участи княжны, сидящей съ государыней. — Самъ Волынскій разъѣзжаетъ на саняхъ, чтобы удобнѣй распоряжаться всѣми частями праздника.

Однакожъ вниманіе, господа и госпожи! Не заглядывайтесь такъ на прекрасную, блѣдную княжну Лелемико и пригожую супругу кабинетъ-министра. Знаю, что обѣ заглядѣнье. Одною, говорите вы, любуетесь, какъ звѣздою любви на роскошномъ ложѣ неба, какъ обольстительною дѣвою, которая должна украшать рай магометовъ: всѣ помыслы о ней — соблазнъ, грѣхъ, безсонница, видѣнія, бунтующія кровь вашу. Другою восторжены вы, какъ мурилловымъ идеаломъ, на который, кажется, боишься глядѣть не душевными очами, котораго взглядъ соучастія даетъ крылья, чтобы летѣть на небо христіанское. Знаю, что вы колеблетесь кому изъ нихъ отдать золотое яблоко, но теперь не время играть роль Париса. Итакъ прошу вниманія, господа и госпожи!

Въ головѣ шествія рота гвардейцевъ: треугольныя шляпы солдатъ украшены еловыми и дубовыми вѣтвями, у офицеровъ лаврами — такъ ходили они, возвратившись изъ славнаго турецкаго похода. Проходя мимо императрицы, они привѣтствуютъ ее громкимъ: *«виватъ!»*

Вотъ выступаетъ огромный слонъ — сильное, мудрое животное изъ числа четвероногихъ, которое, однакожъ, ›винуется, какъ вы видите, маленькому двуногому ивотному, можетъ быть, и довольно глупому. Но отъ простачокъ получилъ отъ одного лукаваго вы- эчки изъ своего рода талисманъ—молотокъ, которымъ ъ, сидя на его хребтѣ, долбитъ силача и мудреца

Digitized by Google

въ голову и управляетъ имъ, какъ хочетъ. Тяжело выступаетъ слонъ въ теплыхъ котахъ. Но какихъ это двухъ звѣрковъ везутъ на спинѣ его въ огромной желѣзной клѣткѣ, утвержденной къ ней подпругами! Народъ, несмотря на присутствіе императрицы, встрѣчаетъ ихъ радостными восклицаніями, хохочетъ, плещетъ руками. Поѣзжай они на слонѣ и не въ клѣткѣ, народъ не посмѣлъ бы смѣяться! Эти звѣрки, судя по образу ихъ, человѣки. Одинъ — Кульковскій, другой — супруга его, бывшая Подачкина и барская барыня. Кланяйтесь имъ, господа и госпожи, и поздравляйте ихъ со вступленіемъ въ законное супружество. Они ѣдутъ изъ церкви на свадебный обѣдъ, провожаемые многочисленнымъ поѣздомъ. Напыщенные, какъ лягушка, собиравшаяся въ быки, сидятъ они другъ противъ друга въ богатыхъ креслахъ. Штофъ, бархатъ, золото, вспыхивая отъ луча солнечнаго, сквозятъ черезъ желѣзные прутья клѣтки, муфты придаютъ новобрачнымъ высокую степень кукольнаго барства. Есть чѣмъ и похвалиться: отъ Баязета до нихъ еще никто не ѣзжалъ въ такомъ чудесномъ экипажѣ; а Баязетъ, какъ вы изволите знать, былъ не мелкая спица въ колесницѣ міра — легко сказать, султанъ!

Любезная старина! завидная старина! Увы! теперь не повезутъ человѣка въ желѣзной клѣткѣ!..

Съ какой высоты смотрятъ новобрачные на толпу! Все мало и низко передъ нимъ. Съ какимъ самодовольствомъ озираются они! Не для нихъ ли съѣздъ двора, стеченіе всего Петербурга? Для нихъ собраніе все Россіи — всѣ диковинки, нигдѣ еще невиданныя! Особенно торжественна г-жа Кульковская: ей пожалован богатое приданое, хоть бы невѣстѣ Миниха; она уж

Digitized by Google

столбовая дворянка, можетъ покупать на свое имя крестьянъ и колотить ихъ изъ своихъ рукъ; мечты о столѣ царскомъ, гдѣ сядетъ рядомъ съ женою Волынскаго, бывшею своею барынею, о пирахъ, и болѣе о наказаніяхъ, которыя будетъ разсыпать, кружатъ ей голову. Осмѣлься кто изъ ея крестьянъ пискнуть передъ ней: кликнула — заплечный мастеръ садится на облучекъ ея повозки—летятъ, пріѣхали и по ея мановенію, безъ дальняго суда, расправа готова. Все дѣло нѣсколькихъ цѣлковыхъ и власти боярской. Чудныя времена!.. Г-жа Подачкина опьянѣла отъ восхищенія, и ей не вѣрится, что она на такой высотѣ и почестей и могущества.

Глядите, глядите, что за странный поѣздъ тянется за экипажемъ новобрачныхъ! Честь первыхъ за ними принадлежитъ остякамъ, или, лучше сказать, оленямъ, на которыхъ они ѣдутъ. Красивыя животныя дрожатъ и упираются; отъ страху, по шерсти ихъ перебѣгаютъ тѣни. За ними новгородцы на парѣ козловъ, малороссіяне на волахъ, чухонцы на ослахъ, татаринъ съ своею татаркою—на откормленныхъ свиньяхъ, на которыхъ посадили ихъ, чтобы доказать, какъ можно преодолѣть натуру и обычаи. Тутъ и рыжеволосые финны на крошечныхъ коняхъ, камчадалы на собакахъ, калмыки на верблюдахъ, бѣлорусцы подъ войлокомъ колтуна, зыряне, которыхъ честность могла бы поспорить съ нѣмецкою, ярославцы, взявшіе верхъ на этой ..ловѣческой выставкѣ статью, красотою, щегольствомъ ряда, — и такъ далѣе, всѣ 150 разноплеменныхъ ..ръ, каждая въ своемъ народномъ костюмѣ, на отлич..й парѣ животныхъ, въ различныхъ саняхъ и салаз..къ. Блеянье, лай, мычанье, ревъ, ржанье, звонъ

Digitized by Google

бубенчиковъ и колокольчиковъ, какая чудная музыка при этомъ диковинномъ поѣздѣ! Опять скажу, только въ Россіи можно было составить такой богатый этнографическій праздникъ. На одной площадкѣ собрались весь сѣверъ Азіи и почти весь востокъ Европы: для этого стоило только русской царицѣ махнуть платкомъ изъ окна своего терема.

По волѣ государыни поѣздъ сдѣлалъ два оборота на луговой линіи, и тянется къ манежу Бирона. Тамъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и гостей. Столъ накрытъ на 302 куверта. Музыка, составленная изъ трубъ, гобой и литавръ, встрѣчаетъ поѣздъ. Садятся за столъ чинно, парами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ ѣхали — разумѣется, князь и княгиня свадьбы на переднемъ мѣстѣ. Передъ каждою парою поставлено національное ея кушанье.

Государыня съ своею свитою расположилась на возвышеніи подъ балдахиномъ. Около нея составляется блестящая гора дамъ и кавалеровъ.

За обѣдомъ Тредьяковскій громогласно произноситъ стихи «собственной работы»:

Здравствуйте женившись, руракъ и дура,
Еще... тота и фигура!
Теперь-то прямое время вамъ повеселитца,
Теперь-то всячески поѣзжанымъ должно бѣситца.
Ну Мордва, ну Чуваша, ну Самоѣды!
Начните веселье молодые, дѣды!
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки.
. . . .
Ахъ, вижу какъ вы теперь ради!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи весна, свищи красна!
. . . .

Digitized by Google

И такъ надлежитъ новобрачнымъ привѣтствовать нынѣ.
Дабы они во все свое время жили въ благостынѣ:
Спалось бы имъ да вралось, пилось бы да ѣлось.
Здравствуйте жъ женившись, дуракъ и дурка,
Еще... тота и фигурка!

Государыня рукоплещетъ, именуетъ Василія Кирилловича придворнымъ піитомъ, и по приказанію ея, все ее окружающее осыпаетъ пѣвца рукоплесканіемъ. Онъ встаетъ, изнемогшій подъ бременемъ своего торжества. Два пажа берутъ его подъ руки и сажаютъ на противный конецъ стола, гдѣ для него поставленъ особенный кувертъ подъ бесѣдкою изъ вѣниковъ. Ему одному нѣтъ пары; онъ единственъ. Во время обѣда служатъ ему пажи—честь, равняющая его съ Шапеллемъ, если не съ Тассомъ.

Обѣдъ кончился, начинаются пляски, каждая пара свою національную. Тамъ плыветъ лебедкою русская дѣва, и около нея увивается соколомъ ея товарищъ; за ними ломаются, какъ одержимые духомъ, въ шайтанской пляскѣ; далѣе пристукиваютъ *козачка*, или выкидываютъ *журавля*. Тутъ мчатся степнымъ вихремъ цыгане: «эй, жги, говори! эвое, эванъ!» — и взоры изступленно-краснорѣчивы, и каждая косточка говоритъ, каждая жилка бьется, и грудь дышетъ бурею любви. Но что съ княжною Лелемико?.. Она блѣднѣетъ. Пляшущая цыганка не мать ея, но ее напоминаетъ, и это напоминаніе леденитъ все существо Маріорицы. Она старается укрѣпиться, ищетъ взорами Волынскаго, на-итъ, и оживаетъ. Между тѣмъ цыгане пролетѣли, .осъ ихъ отдается слабѣе и слабѣе, наконецъ со-змъ замираетъ. Новыя пары, новыя пляски и голоса! страхъ и грусть Маріорицы промчались, какъ мимо-нныя видѣнія.

Digitized by Google

Великолѣпный балетъ! Испытайте задать намъ подобный, гг. директоры театровъ!..

Пиръ конченъ, и новобрачные съ своимъ пестрымъ многочисленнымъ поѣздомъ отправились въ прежнемъ порядкѣ въ ледяной домъ. Здѣсь, при звукѣ трубъ, литавръ и гобой, подъ хоръ козловъ, быковъ, собакъ и ословъ, высадили ихъ изъ желѣзной клѣтки и отвели съ подобающею честію въ спальню, гдѣ и заперли. Поѣздъ распущенъ. Часовые приставлены къ дому, чтобы влюбленная чета не могла изъ него освободиться. Каковъ алтарь Гименею!.. На что ни садятся, къ чему не прикасаются, все ледъ — стѣны, брачное ложе, утварь, отвсюду пашетъ на нихъ холодъ, ближе, тѣснѣе, наконецъ душитъ, костенитъ ихъ. Нѣсколько минутъ утѣшаетъ ихъ огонь въ ледяномъ каминѣ, на ледяныхъ свѣчахъ; но этотъ фосфорный огонь не грѣетъ — вотъ и онъ слабѣе перебѣгаетъ по ледянымъ дровамъ, цѣпляется за нихъ, бьется умирая, исчезаетъ... Холодно, мрачно, какъ подъ землею! Сердце замерло. Сначала *молодые* силятся побороть холодъ: то бѣгаютъ взадъ и впередъ по комнатѣ, пляшутъ, кривляются, то кувыркаются, то колотятъ другъ друга. Смѣхъ, да и только!.. Нѣтъ болѣе силъ выдерживать. Стучатся въ дверь, стонутъ, умоляютъ часовыхъ выпустить ихъ, припадаютъ заочно къ ихъ ногамъ, клянутся по-гробъ не забыть ихъ благодѣяній, обѣщаются озолотить ихъ. Ничто не помогаетъ. Отчаяніе беретъ верхъ. Отъ мольбы переходятъ къ проклятіямъ; все проклинают что только носитъ имя человѣческое; ломаютъ и у чтожаютъ все, что могутъ разломать и уничтожи силятся разрыть стѣну... наконецъ, предавшись отча нію, садятся на постель... Глаза слипаются, дрем

Digitized by Google

одолѣваетъ ихъ болѣе и болѣе; смерть ужъ протягиваетъ на нихъ руки, усыпляетъ ихъ, убаюкиваетъ сказками, сладкими видѣніями; еще одна минута... и они заснули бы на вѣки. Но утро отрясаетъ уже свои бѣлокурыя кудри изъ-за снѣжнаго подзора; начинаетъ свѣтать... Къ новобрачнымъ входитъ караульный офицеръ и, найдя ихъ въ предсмертномъ усыпленіи, старается ихъ оживить. Ихъ оттираютъ снѣгомъ и относятъ на квартиру, гдѣ помощь лекаря скоро возвращаетъ имъ жизнь.

Въ этотъ день Биронъ былъ чрезвычайно скученъ, государыня очень весела, какъ бы утѣшаясь побѣдою надъ своимъ любимцемъ и самой собою. Унизительное вниманіе герцога простиралось почти на каждаго изъ придворныхъ, кромѣ отъявленныхъ враговъ его. Упавшій временщикъ всегда низокъ.

На слѣдующій день государынею назначено кабинетское совѣщаніе по случаю вознагражденія поляковъ. Твердость ея дѣлала успѣхи.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОПАЛА

Грозой утомлено,
Спитъ море — тигра сонъ! не вѣрь ему: оно
Предъ новой бурею такъ страшно помертвѣло.
В. Тепляковъ.

Въ полдень, когда кончились совѣщанія, Эйхлеръ стоялъ у дверей государынина кабинета. Подъ мышкою держалъ онъ какія-то бумаги. Его, племянника Липмана, его, преданнаго Бирону, осыпаннаго благодѣяніями герцога курляндскаго, избрали для доклада о полякахъ, рѣшеннаго въ государственномъ кабинетѣ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. При этомъ докладѣ лукавый умъ Эйхлера докончитъ то, что начали коварство и сила временщика. Тяжкая забота налегла на чело его; повременамъ трепетъ губъ и рукъ обнаруживаетъ въ немъ сильное душевное волненіе. То садится онъ на стулъ, разбираетъ бумаги, углубляется чтеніе ихъ, съ негодованіемъ комкаетъ ихъ въ рукъ, опять складываетъ; то встаетъ, утираетъ холодй потъ съ лица, подходитъ къ окну, смотритъ на бо, будто съ укоризной, то дѣлаетъ разныя стран движенія, какъ бы говоря съ самимъ собой. Это

Digitized by Google

ужъ не тотъ двусмысленный, сонный Эйхлеръ, котораго мы видѣли съ его дядей въ домашней канцеляріи герцога, когда они допрашивали Маріулу; это не тотъ ротозѣй, который считалъ на небѣ звѣзды, столкнувшись съ кабинетъ-министромъ на лѣстницѣ лѣтняго дворца; не тотъ умышленный разгильдяй, приходившій благодарить своего патрона за высокія къ нему милости: это правда, Эйхлеръ, племянникъ Липмана, кабинетъ-секретарь, но Эйхлеръ обновившійся. Наружность его благородна, отчетлива; на лицѣ его, во взорахъ, рѣзко написаны намѣреніе, цѣль, подвигъ. Въ душѣ его ворочается какой-то демонъ; видно, что ему надобно разрѣшиться отъ него.

— Къ ея величеству! — закричалъ дежурный пажъ, отворяя дверь кабинета, и указалъ туда рукою, давая знать, что государыня уже тамъ.

Нево..ный трепетъ пробѣжалъ по всему составу Эйхлера; онъ имѣлъ только время поднять глаза къ небу, какъ бы умоляя его о чемъ-то.

Онъ въ кабинетѣ государыни.

Анна Іоанновна сидѣла за письменнымъ столомъ; къ ногамъ ея, покоющимся на шелковой подушкѣ, прислонилась отвратительная карлица, которая повременамъ слегка терла ихъ. Этотъ уродецъ слылъ глухою... Кивнувъ привѣтливо кабинетъ-секретарю, ея величество, въ знакъ благоволенія, подала ему свою руку поцѣловать.

— Что сдѣлано? — спросила она потомъ съ живы участіемъ.

— Несправедливость восторжествовала, государы Всѣ члены подписали вознагражденіе, кромѣ кабине министра Волынскаго. Онъ одинъ не измѣнилъ

Digitized by Google

себѣ, ни правдѣ: одушевленный любовію къ отечеству и преданностью къ вашему величеству, онъ одинъ защищалъ ее горячо, благородно, какъ истинному вельможѣ слѣдуетъ. Каждое слово его, подобно огненному мечу ангела, карателя зла, падало на сердца его противниковъ; сильные доводы его заставили ихъ умолкнуть. Но герцогъ уже напередъ подписалъ свое мнѣніе, и всѣ молча, страшась ужасныхъ гоненій, подписали за нимъ свой стыдъ и униженіе Россіи. Простите мнѣ, ваше величество, если я, увлеченный любовью къ правдѣ, къ пользамъ вашимъ и Россія, слишкомъ смѣло изъяснился.

Эйхлеръ говорилъ съ горячимъ чувствомъ; слова его излетали, какъ молніи; когда онъ кончилъ, по его лицу катились слезы.

Кто бы могъ подумать! Эйхлеръ! племянникъ Липмана, его сотрудникъ, клевретъ и наслѣдникъ, пѣстунъ злодѣйскихъ замысловъ Бирона!

— Ты?.. плачешь? — сказала изумленная государыня: — ты, любимецъ герцога?

— Ахъ! ваше величество, еслибы вы знали, чего стоила мнѣ эта любовь!.. Теперь, когда она не нужна мнѣ болѣе, въ эту рѣшительную минуту, когда я могу все потерять отъ вашего гнѣва и все пріобрѣсть отъ вашихъ милостей, я признаюсь, что моя преданность къ герцогу была только личина. Скидаю эту личину, достигнувъ своей цѣли: открыть вашему величеству о истину. Ненавижу Бирона, который угнетаетъ е второе отечество, покрылъ кровавымъ струпомъ родъ русскій и безславитъ ваше царствованіе; ненавижу его милости, презираю ихъ. Съ тѣхъ поръ, съ я узналъ все благородство души Волынскаго, я

предался ему безгранично, какъ другъ, какъ сынъ его. Ему это неизвѣстно; онъ даже считаетъ меня въ числѣ своихъ враговъ. Вотъ моя исповѣдь, государыня! Предаю вамъ всего себя.

— Чудныя вещи слышу я!.. Чему и кому вѣрить?.. — произнесла Анна Іоанновна, качая головой; потомъ взяла бумаги изъ рукъ Эйхлера, читала ихъ про себя, перечитывала и долѣе всего останавливалась на мнѣніи Волынскаго, которое состояло въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *«одинъ вассалъ Польши можетъ изъявить свое согласіе на вознагражденіе; но русскій, храня пользы и честь своего отечества, какъ долгъ велитъ истинному сыну его, не дастъ на сіе своего голоса»*.

Пока государыня читала бумагу и озабоченный Эйхлеръ слѣдилъ ея взоры, карлица ускользнула изъ-подъ стола и скрылась.

— Вассалъ? Это однакожъ грубо!.. — сказала государыня: — развѣ онъ не могъ употребить другихъ выраженій?..

— Не вините его, ваше величество, за то, что онъ, для пользы Россіи и чести вашей, увлекся благородною пылкостью своего характера и не взвѣсилъ, какъ должно, словъ своихъ. Эти же слова произнесъ онъ нѣкогда самому герцогу, и нынѣ хотѣлъ быть вѣренъ себѣ и на бумагѣ, которая пойдетъ къ потомству. Герцогъ тогда же сильно чувствовалъ свое оскорбленіе: зачѣмъ же не жаловался вашему величеству? Оттого, что самъ связанъ былъ по рукамъ и нога ужасною смертью Горд...

Анна Іоанновна замахала рукой.

— Не говори мнѣ про это... Мнѣ всегда ду[illegible] дѣлается, лишь только я объ этомъ вспомню.

Digitized by Google

— Запутанный, онъ искалъ средствъ погубить кабинетъ-министра въ глазахъ вашего величества. Случай скоро представился — любовь къ княжнѣ Лелемико. — «Государыня не надышетъ на нее», — вотъ точныя слова герцога моему дядѣ, — «государыня лелѣетъ ее, какъ свое дитя, свое утѣшеніе, свою любимую игрушку. Надо воспользоваться этою страстью, помогать ей, скрыть отъ княжны, что Волынскій женатъ, облегчить имъ переписку, а тамъ, когда онъ погубитъ ее и будетъ пойманъ, довесть все до свѣдѣнія государыни. Она разгнѣвается... и тогда голова его въ нашихъ рукахъ». — Такъ и дѣлалъ герцогъ, вѣрный своему плану. Не онъ ли перехватывалъ письма къ Волынскому жены его и письма любовниковъ? Первыя сжигалъ, другія доставлялъ по принадлежности. Не онъ ли ввелъ цыганку во дворецъ и къ вашему величеству, какъ знаменитую гадальщицу, чтобы она могла удобнѣе передавать тайныя посланія? И если любовь княжны и кабинетъ-министра привела ихъ на край пропасти, виноватъ одинъ герцогъ.

Съ живымъ участіемъ слушала государыня все, что говорилъ Эйхлеръ, она была тронута его убѣжденіями, но спросила: «готовъ ли онъ подтвердить это именемъ Бога?»

— Да поразитъ меня Всемогущій Богъ, если хоть одно слово неправды донесъ я вашему величеству!

Государыня погрузилась въ глубокія размышленія; томъ, прервавъ ихъ, сказала, будто говоря сама съ бою, однакожъ вслухъ:

— Я всѣ эти планы разстрою!.. Я женю на яжнѣ... Почему же не такъ?.. Онъ жены не лю-

Digitized by Google

бить; кажется, и она за нимъ не погонится... дѣтей нѣтъ... грѣха не будетъ!..

Выговоривъ это, она опять задумалась; то судорожно брала перо въ руки, то бросала его. Видно было, что въ душѣ ея происходила сильная борьба и она не смѣла рѣшиться на подвигъ, для нея небывалый.

— Чтожъ могу я сдѣлать, — присовокупила она наконецъ, — когда всѣ члены кабинета подписали?

— Согласиться съ мнѣніемъ кабинетъ-министра, — отвѣчалъ съ твердостью Эйхлеръ, — и тѣмъ возстановить униженную истину. Одно самодержавное слово ваше, только одно слово, подпись вашей руки — и потомство прибавитъ золотую страницу въ исторіи вашей. Какъ слава легка для царей!

Была рѣшительная минута.

Краснорѣчіе сердца превозмогло. Дрожащею рукой взяла Анна Іоанновна перо и написала на кабинетской бумагѣ: «*Быть по мнѣнію кабинетъ-министра Волынскаго*».

Эта подпись скрѣпила побѣду Волынскаго и опалу герцога.

Эйхлеръ бросился къ ногамъ государыни и съ восторгомъ поцѣловалъ руку, ему протянутую. Но лишь только собрался онъ выйти изъ кабинета, обремененный своими трофеями, какъ вошелъ Биронъ, по обыкновенію, безъ доклада. Онъ будто съ неба упалъ. Губы его помертвѣли; голова, руки, колѣна дрожа Каково-жъ? онъ все слышалъ!.. Пораженные его в: запнымъ явленіемъ, государыня и кабинетъ-секрета казалось, окаменѣли, такъ было еще ужасно это яв Никогда и самъ Биронъ не бывалъ въ такомъ ст

Digitized by Google

номъ положеніи; онъ хотѣлъ говорить, и языкъ его не двигался. Наконецъ Анна Іоанновна сказала дрожащимъ голосомъ:

— Что вамъ угодно?.. Я васъ не звала... Чтобъ ваша нога... не была у меня... — И, не дожидаясь отвѣта, вышла.

Биронъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ. Опомнившись, Эйхлеръ схватилъ кабинетскую бумагу за подписью государыни и собирался идти, но былъ остановленъ...

Онъ чувствовалъ, что по немъ невѣрно шарила ледяная рука, что по всему его существу блуждали глаза демона, какъ будто допытывали, онъ ли это, Эйхлеръ, племянникъ Липмана! И ни слова — языкъ не говорилъ. Презрительно посмотрѣлъ на Бирона кабинетъ-секретарь и оставилъ его.

Вскорѣ потребовали Волынскаго во дворецъ. Тутъ имѣлъ онъ ужъ случай развернуть предъ государыней со всѣмъ усердіемъ вѣрноподданнаго и горячностью истиннаго патріота картину ужасныхъ золъ, которыми Биронъ отягчилъ Россію.

Къ вечеру весь городъ узналъ объ опалѣ фаворита. Сотни экипажей разнаго калибра осадили подъѣздъ къ дому Волынскаго: никто, кромѣ его друзей, не былъ принятъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧЕРНАЯ КОШКА

Душа твоя чиста, унынье чуждо ей;
Свѣтла какъ ясный день, младенческая совѣсть;
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?

Пушкинъ

Медленно, заботливо сходила г-жа Волынская съ дворцовой лѣстницы. Ступени двоились у ней въ глазахъ, и она съ усиліемъ старалась поймать ихъ своею ногою. Досада, сильнѣе декартовыхъ вихрей, кружила ей голову, разрывала сердце, наводила оттѣнки злости на это лицо, прежде столь добродушное и пріятное. И какъ не досадовать, какъ не бѣситься ей! Она во второй разъ пріѣзжаетъ во дворецъ, во второй разъ ей отказываютъ. Какая причина такой неблагосклонности государыни?.. И тогда, когда мужу ея изъявляютъ особенныя милости, когда онъ взялъ верхъ даже ѣъ фаворитомъ? Тысячи предположеній, и между ми одно, темное, но самое вѣрное, то, что на униніи ея строятъ торжество ея соперницы. Боже! кое оскорбленіе!.. Чѣмъ она заслужила его?.. Лю·ью къ мужу, исполненіемъ своихъ обязанностей!

Digitized by Google

Опутанная этими думами, она нѣсколько разъ оступалась: дворцовая лѣстница казалась ей мрачнымъ, перегнившимъ сходомъ въ могилу. Гады ползутъ, шипятъ, обступаютъ ее, обвиваютъ своими холодными кольцами, готовы ее задушить. Но одно воззваніе къ Богу, и нечистое сонмище исчезаетъ.

Внизу лѣстницы кто-то назвалъ ее по имени. Едва не вскрикнула она отъ испуга, увидавъ предъ собою длинный, предлинный и неподвижный станъ, какъ будто проглотившій аршинъ, на огромныхъ фижмахъ, при собольей муфтѣ, сборищѣ румянъ, бѣлилъ, морщинъ, мушекъ и цвѣтовъ, подъ высокостепенной, напудренной прической, все это на высокихъ, красныхъ каблукахъ.

— Вы не узнаете меня, матушка, Наталья Андреевна? — сказала эта размалеванная вывѣска придворной дамы, важно присѣдая.

Вглядѣлась пристально г-жа Волынская: а! это бывшая ея барская барыня — черная кошка, которая должна была пробѣжать ей чрезъ дорогу.

— Не узнала-таки, не узнала, Акулина Савишна! Какъ можешь? — спросила Волынская, обнявъ ее отъ доброты души, ей свойственной.

И г-жа Кульковская, супруга столбового дворянина, старшаго пажа и старшаго придворнаго шута, щепетильно дозволила себя поцѣловать въ щеку, охраняя, сколько возможно, дѣвственность своихъ румянъ, мушекъ и фижмъ.

— Правду сказать, матушка, немного похвора после свадьбы... спазмы, удушье... не мудрено! хл поты во дворцѣ... около сучки ея величества... да сподинъ Карлъ Карловичъ, дай Богъ ему здоров

Digitized by Google

помогъ. Вѣдь, вы знаете Карла Карловича, придворнаго дохтура?

Произнося это, Кульковская натягивала изо всей мочи на тонъ знатной барыни.

— Какъ же, знаю! Не задерживаю ли я тебя?

— Помилуйте, Наталья Андреевна, я помню вашу отеческую (она хотѣла сказать: аттенцію) ко мнѣ, и готова для васъ и сучку царскую оставить. Признаться вамъ со всею открытостью моей души, я поджидала васъ таки нарочно (тутъ она вздохнула). Много, очень много было бы мнѣ вамъ въ потаенность шепнуть... не для прочаго иного, какъ для пожеланія вамъ добра... Примѣромъ будучи сказать, можетъ статься, вы и огорчаетесь, что васъ Анна Ивановна не приняла... Господи, Боже мой! да этакой кровной обиды не снести бы и мнѣ... слечь бы таки, слечь въ постелю... А все это, матушка, не взыщите, вашъ дражайшій супругъ напроказилъ... У насъ во дворцѣ чудеса про него разсказываютъ, слушать, такъ ушки вянутъ... и будто онъ разводится съ вами... и будто... Да на семъ мѣстѣ насъ могутъ подслушать; а коли угодно было бы вамъ, сударыня, по старой памяти удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, такъ я поразсказала бы вамъ все... Милости просимъ! я живу недалечко, здѣсь во дворцѣ, рукой подать.

Черная кошка не только что пробѣжала черезъ дорогу Волынской, она вцѣпилась въ грудь ея, скре-?тъ ей сердце, душитъ ее. Какъ не идти ей за демономъ-искусителемъ? Онъ манитъ ее плодомъ, который дороже для нея, чѣмъ первой женщинѣ плодъ знанія добра и зла: въ немъ заключается познаніе ?рдца ея мужа. И когда она вкуситъ отъ него,

Digitized by Google

ея рай, такъ же какъ рай Еввинъ, долженъ исчезнуть.

Она идетъ — слѣды ея горятъ. Слугѣ при ней велѣно дожидаться въ саняхъ.

Чрезъ лабиринтъ коридоровъ вошли они въ чистую комнату со сводами. Постель, напыщенная и вздутая, какъ толстая купчиха, съ двумя пирамидами подушекъ, китайскій фарфоръ въ шкапѣ за стекломъ, картина великаго мастера въ золотой рамѣ, украденная изъ дворца, и рядомъ съ нею лубочные эстампы съ изображеніемъ, какъ мыши кота погребаютъ, и русскаго ада, въ которомъ жарятъ, пекутъ, вѣшаютъ за языкъ, за ребро, за ногу, во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, — вотъ что составляло главное украшеніе знаменитаго жилища гг. Кульковскихъ. На лежанкѣ дремалъ ея сынокъ Мать разбудила его, и когда онъ совершилъ три ужасныхъ зѣвоты, которыми, казалось, хотѣлъ проглотить пришедшихъ, сказала ему съ нѣжностью:

— Душенька, выдь куда-нибудь прогуляться или развеселиться; да не забудь своей офиціи...

— На веселье нужны деньги, — отвѣчалъ онъ сурово: — дай цѣлковенькій прогулять, такъ пойду, а не то, хоть тресни, не выйду.

Нѣжнаго сынка удовлетворили, и онъ, опоясавшись мечомъ-кладенцемъ, привѣтствовалъ его глупо-умильной усмѣшкой.

— Такой вѣтренникъ, все шпагу забываетъ!.. скажи въ австеріи, чтобы не слишкомъ шумѣли, а какъ разъ пришлю унять. — Вотъ, матушка, Натал Андревна — продолжала Кульковская, когда наслѣдчекъ ея высокихъ душевныхъ достоинствъ вышелъ

поклонясь, — нажила себѣ заботъ. Да здѣсь не покойнѣе ли вамъ будетъ? а то противъ двери...

— Хорошо, хорошо, — повторяла Волынская, истерзанная душевными муками.

Если бъ посадили ее въ это время на уголья, на ледъ, если бы земля колебалась подъ нею и громы надъ ней гремѣли, она ничего бъ не слыхала, ничего не видала бы.

— Воля ваша... матушка... неловко... пересядьте сюда.

Ужасная женщина!.. каковы послуги передъ тѣмъ, какъ собиралась убить? Такъ палачъ, готовясь снять голову съ своей жертвы, заботился бы на эшафотѣ о томъ, чтобъ оградить ее отъ луча солнечнаго или сквозного вѣтра.

— Ахти, бѣдная головушка, — сказала наконецъ Кульковская, приведя въ движеніе топоръ своего языка, — до какого позору дожила ты!.. На гибель свою прокатилась въ Москву. Самъ лукавый шепнулъ тебѣ ѣхать въ этотъ путь-дорожку. Кабы тебѣ, сизая голубушка, половину разсказать, что было здѣсь безъ тебя, такъ сердце бы замерло, охъ, охъ!.. — и Кульковская заплакала; потомъ, осушивъ свои слезы, продолжала: — Добро бъ волокитство на рѣчахъ, а то пошли записочки—пересылались сначала черезъ школьника Тредьяковскаго, потомъ носилъ ихъ бездѣльникъ Николка, черномазый дьяволъ; напослѣдокъ... языкъ двигается... застали вашего благовѣрнаго супруга спальнѣ молдаванки...

— Неправда, Савишна, неправда! — сказала полуртвая Волынская: — видно, зло беретъ иныхъ на темія Петровича, что выдумали такія сказки!..

Digitized by Google

— Сказки?.. хороши сказочки, только не на сонъ грядущій, а на упокой души!.. Не вѣрите мнѣ, матушка? такъ, пожалуй, выставлю свидѣтелей, старика Липмана, самого герцога, человѣкъ десятокъ пажей, дворцовыхъ лакеевъ, горничную-дѣвку... Да коли распоясываться, языкъ и душка устанутъ. Видно, приходитъ конецъ міра! Господи, надолго ли станетъ твоего долготерпѣнія?.. Неправда? А почто жъ васъ государыня Анна Ивановна не принимаетъ? Спросили бъ давно насъ, дворцовыхъ!.. Потому что вашъ дражайшій бросился вчера ей въ ноги, плакалъ, билъ себя въ грудь, и упросилъ ея величество дозволить ему развестись съ вами и жениться на молдаванкѣ... Что, матушка, вы не вѣрите? Такъ вотъ повѣрьте этому свидѣтелю, повѣрьте своимъ оченькамъ...—Она отошла къ лежанкѣ, и изъ шкатулки, на ней стоявшей, вынула сложенную бумажку.—Чай, вы рукописаніе своего муженька знаете?.. прочтите, полюбуйтесь, а послѣ скажите, наврала ли я вамъ, глупая баба, нанесла ли на святого человѣка околесицу... Да этихъ записочекъ ходитъ довольно по всему дворцу... Коли охота станетъ читать, наберу ихъ вамъ десятка два, хоть въ книжечку извольте переплесть...

Не дождалась Волынская, чтобы подали ей записку—сама вырвала изъ рукъ.

Это посланіе было одно изъ тѣхъ, отъ которыхъ неопытную дѣвушку бросаетъ въ одно время и въ пламя, и въ дрожь, отъ земли на небо, въ атмосферу, напитанную амброю, розой и ядомъ, гдѣ сладко, будто подъ крыломъ ангела, и душно, какъ въ объятіяхъ демона, гдѣ пульсь бьется удвоенною жизнью и сердце замираетъ восторгами, для которыхъ нѣтъ языка.

Digitized by Google

Надо было видѣть, что дѣлалось съ несчастною Волынскою. Давно ли онъ былъ такъ нѣженъ, такъ страстенъ? давно ли призывалъ Бога въ свидѣтели своей любви? Какъ она была счастлива!.. И чтожъ? въ одинъ мигъ исчезло очарованіе этого счастья: знойное дыханіе сатаны испепелило всѣ ея надежды, всѣ радости въ мірѣ! Глаза ея помутились, будто у безумной; запекшіяся губы дрожали; изъ полурастворенна́го рта, казалось, готовъ былъ вылетѣть крикъ смерти. Видно было, какъ младенецъ ея трепеталъ... Что ей до младенца?.. *Былъ* одинъ — по немъ и другого дорого цѣнила; нѣтъ *того*, и ей ни по чемъ дитя ея.

Сама Кульковская испугалась ужаснаго состоянія, въ которое ее повергла. Зная силу ея вѣры, напомнила ей о Богѣ, о страданіяхъ Іисуса Христа, оставившаго намъ собою образецъ терпѣнія, показала ей на икону Скорбящей Божіей Матери... И Наталья Андреевна, придя въ себя, судорожно зарыдала и распростерлась предъ ликомъ небесной Утѣшительницы. Долго лежала она на полу, молясь и прерывая свои молитвы рыданіями; наконецъ встала, съ горячею вѣрою приложилась къ образу... Божья Мать съ такою небесною улыбкою то смотрѣла на своего Младенца, то, казалось ей, на нее, какъ бы показывая, что она должна жить для того, кто у ней лежитъ подъ сердцемъ, — этого существа невиннаго въ преступленіяхъ отца... Она не всего лишилась: съ нею ея Богъ и Господь; не покидаетъ и Матерь Божія; она сама мать. Для аденца своего останется она жить, клянется жить — одной еще клятвы въ жизнь свою не нарушала — неземное утѣшеніе прокралось невидимымъ лучомъ ея душу.

Digitized by Google

Но съ какими глазами встрѣтитъ она Артемія Петровича? Что будетъ она въ домѣ, откуда ее скоро изгонятъ холодность мужа и воля государыни? Какъ станетъ смотрѣть она на оскверненное ложе, гдѣ замѣнитъ ее счастливая соперница? Неужели дождется, чтобъ ее выгнали?.. Нѣтъ, она не дойдетъ до такого униженія; она предупредитъ его. Нога ея не будетъ ужъ на порогѣ мужнина дома. У нея есть братъ — тотъ приметъ ее къ себѣ. Пускай придутъ тамъ оспаривать ея законныя права! Самъ Богъ сказалъ, что когда Онъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучитъ — пускай придутъ поспорить съ Богомъ!..

Написано письмо къ Артемію Петровичу: въ немъ объясняли, что, обманутая, осмѣянная, не можетъ она ужъ явиться къ нему въ домъ. Отказъ отъ дворца, вѣрные слухи, что государыня желаетъ ихъ развода для того, чтобы женить его на своей любимицѣ, собственное письмо его къ княжнѣ — чего болѣе? какихъ еще свидѣтельствъ?

Письмо отослано тотъ же часъ.

Въ домѣ брата своего, Перокина, просила она убѣжища и защиты. Ни убѣжденія разнаго рода, ни обѣщанія помирить ихъ съ мужемъ, не имѣли никакого дѣйствія: несчастная осталась непреклонною.

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Тебѣ сказать не долженъ болѣ:
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.

Пушкинъ.

Гнѣвъ Липмана дошелъ до бѣшенства, когда онъ узналъ объ измѣнѣ своего племянника. Онъ проклиналъ неблагодарнаго, рвалъ на себѣ волосы, терзалъ себѣ грудь ногтями, изрыгалъ богохуленія; но — прошелъ пароксизмъ бѣшенства, и онъ опять мудрецъ на злое. Сдѣланы новые, хитрые разсчеты. Волынскій не приметъ его подъ крыло свое; онъ пропалъ, если пропадетъ Биронъ: слѣдственно, надобно остаться вѣрнымъ герцогу не для него, а для себя; надобно спасти герцога, чтобъ спасти себя. Эту вѣрность запечатлѣлъ онъ клятвою выпутать его изъ худыхъ обстоятельствъ. Гнѣвъ государыни не былъ твердъ, одна Маріорица ...ла помѣшать примиренію и доставить новую пищу ... немилостямъ... на этой оси вертѣлось колесо фор...ны обоихъ соперниковъ. Чтожъ? сокрушить ее!.. ...кія ли помѣхи уничтожаютъ злодѣи? Между тѣмъ герцогъ долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ

Остермана и людей, преданныхъ ему изъ собственныхъ своихъ видовъ.

Съ другой стороны, Артемій Петровичъ принималъ поздравленія неохотно. Онъ доволенъ былъ, что сдѣлалъ свое дѣло, но отчаявался распутать домашнія обстоятельства. Поставленный между любовью Маріорицы и любовью жены, онъ долженъ былъ погубить одну изъ нихъ. Что еще скажетъ онъ, когда узнаетъ рѣшеніе послѣдней?

Въ глубокихъ раздумьяхъ засталъ Зуда того, кого весь городъ почиталъ первымъ счастливцемъ и будущимъ виновникомъ счастія народнаго. Зуда вошелъ не одинъ. Лицо, бывшее съ нимъ, поразило кабинетъ-министра своимъ появленіемъ. Не видѣніе ли?.. Эйхлеръ?.. Можетъ ли статься!

— Что вамъ нужно отъ меня? — спросилъ его Волынскій сурово.

— Имѣть честь вамъ рекомендовать себя, — отвѣчалъ улыбаясь Эйхлеръ.

— Напрасный трудъ!.. я васъ давно очень хорошо знаю...

— Теперь только, — подхватилъ Зуда, — извольте узнать его, какъ вашего тайнаго друга, какъ того человѣка, который былъ вамъ столько полезенъ своими безыменными посланіями, подъ маскою астролога, подъ личиною нищаго, черезъ конюховъ; доставилъ вамъ подлинный доносъ Горденки, вползалъ невидимкою въ карету герцогскую, добрался до кабинета сударыни, заставлялъ говорить камни: однимъ словомъ это самый тотъ, которому обязаны вы побѣдой надъ герцогомъ и настоящимъ своимъ счастливымъ положеніемъ, если еще можно назвать его счастливымъ.

Digitized by Google

Нѣсколько мгновеній стоялъ Волынскій, какъ бы обезумленный; наконецъ бросился обнимать Эйхлера.

— Какъ это сдѣлалось, Боже мой! — говорилъ онъ. — Могъ ли я подумать?.. Другъ мой, благороднѣйшій другъ! зачѣмъ вы ранѣе не открылись мнѣ? зачѣмъ вы такъ долго играли роль моего врага, и я не могъ васъ достойно оцѣнить? Сколько униженій разнаго рода, сколько оскорбленій отъ меня претерпѣли!

— Простите мнѣ, если скажу, что характеръ вашъ, возвышенный, но слишкомъ пылкій, слишкомъ безрасчетный, налагалъ на меня эту скрытность. Я боялся, чтобы вы, узнавъ своего тайнаго корреспондента и помощника, не измѣнили себѣ при случаѣ и не потеряли во мнѣ того, чѣмъ я хотѣлъ быть для васъ до конца своего назначенія. Могу теперь открыть, что Зуда, съ которымъ я связанъ былъ узами дружбы еще на школьной скамейкѣ, въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, былъ со мною въ заговорѣ.

— Каковъ? Ай-да пріятель!.. Дай же, лицемѣръ, и тебя прижать къ моему сердцу. — Волынскій крѣпко обнялъ и маленькаго секретаря. Слезы были у всѣхъ на глазахъ. — Подвигъ вашъ, друзья мои, могу чувствовать, но оцѣнить его должна Россія. Да, народъ русскій будетъ вамъ нѣкогда признателенъ. Стыжусь, а долженъ сказать, я недостоинъ такихъ товарищей, такихъ безкорыстныхъ поборниковъ правды и любви отечеству. Чѣмъ заплатилъ я вамъ?.. Вмѣсто того, ...бы нести мои жертвы хоть рядомъ съ вами, если не могъ васъ обогнать — я сбивалъ васъ съ пути, ...ѣлалъ ваши жертвы безполезными, сквернилъ ихъ ...ю глупою страстью!.. Господи! если проступки

Digitized by Google

мои, мое безуміе, должны получить изъ рукъ Твоихъ достойное возмездіе на этой землѣ, то да идетъ чаша золъ, по-крайней-мѣрѣ, мимо этихъ двухъ прекраснѣйшихъ твоихъ созданій!

— Если и намъ суждено погибнуть, — сказалъ Эйхлеръ, — утѣшимся, что пали за дѣло человѣчества. Умирая, ничѣмъ упрекнуть себя не можемъ; мы дѣйствовали не какъ возмутители народнаго спокойствія, не изъ корыстныхъ видовъ, но какъ вѣрные сыны отечества, преданные государынѣ и долгу нашему. Не нарушали мы закона, но шли противъ беззаконника въ лицѣ временщика; всѣ наши дѣйствія вели къ престолу и несли ему въ дань. Его дѣло принять ее или отвергнуть. Чистъ нашъ подвигъ, и стыдъ будетъ тому, кто исказитъ его!.. Не унижаясь передъ счастливымъ злодѣяніемъ, жили; но унижаясь — умремъ.

— Да, скажутъ наши правнуки, имъ было больно угнетеніе Россіи, и они рѣшались выкупить ее и честь государыни цѣною своей крови и жизни! Пускай тотъ, кто не желаетъ счастія своему отечеству, выйдетъ изъ рядовъ потомства, чтобы объявить намъ приговоръ. Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ! Съ Бирономъ кончится пора скомороховъ, шутовъ и подлыхъ угодниковъ, кончится униженіе Россіи, и благородный потомокъ нашъ, кто бы онъ ни былъ, придетъ нѣкогда сказать свое спасибо на могилѣ нашей. Помянувъ честно борцовъ и мучениковъ временщика, онъ самъ возвысится духомъ.

Такъ въ день своей побѣды и торжества гово[р] кабинетъ-министръ и его совѣтники, будто готови[ли] на казнь... Замѣтно было, что Эйхлеръ имѣлъ н[ѣчто] тяжелое передать Волынскому, и что Волынск[ій]

Digitized by Google

какому-то предчувствію, постигалъ его тайну. Такъ въ знойный день, хотя еще нѣтъ ни одного облачка на небѣ, уже душно передъ бурею. Долго собирался кабинетъ-секретарь открыться, наконецъ сказалъ.

— Горестно мнѣ присовокупить теперь, что подвигъ нашъ еще не конченъ, что надъ головою вашей собирается грозная туча. Настоящее посѣщеніе мое, кромѣ желанія скинуть предъ вами гнусную личину и открыть себя, каковъ я есть, имѣетъ еще цѣлію исполненіе трудной миссіи... О! чего бъ не далъ я, чтобы жребій этого порученія палъ не на меня! Оно выше силъ моихъ.

— Говорите, — отвѣчалъ съ твердостью Волынскій, — по словамъ моимъ, вы видите, что я ко всему приготовился.

— Я несу вамъ предложеніе отъ самой государыни. Долженъ предупредить, что ваше согласіе утвердитъ васъ въ милостяхъ ея величества и послужитъ еще болѣе къ уничтоженію вашего врага и слѣдственно къ благополучію Россіи. Не могу также скрыть, что отказъ вашъ поведетъ васъ къ непріятнымъ слѣдствіямъ и что вы можете черезъ него потерять едва ли не всѣ свои пріобрѣтенія. Итакъ счастіе ваше и благоденствіе Россіи въ вашихъ рукахъ.

— О! по этому вступленію вижу, что не могу исполнить желаніе государыни. Но я не боюсь его услышать и сдѣлать отказъ: душа моя испытана; ...кій молотъ судьбы билъ ее со всѣхъ сторонъ... ...виню никого въ своихъ несчастіяхъ, кромѣ себя ...ого... Одинъ лишній, рѣшительный ударъ не... ...о сдѣлаетъ надъ этой душой. Жду вашего объ...нія.

Digitized by Google

— Не знаю, откуда вѣтеръ подулъ, но дѣло государственное взяло курсъ семейный, домашній. Ея величеству угодно было, совсѣмъ для меня неожиданно, позвать меня сейчасъ къ себѣ. Воля ея передать вамъ, что она, желая согласить честь своей любимицы, княжны Лелемико, съ ея благополучіемъ, и зная, что вы... Извините... враги васъ оклеветали... свидѣтельства слишкомъ явныя...

— Говорите, говорите прямѣй! Боюсь вашего суда, а не осужденія злодѣевъ и низкихъ людей.

— Итакъ государыня, зная, что вы будто вовлекли княжну въ порочную связь, что вы любите ее неограниченно (доказываютъ это письма ваши въ рукахъ у государыни); получивъ также вѣрныя свидѣтельства, что вы не любите супруги вашей, отъ которой не имѣете и дѣтей, и что вы хлопотали уже о разводѣ, предлагаетъ вамъ свое покровительство въ этомъ дѣлѣ. Преступная любовь ваша и любовь сироты, столь драгоцѣнной сердцу ея величества, должна освятиться у алтаря.

Всталъ дыбомъ волосъ на головѣ Артемія Петровича; онъ весь дрожалъ.

— А жену мою?.. — спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Убѣдятъ идти въ монастырь.

— Въ монастырь?.. Волынскую?.. жену мою съ моимъ ребенкомъ!.. Нѣтъ, этому не бывать!

Внѣ себя Волынскій ходилъ скорыми шагами комнатѣ, какъ безумный, ударялъ себя въ лобъ, уж вскрикивалъ повременамъ:

— Вотъ до чего довелъ я ихъ и себя!.. Мн смѣли предложить?.. И я?..

Digitized by Google

Крикъ этотъ сопровождался судорожнымъ хохотомъ, судорожнымъ плачемъ, наконецъ подошелъ онъ къ Зудѣ и спросилъ его:

— Ты что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ?

Вспомните, что говорилъ я вамъ, когда вы только затѣвали борьбу съ герцогомъ,—отвѣчалъ хладнокровно Зуда.—Надо было остановиться въ началѣ... но теперь, зашедши такъ далеко... чѣмъ нельзя пожертвовать для блага отечества! Я согласился бы на предложеніе ея величества.

— О! зачѣмъ было добиваться чувства у этого сердца, изсохшаго на Макіавели!.. Онъ тогда не человѣкъ, когда дѣло идетъ о цѣли политической; у него нѣтъ сердца — у него только умъ. — Но вы, господинъ Эйхлеръ?

И какъ будто испугавшись, что Эйхлеръ скажетъ одно съ Зудою, продолжалъ, не давъ ему отвѣчать:

— Нѣтъ, нѣтъ, прежде чѣмъ вы дадите отвѣтъ, я разскажу вамъ, въ какомъ состояніи теперь нахожусь, въ какихъ отношеніяхъ я къ двумъ особамъ, которыхъ судьбу связалъ неразрывно съ своею. Этотъ желѣзный человѣкъ знаетъ все... — онъ указалъ на Зуду.—Видно, ему нужно растравить мои раны... Но вамъ долженъ я открыть эти отношенія. Видите, сударь, жена моя беременна; она любитъ меня горячо, выше всего въ мірѣ, кромѣ своего Бога, и счастлива увѣренностію, что я ее также люблю. Еслибъ я оставилъ ее, недолго пережила она мой гнусный поступокъ. Убійца ...ы, убійца своего младенца, какую жизнь влачилъ ...я, двоеженецъ, на этой бѣдной землѣ?.. За что ...билъ бы я это созданіе, чистое, какъ ангелы?.. ...міе страсти ужъ исчезло вмѣстѣ съ очарованіемъ

Digitized by Google

ея... Положимъ, что Наталья Андреевна перенесла бы свое несчастіе и осталась жить: чувствуете ли позоръ, который падалъ бы на меня?.. Жена Волынскаго, монахиня, родила бы въ кельѣ!.. Что за адская смѣсь! А потомъ? гдѣ-бъ ни появилась она, вездѣ указывали бы на нее пальцами; каждый прохожій, лохмотникъ, враги мои, смѣли бы говорить: «Вотъ бывшая жена кабинетъ-министра Волынскаго! Онъ въ чести, въ холѣ у государыни, а она, глядите... въ какомъ черномъ тѣлѣ!.. А этотъ мальчикъ или дѣвочка, это дитя, которое за нею таскается, это его отродье: ему нѣтъ имени!.. Каждый нищій счастливѣе его: онъ можетъ указать на своего отца, а этотъ не смѣетъ назвать своего — все равно, что сынъ грѣха, сынъ блуда! Волынскій продалъ жену свою, свое дитя, счастіе и свободу ихъ, законъ, совѣсть, продалъ здѣшнюю и будущую жизнь — за чтожъ? За мѣсто любимца!.. Своекорыстнымъ видамъ!..» Кто скажетъ, благу отечества?.. Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ! Пускай отдамъ Богу отвѣтъ на страшномъ судѣ за любовь мою къ Маріорицѣ — назовите ее слабостью, заблужденіемъ, безразсудствомъ, безуміемъ, чѣмъ хотите — пусть за нее караетъ меня правосудная десница Господа! Но когда умолкнула страсть и говоритъ разсудокъ, когда дѣло идетъ о разсчетахъ личныхъ — какимъ бы покровомъ вы ихъ ни одѣвали, выгодами ли общими, пользою отечества, — никогда не посягну на это святотатство. Я до того еще не унизился. Знаю, что отказомъ имъ оскорбляю государыню, увѣренную въ усп[illegible] своего предложенія; знаю, что лишаю себя, друз[illegible] дѣло правое необходимой его опоры, что попреж[illegible] ввожу Бирона въ милости ея величества и дол[illegible]

Digitized by Google

ожидать ужасной грозы; но... такъ низко и низачто не продамъ души своей! Рѣшеніе мое неизмѣнно, донесите это государынѣ.

— Еслибъ вы дали другой отвѣтъ, — сказалъ Эйхлеръ съ восторгомъ, — я каялся бы, что служилъ вамъ. Благодарю Бога, что въ васъ не ошибся.

— Виноватъ, — подхватилъ Зуда, нѣсколько смущенный, — можетъ быть, я такъ созданъ... перемѣнить себя не могу... но скажу опять, что не понимаю, къ чему все это ведетъ. Когда вы готовились на подвигъ освобожденія отечества, не рѣшались ли пожертвовать собою исполненію этого подвига? А теперь...

— Собою однимъ, да! А теперь, по-твоему, я спасалъ бы себя и жертвовалъ бы другими.

— Развѣ отказомъ государынѣ, какъ вы сами говорите, не вовлекаете въ собственную гибель и вашихъ друзей, и вашей супруги?

— Хотя бы и такъ, не сдѣлаю подлаго дѣла! И кто и чѣмъ поручится мнѣ, что я, обрадовавшись безъ души предложенію государыни и согласившись на него, не получу скоро достойной награды за своекорыстное угожденіе? Кто поручится, что Биронъ черезъ мѣсяцъ, черезъ нѣсколько дней, не овладѣетъ снова милостями государыни и не насмѣется достойнымъ образомъ надъ подлымъ двоеженцемъ? Мудрено-ль? Видишь, какой оборотъ взяло дѣло; я нуженъ для государства, а къ случаю!.. Что скажешь ...да? Какими глазами прикажешь мнѣ смотрѣть на ...дей на Божій свѣтъ? Какъ умирать мнѣ будетъ?.. ...ерь, по крайней мѣрѣ, буду и тѣмъ доволенъ, что ...ебалъ силу временщика и облегчилъ другимъ

Digitized by Google

средства совсѣмъ его свергнуть. Отечество и за то останется мнѣ признательнымъ. Сколько дозволяло мнѣ мое слабое человѣчество, я исполнилъ долгъ свой и не запятналъ его гнуснымъ поступкомъ, который не можетъ извиниться никакою цѣлью. Если я и совратился съ должнаго пути, то да судитъ меня Богъ! — Требую, чтобы объ этомъ мнѣ болѣе не говорили. Рѣшеніе мое свято. Только прошу васъ, г. Эйхлеръ, не объявлять моего отвѣта государынѣ до завтрашняго дня. Я приготовилъ бы ко всему друзей своихъ. Можетъ быть, найдемъ еще способы съ честью охранить наше дѣло отъ новыхъ ударовъ судьбы.

Этимъ кончилась бесѣда. Зуда рѣшился прибѣгнуть еще къ одному средству, письмомъ объяснить княжнѣ Лелемико затруднительное положеніе, въ какомъ находился человѣкъ, ей столько драгоцѣнный. Любовь изобрѣтательна: не придумаетъ ли чего къ спасенію его?

Нѣсколько времени спустя, принесли Волынскому письмо.

— Отъ кого? — спросилъ онъ слугу.

— Отъ барыни, — отвѣчалъ этотъ.

— Гдѣ-жъ она?

— У его превосходительства, братца своего.

— Письмо изъ дома брата? должно быть, чрезвычайное! — сказалъ встревоженный Волынскій, распечатавъ письмо нетвердою рукой.

Первое, что бросилось ему въ глаза, было со-ственное его посланіе къ Маріорицѣ. Будто ножс полоснуло его по сердцу. Онъ догадывался объ истиі и одна догадка приводила его въ ужасъ. Немал подвига стоило ему прочесть письмо жены.

Digitized by Google

— По дѣламъ вору мука! — воскликнулъ онъ, изорвавъ то и другое въ клочки. — Но... баба шалитъ!.. Есть мѣра всему!.. Не ожидаетъ ли, что притащусь къ ней умаливать о милости?.. Этого слишкомъ много! Этого не будетъ!.. Послѣ увѣреній моихъ, послѣ доказательствъ страстной любви и клятвы, она должна была не раскрывать прошлаго, не дотрогиваться до этой опасной струны. Чтожъ она дѣлаетъ? Выкапываетъ въ навозной кучѣ старые грѣхи мои, вездѣ чутьемъ отыскиваетъ ихъ слѣды. И гдѣ-жъ наводитъ справку о поведеніи мужа?.. У бывшей своей барской барыни, у сквернавки, которая продавала меня злѣйшему врагу моему, на которую и плевать гадко!.. Дойти до такого униженія, Боже мой! Отнынѣ я самъ не хочу ее знать... Что за жена!.. Пускай себѣ живетъ на здоровье у своего братца, да распускаетъ басни о мужѣ, да себѣ и людямъ на потѣху малюетъ его сажей съ ногъ до головы!.. Нѣтъ, Маріорица на ея мѣстѣ не то бы сдѣлала... О! это душа возвышенная, нерядовая! Да много ли Маріорицъ на свѣтѣ? И я пожертвовалъ ею!.. Неблагодарный!..

— Но, — прибавилъ онъ, успокоившись нѣсколько отъ сильнаго душевнаго волненія, въ которое бросила его ужасная посылка, — я исполнилъ долгъ свой. Не пойду назадъ. Пускай вина будетъ не на моей сторонѣ!..

Въ этотъ же день Зуда доставилъ ему другого рода ---ваніе. Оно было отъ княжны Лелемико.

Мнѣ все извѣстно, — писала она, — все, и предло-.е государыни, и любовь къ тебѣ жены, и отноія твои къ ней. Не хочу быть причиною твоего ·астія. Въ сердцѣ моемъ отыскала я средства по-

Digitized by Google

мочь всему... Но я сама должна съ тобою переговорить... тайну мою не довѣряю ни бумагѣ, ни людямъ. Будь у «Ледяного дома» къ сторонѣ набережной, въ 12 часовъ ночи. Теперь никто... не помѣшаетъ...»

Да! никто не помѣшаетъ: ея ангела-хранителя ужъ нѣтъ; сумасшедшая мать сидитъ въ ямѣ.

Что ей мать? У ней въ мірѣ никого нѣтъ, кромѣ *него; онъ* одинъ для нея все — законъ, родство, природа, начало и конецъ, алфа и омега ея бытія, все, все.

— О! эта пишетъ иначе, — сказалъ Волынскій, — буду, непремѣнно буду, хоть на зло *той*...

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НОЧНОЕ СВИДАНІЕ.

> О, милый! пусть растаетъ вновь
> Моя душа въ твоемъ лобзаньѣ;
> Приди, допей мою любовь,
> Допей ее въ моемъ дыханьѣ.
> Прильпну я къ твоимъ устамъ,
> И все тебѣ земное счастье,
> И всей природы сладострастье
> Въ послѣднемъ вздохѣ передамъ.
>
> *В. Тепляковъ.*

> Не шути съ огнемъ, обожжешься.
>
> *Пословица.*

— Зачѣмъ долѣе жить? — думала Маріорица, прочитавъ письмо отъ Зуды. — Я любила, узнала все, что въ любви и въ жизни есть прекраснаго... Чего мнѣ ждать еще? Разрушенія моего и конца этой любви, не во мнѣ, нѣтъ — моя любовь должна перейти со мною и въ другой міръ — но въ его сердцѣ. Я только помѣха *его* счастію. Если я буду за нимъ, что принесу ему? Минутные восторги и, можетъ статься, раскаяніе, чувство несчастія его жены и младенца — о! это дитя з такъ же дорого, какъ бы оно было мое; оно мнѣ чужое, дитя моего Артемія! Лучше умереть, и реть любимою, гордою, счастливою его любовью, именемъ невѣсты любовницы, друга, унеся съ собою чть сердца милаго человѣка. Я прикую ее къ своей

Digitized by Google

могилѣ восторгами, признательностью, жертвами. Не завиднѣе ли это, чѣмъ жить для того, чтобы вѣчно тревожить его спокойствіе и ждать охлажденія, видѣть его невѣрность, можетъ статься, и презрѣніе? Лучше всего умереть теперь, когда всѣ зовутъ меня прекрасною. Хочу и въ гробу лежать достойною его любви, а не сухимъ, желтымъ остовомъ, отъ котораго онъ будетъ отворачиваться, который поцѣлуетъ съ отвращеніемъ.

Такъ думала Маріорица, рѣшаясь пожертвовать собою для блага Волынскаго. Находили минуты, въ которыя ей становилось грустно, холодно отъ мысли умереть такой молодою, когда существо ея только-что раскинулось было пышнымъ цвѣтомъ, когда на устахъ и груди ея млѣли поцѣлуи любви, когда сердце нѣжило такъ много темныхъ и вмѣстѣ сладкихъ желаній. Но мысль, что ей обязанъ *онъ* будетъ своимъ спокойствіемъ, счастіемъ, славою, торжествовала надо всѣмъ, уносила ее въ небо, откуда она смотрѣла глазами любви неземной на свой земной подвигъ. Ей становилось тогда легко, радостно; какой-то дивный восторгъ согрѣвалъ ее; казалось ей, душа ея расправляла огненныя крылья, чтобы скорѣе понестись въ это небо и утонуть въ немъ.

Вотъ какіе способы изберетъ она, чтобы исполнить свои замыслы.

Маріорица оставитъ письмо къ государынѣ, въ которомъ откроетъ, что она дочь цыганки. Ужъ и этотъ подвигъ не бездѣлица! Знаю, чего стоитъ инымъ пр... сить граматы на дворянство, то есть объявить, ... былъ нѣкогда не дворяниномъ... Каково жъ княж... царской либимицѣ, которую носили на рукахъ, котор... улыбка цѣнилась вмѣсто милости, ей признаться эт...

Digitized by Google

самымъ людямъ, что она дочь... бродяги! Она, однакожъ, сдѣлаетъ это. Для чего жъ? Для того, что Волынскому нельзя будетъ жениться на дочери цыганки, и это самое послужитъ Волынскому оправданіемъ. Потомъ Маріорица будетъ лгать въ письмѣ своемъ... въ первый разъ въ жизни солжетъ — будетъ клеветать на Бирона... Чего не сдѣлаетъ для милаго Артемія?.. О! въ какія злодѣянія не пустилась бы она, если бъ онъ былъ злодѣй!.. Она скажетъ въ письмѣ къ государынѣ, что герцогъ зналъ ея низкое происхожденіе, но самъ уговорилъ Маріулу не открывать этого никому, а помогать всячески связи дочери съ кабинетъ-министромъ. Она будетъ клеветать и на себя: скажетъ, что еще до пріѣзда въ Петербургъ была порочна... что она, неблагодарная, негодяйка, презрѣнное орудіе Бирона, избранное имъ для погибели его врага; что, взявшись погубить Волынскаго, невольно полюбила его и потомъ изъ любви рѣшилась его спасти, доставивъ государынѣ бумагу съ доносомъ на герцога. Маріорица прибавитъ, что раскаяніе, нестерпимыя угрызенія совѣсти заставили ее наконецъ открыть все предъ тѣмъ, какъ она рѣшилась прекратить недостойную жизнь... Прекрасно! Биронъ послѣ этого письма падетъ рѣшительно... а Артемій, ея милый Артемій, будетъ въ милости, въ чести, въ славѣ, дитя его не умретъ, жена не посмѣетъ его упрекнуть ни въ чемъ... Но милый, безцѣнный Артемій ея также долженъ будетъ знать, она все это налгала, наклеветала на себя, что все жертва, ему принесенная... Она хочетъ видѣть въ послѣдній разъ, и доказать, что его одного лю- и вѣчно будетъ любить. А тамъ... пукъ его во- у сердца, мысль о немъ и снѣжный саванъ,

Digitized by Google

какой лучше смерти желать?.. Но — прибавила — нынѣшній день *мой*; онъ долженъ мнѣ его подарить!

Въ такомъ упоеніи сердечныхъ замысловъ, послала она къ Артемію Петровичу записку, которую мы ужъ видѣли; потомъ приготовила письмо къ государынѣ и, запечатавъ, положила у себя за зеркаломъ.

Но какимъ образомъ Маріорица выполнитъ свое обѣщаніе, придти въ назначенный часъ къ Ледяному дому? Повѣренная ея тайнъ, Груня, больна (ей велѣно сказаться больной, потому что она неспособна къ злодѣяніямъ: видно, что власть Бирона имѣетъ еще во дворцѣ скрытыхъ, но ревностныхъ исполнителей). Груня замѣнена какою-то дуэньей, которой наружность не предвѣщаетъ ничего добраго. Свободный выходъ Маріорицѣ изъ дворца уладитъ арабка, пріятельница Николая; но можно ли утаить свое ночное путешествіе отъ горничной, спящей за перегородкой ея спальни? Чего бъ ни стоило, надо купить молчаніе ея. Любовь Маріорицы готова и на это униженіе: вѣдь, эта жертва послѣдняя! Послѣ смерти ея пускай говорятъ, что хотятъ, лишь бы милый Артемій зналъ ее тѣмъ, чѣмъ она есть! Неосторожная!.. Время быть осторожной!.. Открывается... Съ радостью, которой изученное притворство непонятно для неопытной дѣвушки, отвѣчаютъ, что готовы помогать во всемъ такой милой, доброй барышнѣ, предлагаютъ услуги бойкія, ловкія, сулящія успѣхъ вѣрный. Ничего не требуютъ, к… молчанія. Тайна запечатлѣна ужасною клятвою. … улажено.

Ожиданія 12 часа исполнены душевной тр…
Въ этотъ часъ все уляжется во дворцѣ, и …

Digitized by Google

уйдетъ за снѣжную окрайницу земли. А теперь, какъ все вездѣ суетится! на зло ей, какимъ яркимъ свѣтомъ налился мѣсяцъ! какъ ослѣпительно вырѣзывается онъ на голубомъ небѣ! Только по-временамъ струи облачковъ наводятъ на него легкую ржавчину или рисуются по немъ волнистымъ перламутромъ. Какъ пышетъ свѣтъ этого мѣсяца на серебряный матъ снѣговъ и преслѣдуетъ по немъ малѣйшіе предметы! Гдѣ укрыться отъ этого лазутчика?

— Можетъ быть, — говоритъ сама съ собою Маріорица, сокращая разлуку думами о *немъ*, — можетъ быть, и онъ смотритъ теперь этому безжалостному мѣсяцу въ глаза и упрашиваетъ его о томъ же, о чемъ я умоляю его. Лучъ этотъ, который падаетъ на меня и гнететъ такъ мое сердце, можетъ статься, проникъ и въ его грудь. Чувствуетъ ли онъ, что я зову его проститься со мною навсегда — навѣки. Боже! какъ ужасно это слово!.. Не жалко бы мнѣ покинуть Твой міръ, гдѣ бы его не было, Твое прекрасное солнышко, которое не освѣщало бы его вмѣстѣ со мною, блескъ двора, алмазы, зависть подругъ, почести которыхъ онъ не раздѣлялъ бы со мной; это все, чѣмъ Ты, мой Боже, такъ щедро надѣлилъ меня!.. (Она посмотрѣла въ зеркало, отражавшее всю роскошь ея прелестей) это все, если-бъ оно не было ему назначено; не жалко бы мнѣ тогда покинуть Твой міръ; но теперь... когда онъ въ этомъ мірѣ, разстаться со всѣмъ этимъ... ьно, грустно!

И Маріорица плакала.

— На то была Твоя всемогущая воля, — прибавила , упавъ на колѣна и молясь, — я призвана была землю спасти его своею любовью отъ бѣдъ, убе-

Digitized by Google

речь для славы его и счастія другихъ... Да будетъ Твоя воля! жертва готова.

Потомъ она вспомнила мать... Ей извѣстно было, что государыня посылала навѣдаться о цыганкѣ Маріулѣ: говорили, что бѣдной лучше, что она ужъ не кусается... Сердце Маріорицы облилось кровью при этой мысли. Чѣмъ же помочь?.. Фатализмъ увлекъ и мать въ бездну, гдѣ суждено было пасть дочери. Никто ужъ не поможетъ, кромѣ Бога. Его и молитъ со слезами Маріорица облегчить участь несчастной, столько ее любившей. Запиской, которую оставляетъ при письмѣ къ государынѣ, завѣщаетъ Маріулѣ все свое добро.

Но—мѣсяцъ скрылся за снѣжный обзоръ; во дворцѣ все расходится на покой по отдѣленіямъ; въ коридорѣ слышна неучтивая зѣвота гофъ-лакея; скоро 12 часовъ... и съ мыслью объ этомъ часѣ Волынскій, одинъ Волынскій становится на стражѣ у сердца Маріорицы. Мечты ея обняли его и не хотятъ болѣе покинуть: ей ужъ такъ мало осталось времени любить его и думать о немъ на землѣ!.. Она горитъ вся въ ожиданіяхъ роковыхъ минутъ свиданія; щеки ея пылаютъ, грудь пожираетъ ужасное пламя, въ устахъ пересохло... жажда томитъ ее... Она проситъ пить. Приносятъ воды... довольно мутной... Подносъ въ рукахъ служанки дрожитъ такъ, что питье плещетъ чрезъ край стакана; помертвѣлое лицо ея что-то страшно подергиваетъ. Маріорица ничего не замѣчаетъ; вода вы[illegible] разомъ. Когда ей замѣчать! на Адмиралтействѣ ряетъ 12 часовъ, и все существо ея судорожн[illegible] тряслось...

Наброcана кое-какъ на плеча шуба, накину[illegible]

Digitized by Google

почка на-бекрень... кто-то стукнулъ въ дверь: это арабка. Идутъ... по коридорамъ, худо освѣщеннымъ или вовсе темнымъ, спускаются по узкимъ, истертымъ, душнымъ лѣсенкамъ, кое-гдѣ ощупью, кое-гдѣ падаютъ... Скоро-ли? — Вотъ сейчасъ!

И вотъ онѣ у какой-то двери: ключъ щелкнулъ, дверь вздохнула... Маріорица дышитъ свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ; она на дворцовой набережной. Неподалеку, въ темнотѣ, слабо рисуется высокая фигура... Ближе къ ней. Обмѣнялись вопросами и отвѣтами; «ты?» «я!»—и Маріорица пала на грудь Артемія Петровича. Долго были они безмолвны; онъ цѣловалъ ее, но это были не прежніе поцѣлуи, въ которыхъ горѣла безумная любовь — съ ними лились теперь на лицо ея горячія слезы раскаянія.

— До чего довелъ я тебя, несчастную! — сказалъ онъ наконецъ.

— О! не говори мнѣ про несчастія! — возразила она, увлекая его далѣе. — Чего не достаетъ мнѣ теперь? я съ тобою... Вотъ видишь, какъ я обезумѣла отъ своего счастія... мнѣ столько было тебѣ сказать, и я все забыла. Постой немного... дай мнѣ насмотрѣться на тебя, пока глаза могутъ еще различать твои черты; дай мнѣ налюбоваться тобою, можетъ быть, въ послѣдній разъ...

Они остановились. Маріорица схватила его руку, жала ее въ своихъ рукахъ, у своего сердца, силилась ...ленными взорами прорѣзать темноту, чтобы вглядѣться въ Артемія Петровича и удержать милыя ей ...ты.

— Въ послѣдній разъ?—спросилъ онъ съ горестнымъ ...стіемъ. — Отчего такъ?

— Намъ должно разстаться! — отвѣчала она.

Онъ не возражалъ, но съ нѣжностью поцѣловалъ ея руку. Молчаніе его говорило: намъ должно разстаться!

— Ну, если-бъ я умерла, поплакалъ ли бы ты обо мнѣ?

— Что это значитъ?.. объяснись...

— Надо-жъ когда-нибудь умереть... не нынѣ, завтра... когда-нибудь...

— Милая! не мучь меня, ради Бога... Что за ужасныя мысли, что за намѣренія? скажи мнѣ.

Догадываясь по трепету его рукъ, по сильному біенію сердца, ударявшаго въ ея грудь, что мысль объ ея смерти встревожила Артемія Петровича; довольная этими знаками любви, она старалась успокоить его.

— Нѣтъ, милый, нѣтъ, я пошутила... я буду жить, но такая жизнь все равно, что смерть... намъ надо разстаться для твоего счастія, для твоего спокойствія... Однакожъ пойдемъ далѣе; здѣсь могутъ насъ замѣтить... Видишь, какъ я стала осторожна!

Они пошли далѣе.

На этотъ разъ Волынскій далъ было обѣтъ сохранить себя отъ всѣхъ искушеній; но ласки Маріорицы были такъ нѣжны, такъ жарки, что обѣты его понемногу распадались...

Надо было имѣть силу остановиться на первомъ шагу, объяснить свои намѣренія, какъ друзья, проститься; но... они пошли далѣе.

Какимъ изступленнымъ восторгомъ пылала жрица любви возвышенной и вмѣстѣ жертва отверженія!.. Не земнымъ наслажденіямъ продавал себя, Маріорица сожигала себя на священномъ кос

Digitized by Google

Любовники остановились у дверей «Ледяного дома». Чудное это зданіе, уже заброшенное, кое-гдѣ распадалось; стража не охраняла его; двери сломанныя лежали грудою. Вѣтеръ, проникая въ разбитыя окна, нашептывалъ какую-то волшебную таинственность Будто духи овладѣли этимъ ледянымъ дворцомъ. Два ряда елей съ вѣтвями, густо опушенными инеемъ, казались рыцарями въ панцыряхъ матоваго серебра, съ пышнымъ страусовымъ панашемъ на головахъ.

Волынскій сталъ у порога и не шелъ далѣе. Святое чувство заглянуло еще разъ въ его душу.

— Чтожъ?..—сказала она, увлекая его, какъ изступленная вакханка.

— Если переступимъ порогъ, мы погибли,—отвѣчалъ онъ.

— Дитя!.. Ты боишься любви моей?.. Не погубить, спасти тебя хочу; но вмѣстѣ хочу, чтобы ты меня зналъ.

Этимъ упрекомъ все святое опрокинулось въ душѣ его. Пристыженный, онъ схватилъ ее въ свои объятія и понесъ сладкое бремя...

— О, милый!—сказала она, крѣпко обнявъ его своими руками,—наконецъ ты *мой*, на этотъ часъ ты *мой*; не отдамъ тебя никому, приди хоть самъ Богъ!.. Для этого часа я послана Провидѣніемъ на землю, для него я жила... въ немъ мое прошедшее и будущее...

…ворецъ въ своей черной мантіи уже приподнился предъ ними. Они прощались, долго прощались... …то Волынскаго было мокро отъ слезъ Маріорицы: …це его разрывалось.

Digitized by Google

Они разстались было, но опять воротились другъ къ другу. Еще одинъ длинный, томительный поцѣлуй... онъ проводилъ ее до дворца. Еще одинъ... губы ея были холодны, какъ ледъ, она шаталась... Дверь отворилась, дверь вѣчности... Маріорица едва имѣла силы махнуть ему рукой... и исчезла.

Онъ еще долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, погруженный въ ужасное предчувствіе.

Несчастный! ты увидишь ее—развѣ тамъ, гдѣ мертвые встаютъ!..

— Не покидай меня,—сказала Маріорица, стиснувъ руку арабкѣ, отворившей ей потаенную дверь,—у меня ножи въ груди... рѣжутъ ее... Но счастіе мое было такъ велико!.. Я[illegible] преодолѣла... побѣда за мной!.. Теперь нѣтъ [illegible]ъ терпѣть... Понимаю... ядъ... Какъ я имъ бла[illegible]арна!.. Они... за меня сами все исполнили... [illegible]зили меня отъ самоубійства... Господи! какъ [illegible] милостивъ!

Испу[illegible]ная арабка съ трудомъ дотащила ее до ея комнаты. Было въ ней темно. Служанка спала или притворялась спящею. Маріорица не велѣла будить ее, не велѣла зажигать свѣчу. Сильныя конвульсіи перебирали ее; повременамъ слышенъ былъ скрежетъ зубовъ, но она старалась, сколько могла, поглотить въ себѣ ужасныя муки.

— Какія страданія!—говорила она, не пуская отъ себя арабку,—но все это пройдетъ сейчасъ!.. Вотъ ужъ и прошло!.. Ахъ! милая, кабы ты знала, к[illegible] прекрасная ночь!.. На мнѣ горятъ еще его поцѣл[illegible]. Какое блаженство умереть такъ!.. Завтра ты скаж[illegible] ему, что я умерла счастливая, какъ нельзя счастл[illegible], какъ нельзя лучше; прибавь, что никто не будет[illegible]

Digitized by Google

бить его, какъ я... О! онъ меня не забудетъ... онъ оцѣнитъ, что я для него сдѣлала... Сыщи за зеркаломъ письмо, отдай государынѣ, но только тогда, когда меня не станетъ... поклянись, что отдашь... Въ этомъ письмѣ его счастіе...

И арабка, не зная, что дѣлаетъ, клялась, обливаясь слезами.

— Охъ! Боже, Боже мой!.. что-то у меня въ груди... Ничего, ничего, — произнесла она тише, уцѣпясь за рукавъ арабки, — это пройдетъ скоро... Слышишь ли? скажи ему, что посреди самыхъ жестокихъ мукъ... милый образъ его былъ передо мною... пойдетъ со мной... что имя его... на губахъ... въ сердцѣ... охъ! милый... Артемій... прости... Арт...

Конецъ этого слова договорила она въ вѣчности.

Бренная храмина опустѣла; духъ, оглашавшій ее гимнами любви и пропѣвшій послѣдній высокій стихъ этой любви, отлетѣлъ... Арабка держала еще холодный трупъ на рукахъ своихъ. Она вскрикнула, ужасно вскрикнула, такъ что стѣны задребезжали.

— Что такое? что такое? — спросила вскочившая съ постели служанка.

— Княжна... умерла! — могла только сказать арабка.

— Княжна умираетъ, — повторила служанка, выскочивъ въ коридоръ, и этотъ возгласъ раздался по дворцу и дошелъ осторожно, шопотомъ, до изголовья государыни.

Призваны были искуснѣйшіе лекари, употребляли чтобы... Но мертвые не воскресаютъ. Съ трудомъ щили Анну Іоанновну отъ трупа любимицы ея.

Когда этотъ трупъ клали въ гробъ, на груди ея, у ца, лежалъ вѣнкомъ черный локонъ... Ни одна

Digitized by Google

злодѣйская рука не посягнула на него; онъ пошелъ съ нею въ гробъ.

Небо услышало твои молитвы, прекрасное, высокое созданіе! ты умерла въ лучшія минуты своей жизни; ты отлетѣла на небо съ вѣнкомъ любви, еще не измятымъ, еще вполнѣ сохранившимъ свое благоуханіе.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОХОРОНЫ

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О, другъ! я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила!

Жуковскій.

Поутру, чтобы не тревожить государыни близостью мертвеца, вынесли княжну Лелемико въ церковь Исаакія Далматскаго.

Выносы были великолѣпные.

Въ дворцѣ рѣшили, что она умерла отъ удара. Сама Анна Іоанновна видѣла разъ, какъ она кашляла съ кровью.—По разнымъ признакамъ, надо было ожидать такой смерти, — говорили доктора. Вспомнили теперь, будто профессоръ физики и вмѣстѣ придворный астрологъ (Крафтъ) за нѣсколько дней предсказывалъ ея кончину. Утѣшались тѣмъ, что суженаго не избѣгнешь.

Письма Маріорицы къ государынѣ не нашлось за каломъ...

Всѣ въ городѣ знали о смерти княжны; но тому, › былъ первою виною ея, не смѣли о ней сказать. ›конецъ... и *онъ* узналъ.

Digitized by Google

Отказываюсь отъ муки описывать ужасное его состояніе. Скажу только, что у него, какъ у несчастной королевы Маріи-Антуанеты, въ одинъ день побѣлѣли волосы.

Было много посѣтителей у гроба княжны Лелемико.

Какъ хорошо лежала она въ немъ, будто живая! Какъ шли къ ней на ея черныхъ волосахъ этотъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ и эта золотая діадема, которою вѣнчаютъ на смертномъ одрѣ и послѣдняго изъ людей!..

Видѣли у этого гроба рыдающую женщину; видѣли, какъ она молилась съ горячею вѣрою за упокой души усопшей; какъ она поцѣловала и перекрестила ее...

Молившаяся за Маріорицу, благословлявшая ее, была жена Волынскаго.

Видѣли потомъ у гроба мужчину... Лицо мертвеца, искаженное страданіями, всклокоченные волосы... въ мутныхъ, страшныхъ очахъ ни слезинки! Видъ его раздиралъ душу. Это былъ самъ Волынскій. Забывъ стыдъ, мнѣнія людей, все, онъ притащился къ трупу той, которой лобзанія еще не остыли на немъ... Долго лежалъ онъ полумертвый на холодномъ помостѣ храма Вставъ, онъ застоналъ... отъ стона его потряслись стѣны храма, у зрителей встали волосы дыбомъ... Служитель алтаря оскорбился этими стенаніями... нѣсколько десятковъ рукъ вытащили несчастнаго... Е не дали проститься съ ней... Можетъ быть, онъ не посмѣлъ бы!

Цѣлый день женщины, дѣти, старики, множес народа, толпились около гроба княжны. Всякій то

валъ по своему о смерти ея; иной хвалилъ приличіе ея наряда, другой узоры парчи, богатство гроба, всѣ превозносили красоту ея, которую и смерть не посмѣла еще разрушить.

Въ этотъ самый день Маріула жалобно просилась изъ ямы; въ ея просьбѣ было что-то неизъяснимо убѣдительное. На другой день опять тѣ же просьбы. Она была такъ смирна, такъ благоразумна, съ такимъ жаромъ цѣловала руки у своего сторожа, что ей нельзя было отказать. Доложили начальству, и ее выпустили. Товарищъ ея, Василій, не отходилъ отъ нея. Лишь только почуяла она свѣжій воздухъ и свободу, прямо — на дворцовую площадь. Пришла, осмотрѣлась... глаза ея остановились на дворцѣ и радостно запрыгали.

— Вѣдь это дворецъ? — спросила она.

— Ты видишь, — отвѣчалъ печально цыганъ, знавшій уже о смерти княжны Лелемико.

— Да, да, помню!... Тутъ живетъ она, мое дитя, моя Маріорица... Давно не видала ее, очень давно! Божье благословеніе надъ тобой, мое дитя. Порадуй меня, взгляни хоть въ окошко, моя душечка, мой розанчикъ, мой херувимчикъ! Видишь... видишь, у одного окна кто-то двигается... Знать она, душа моя, смотритъ... Она, она! Сердце ея почуяло свою мать... Васенька! вѣдь она смотритъ на меня, говори же...

— Смотритъ, — сказалъ старикъ, и сердце его оротилось въ груди. Онъ отвернулся, чтобы утеь слезы.

- Каково-жъ, Васенька? Княжна!.. въ милости, юбви у государыни!.. Невѣста Волынскаго... скоро цьба!.. Каково? Вѣдь это все я для тебя, милочка,

устроила. Ты грозишь мнѣ, чтобы я не проговорилась... Небось, не скажу, что мать твоя цыганка... Да не проговорилась ли я когда, Васенька?..

Она терла себѣ лобъ, какъ будто припоминала себѣ что-то.

— Нѣтъ, никогда.

— То-то и есть!.. Не пережить бы мнѣ этой бѣды!.. Проговориться!.. да развѣ я съ ума сошла!.. Не бойся, душечка моя, не потревожу твоего счастія... Богъ это будетъ знать да я.

Маріула была счастлива; это счастіе горѣло въ черныхъ, дикихъ глазахъ ея.

Вдругъ отъ Исаакія Далматскаго вѣтеръ донесъ до слуха ея заунывное похоронное пѣніе.

— Что это? — сказала она, откинувъ фату свою, чтобы лучше слышать.

Пѣніе приближалось.

— Кого-то хоронятъ... Слава Богу, что не съ той стороны... не изъ дворца несутъ!..

— Да, не изъ дворца, — подхватилъ испуганный цыганъ. — Мнѣ сказывали, что княжна Лелемико будетъ нынѣ въ Гостиномъ дворѣ. Пойдемъ лучше туда дожидаться ее.

— Пойдемъ, — отвѣчала Маріула, крѣпко схвативъ его за руку, — можетъ статься, мы тамъ увидимъ ее.

Они отошли къ *Большой прешпективѣ*.

Въ это время вдали поровнялся съ ними розовый гробъ, предшествуемый многочисленнымъ синклито[мъ]. Маріула остановилась... Вытянувъ шею, она жа[дно] прислушивалась къ пѣнію; сердце ея шибко било[сь], синія губы дрожали... Гробъ на поворотѣ ули[цы] исчезъ.

Digitized by Google

— Слава Богу, что не изъ дворца! — повторила она; кивнула еще раза два дворцу, какъ бы говоря: — «Божье благословеніе надъ этимъ домомъ!» — и побѣжала съ товарищемъ къ Гостиному двору искать, смотрѣть княжну Лелемико.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

АРЕСТЪ.

> Дѣлайте съ нимъ, что хотите... съ той поры, какъ земля взяла ее къ себѣ, онъ пересталъ быть вельможею, подданнымъ, гражданиномъ, мужемъ... всѣ связи его съ міромъ прерваны.

Прошло нѣсколько дней. Волынскій, убитый своею судьбой, не выходилъ изъ дому. До слуха Анны Іоанновны успѣли ужъ довести ночное путешествіе... Дѣла государственныя стали. Она грустила, скучала, досадовала... Въ такомъ душевномъ состояніи призвала къ себѣ Остермана, Миниха и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ (всѣ, кромѣ Миниха, были явные противники Волынскаго), и требовала совѣтовъ, какъ ей поступить въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Остерманъ и за нимъ другіе объявили, что «спасти государство отъ неминуемаго разстройства можетъ только герцогъ курляндскій».

Минихъ молчалъ.

Этотъ отвѣтъ льстилъ сердцу государыни; она спѣ-ıа имъ воспользоваться. Биронъ былъ позванъ.

Собираясь во дворецъ, герцогъ велѣлъ позвать къ ѣ Липмана. Среди ликованія семейнаго, онъ обнялъ и поздравилъ съ побѣдой.

Digitized by Google

— Я вамъ ручался за нее головой моей, — отвѣчалъ Липманъ.

Глаза обоихъ блистали адскимъ огнемъ. Герцогъ хотѣлъ показать свое великодушіе.

— Желаешь ли, — сказалъ онъ, — чтобъ я облегчилъ участь твоего племянника и ограничился однимъ изгнаніемъ?

— Требую его казни, — подхватилъ клевретъ съ жестокою твердостью, поразившею самое семейство своего патрона.

За эту твердость, достойную Брута (какъ говорилъ Биронъ), онъ удостоился новаго прижатія къ груди его свѣтлости.

Пасмурный, угрюмый, явился Биронъ во дворецъ. Не уступая, онъ хотѣлъ возвратить прежнее свое вліяніе на душу государыни. Это ему и удалось. Лишь только показался онъ у нея, она протянула ему дрожащую руку и сказала голосомъ, проникнутымъ особеннымъ благоволеніемъ:

— Забудемъ старое; миръ навсегда!

Припавъ на колѣно, Биронъ спѣшилъ поцѣловать эту руку; потомъ, вставъ, произнесъ съ твердостью:

— Благоволеніемъ вашего величества вознагражденъ я за несправедливости. Въ нихъ вовлекли васъ враги мои; но забыть прошедшее могу и долженъ только съ условіемъ. Не хочу говорить о кровныхъ оскорбленіяхъ слуги, преданнаго вамъ до послѣдняго издыханія, посвятившаго вамъ себя безусловно, неограниченно, товаго для васъ выдержать всѣ пытки: за эти обѣ предоставляю судъ вамъ самимъ. Но оскорбленіе ... императрицы мятежными подданными, унизител... приноровленіе васъ къ какой-то Іоаннѣ, нару...

Digitized by Google

вашего спокойствія даже среди невинныхъ забавъ вашихъ, позорная связь въ самомъ дворцѣ, которой причину нагло старались мнѣ приписать, безчестье и смерть вашей любимицы, умышленное разстройство государственнаго управленія и возбужденіе народа къ мятежу... о! въ такомъ случаѣ, чѣмъ кто ближе къ вамъ, тѣмъ сильнѣе, неумолимѣе долженъ быть защитникомъ вашихъ правъ. Онъ не отойдетъ отъ вашего престола, пока не охранитъ его и нарушители этихъ правъ не будутъ достойно наказаны. Ваше величество возвращаете мнѣ снова милости ваши и прежнюю мою власть: не приму ихъ иначе, какъ съ головою мятежнаго Волынскаго и сообщниковъ его...

— Этого никогда не будетъ! — вскричала государыня, испуганная рѣшительнымъ предложеніемъ своего любимца.

— Въ такомъ случаѣ я, какъ ложный обвинитель вѣрноподданныхъ вашихъ, повергаю себя высшему суду: вы должны меня казнить.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы попрежнему мой совѣтникъ, мой другъ; Волынскаго мы удалимъ...

— Этого мало для примѣра подобныхъ ему или мнѣ. Моя или его голова должна слетѣть: нѣтъ середины, ваше величество? Избирайте.

— Боже мой! что они со мною дѣлаютъ! — говорила Анна Іоанновна, обращая глаза къ небу, какъ бы прося его помощи.

— Вашему величеству предлагаютъ собственно ваше ...го, благо имперіи, ввѣренной вамъ Богомъ.

— По крайней мѣрѣ, не безъ суда... Да, я хочу, ...бы онъ преданъ былъ суду, и если оправдается...

— Обвиненія законныя, — сказалъ Биронъ, вынувъ

Digitized by Google

изъ бокового кармана бумагу и подложивъ ее къ подписи государыни, — законъ и долженъ наказать или оправдать. Я ничего другого и не требую. Осмѣлюсь ли я, преданный вашъ рабъ, предлагать что-либо недостойное вашего характера, вашей прекрасной, высокой души?.. Взгляните на осужденіе... Государыня! твердость есть также добродѣтель... Вспомните, что этого требуетъ отъ васъ Россія.

Перо подано государынѣ. Дрожащею рукою подписала она приказъ держать Волынскаго подъ арестомъ въ собственномъ домѣ и предать его суду за оскорбленіе ея величества и проч., и проч.

Участь кабинетъ-министра и его друзей была рѣшена. Такъ вертится колесо фортуны!..

Пока наряжался судъ, Эйхлеръ успѣлъ дать знать объ этомъ Артемію Петровичу.

— Спасайтесь, — говорилъ онъ ему, — голова ваша обречена плахѣ.

— Я ожидалъ этого, — отвѣчалъ хладнокровно Волынскій, приподнявъ съ подушки отяжелѣвшую голову, — я готовъ... Пора! Недостойный мужъ, недостойный сынъ отечества, омерзѣвшій друзьямъ, самому себѣ, я только тягочу собою землю. Зуда правъ: не мнѣ, съ моими страстями, браться было за святое, великое дѣло!.. Наказаніе, посылаемое мнѣ Богомъ, считаю особенной для себя милостью. Ахъ! еслибъ оно искупило хоть часть грѣховъ моихъ... Нѣтъ, другъ мой, я не побѣгу отъ руки, меня карающей. Ж--- мнѣ только васъ... Спасайтесь вы съ Зудою, і еще время.

Волынскій всталъ, отперъ свое бюро и вынулъ скольско свертковъ съ золотомъ.

Digitized by Google

— Возьмите это, друзья мои... поспѣшите гдѣ-нибудь укрыться... деньги вамъ помогутъ лучше людей... а тамъ проберетесь въ чужіе края. Да спасетъ васъ десница милосердаго Бога отъ новыхъ бѣдъ и страстей, подобныхъ моимъ... Когда меня не будетъ, не помяните меня лихомъ...

— За кого почитаете вы меня? — прервалъ съ негодованіемъ Эйхлеръ. — Я поклялся раздѣлить вашу участь, какова бы она ни была, и никогда не измѣнялъ своему слову. Развѣ и у меня недостанетъ силъ умереть?..

Не было отвѣта. Рыдая, они обнялись.

Когда Волынскій узналъ, кто былъ наряженъ судить его, онъ увѣрился, что смертный его приговоръ ниминуемъ.

— Но прежде казни моей, — сказалъ онъ, — хочу еще замолвить одно слово государынѣ за мое отечество. Истина предъ смертнымъ часомъ должна быть убѣдительна.

Надѣясь всего хорошаго отъ личнаго свиданія его съ государыней, Эйхлеръ не отговаривалъ его.

Наскоро одѣлся кабинетъ-министръ и отправился во дворецъ. Внезапному его тамъ появленію изумились, какъ удивились бы появленію преступника, сорвавшагося съ цѣпи. Придворные со страхомъ перешептывались; никто не смѣлъ доложить о немъ императрицѣ. Недолго находился онъ въ этомъ положеніи собирался ужъ идти далѣе, прямо въ кабинетъ ея [illegible]ичества, какъ навстрѣчу ему изъ внутреннихъ по[illegible]евъ Педрилло. Наклонивъ голову, какъ разъяренный [illegible]къ, прямо, всею силою, въ грудь Волынскаго. На [illegible]ди означился кругъ отъ пудры.

Digitized by Google

— Ге, ге, ге! каковы рога у козла! — вскричалъ Педрилло, отскочивъ шага на два назадъ, выпучилъ страшно глаза и заблеялъ по-козлиному.

Разъяренный, забывъ, что онъ во дворцѣ, кабинетъ-министръ замахнулся на шута тростью... ударъ былъ силенъ и пришелъ въ шутовскую харю... Съ ужаснымъ крикомъ растянулся Педрилло; кровь полила изъ носу струею.

— Кровь! кровь! убилъ!..—раздалось по дворцу.

Тревога, бѣготня, шумъ. Прислуга, лекаря, придворные, все смѣшалось, все составило новый, грозный обвинительный актъ противъ кабинетъ-министра.

Шута, вскорѣ оживленнаго, прибрали. Но черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ фельдмаршалъ Минихъ и объявилъ Волынскому отъ имени ея императорскаго величества, чтобъ онъ вручилъ ему свою шпагу и немедленно возвратился домой, гдѣ ему назначенъ арестъ. Это объявленіе сопровождалось дружескимъ и горестнымъ пожатіемъ руки.

— Графъ!—отвѣчалъ Волынскій, отдавая ему свою шпагу и гофъ-лакею свою трость, — участь моя рѣшена... Отъ васъ Россія имѣетъ право ожидать, чтобы вы докончили то, что внушила мнѣ любовь къ отечеству и что я испортилъ моею безумною страстью... Избавьте ее отъ злодѣя и шутовъ, и поддержите славу ея...

Когда онъ возвращался домой, нѣсколько лю, остановили его карету.

— Спасайся, нашъ отецъ, — говорили они, — д. твой окруженъ крѣпкимъ карауломъ. Отпряжемъ шадей и ускачемъ отъ бѣды.

Digitized by Google

— Благодарю, друзья мои, — отвѣчалъ Артемій Петровичъ, и велѣлъ кучеру ѣхать прямо домой.

Плѣнникъ самъ отдался стражѣ. На дворѣ успѣлъ онъ только проститься съ Зудою, котораго увлекали. Въ прихожей встрѣтили его объятія жены, забывшей все прошедшее при одной вѣсти, что мужъ ея въ несчастіи. Она узнала отъ Зуды благородный поступокъ Артемія Петровича по случаю предложенія государыни жениться на княжнѣ Лелемико

Судъ продолжался нѣсколько дней. Не всѣ формы были соблюдены. Но Волынскаго и друзей его велѣно осудить, и кто смѣлъ отступить отъ этого повелѣнія?.. Къ прежнимъ обвинительнымъ пунктамъ присоединили и пролитіе крови во дворцѣ. Одинъ изъ судей (Ушаковъ), подписывая смертный приговоръ, заливался слезами.

Съ этимъ приговоромъ герцогъ курляндскій явился къ государынѣ.

— Что несете вы мнѣ? — спросила она дрожащимъ голосомъ и вся поблѣднѣвши.

— Смертный приговоръ мятежникамъ, — отвѣчалъ онъ съ грозною твердостью.

— Ахъ! Герцогъ, въ немъ написана и моя смерть... Вы рѣшились отравить послѣдніе дни моей жизни...

Государыня заплакала.

— Я желаю только вашего благополучія и славы! Впрочемъ, на всякій случай, я изготовилъ другое рѣ-
ніе.

Биронъ, трясясь въ ужасномъ ожиданіи, подалъ ей
ую бумагу.

— Что это значитъ? — вскричала Анна Іоанновна, —
нь ваша?.. И вы даете мнѣ выбирать?..

Digitized by Google

— Ту голову, которая для васъ дороже. Я не могу пережить униженіе закона и честь вашу.

— Господи! Господи! что должна я дѣлать?.. Герцогъ, другъ мой! сжальтесь надо мною... мнѣ такъ мало остается жить... я прошу васъ, я васъ умоляю...

Государыня внѣ себя ломала себѣ руки. Биронъ былъ неумолимъ. Въ эти минуты онъ истощалъ все свое краснорѣчіе въ защиту чести, закона, престола... Злодѣй восторжествовалъ. Четыре роковыя буквы: «*Анна*», подписаны рукою полуумирающей.. Слезы ея испятнили смертный приговоръ.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

РАЗВЯЗКА

Во все время, пока продолжался судъ, Наталья Андреевна не отходила отъ своего мужа, утѣшала его, какъ могла, читала ему псалмы, молилась съ нимъ и за него. Послѣдніе часы его были услаждены этимъ ангеломъ, посѣтившимъ землю, не принявъ на ней ничего земного, кромѣ человѣческаго образа. Она понемногу облегчала для него ужасный путь.

Наступилъ роковой часъ. Прислали — кого-жъ? — Подачкина — взять бывшаго кабинетъ-министра изъ-подъ домашняго ареста, чтобы до исполненія приговора держать его въ крѣпости.

— Безумцы! — сказалъ, горько усмѣхаясь, Волынскій, когда надѣвали на него цѣпи, — они думаютъ оскорбить меня, подчинивъ надзору бывшаго моего ти! Я ужъ не земной, а *тамъ* не знаютъ ни орбленій, ни цѣпей.

Только при видѣ жены, лежавшей безъ памяти на огѣ и загородившей ему собой дорогу, онъ потеъ твердость. Обливъ слезами ея ледяныя руки, по-

Digitized by Google

вергнулся предъ образомъ Спасителя, молился о ней, поручилъ ее, съ младенцемъ своимъ, милостямъ и покровительству Царя Небеснаго.

— Будь имъ отецъ вмѣсто меня! Если у меня будетъ сынъ, научи его любить отечество выше всего и...

Только Богъ слышалъ остальныя слова.

— Я хотѣлъ просить ея благословенія, — сказалъ онъ, когда толкнулъ его грубо Подачкинъ и напомнилъ, что время идти, — но видно, я недостоинъ и его...

— Прости мнѣ, хоть заочно, — прибавилъ онъ; съ грустью еще разъ поцѣловалъ ея руку, и перешагнулъ черезъ нее...

На дворѣ ожидало его новое горестное зрѣлище. Вся дворня, отъ малаго до большого, выстроилась въ два ряда. Все плакало навзрыдъ; всѣ цѣловали его руки, прощались съ нимъ, молили Отца Небеснаго помиловать ихъ отца земного. Каждаго обнялъ онъ, всѣхъ умолялъ служить Натальѣ Андреевнѣ, какъ ему служили... не покидать ея въ случаѣ невзгоды...

Умолчу объ ужасномъ заточеніи, объ ужасныхъ пыткахъ... скажу только: онѣ были достойны сердца временщика.

Наконецъ, день казни назначенъ.

Къ лобному мѣсту, окруженному многочисленнымъ народомъ, привезли сначала Волынскаго, потомъ тайнаго совѣтника Щурхова, въ красномъ колпакѣ и тиковой фуфайкѣ (не знаю какъ, очутились тутъ же и четыре польскія собачки его; вѣрнаго Ивана не д. стили); прибыли на тотъ же пиръ сѣдовласый (с торъ) графъ Суминъ-Купшинъ, неразлучный съ . (гофъ интендантъ) Перокинъ и молодой (кабинет кретарь) Эйхлеръ. Какое отборное общество! "

Digitized by Google

все, что было благороднѣйшаго въ Петербургѣ!.. Недоставало только одного... Друзья осматривались, какъ будто искали его.

— Гдѣ-жъ Зуда?—спросилъ Эйхлеръ.

— Онъ сосланъ въ Камчатку,—отвѣчалъ офицеръ, наряженный въ экзекуцію [1]).

— Благодареніе Богу!—воскликнулъ съ чувствомъ Волынскій,—хоть однимъ меньше!

Негодованіе вылилось на лицѣ Эйхлера.

— А развѣ меня выкинете изъ вашего счета?—сказало новое лицо, только-что приведенное на лобное мѣсто (это былъ служка несчастнаго архіепископа Ѳеофилакта),—по крайней мѣрѣ, я благодарю Господа, что дозволилъ мнѣ умереть не посреди рабовъ временщика. Утѣшьтесь! мы идемъ въ лоно Отца Небеснаго.

Друзья, старые и новый, обнялись, прочитали съ умиленіемъ молитву, перекрестились и ожидали съ твердостью смерти.

Сначала пала рука Волынскаго, потомъ три окровавленныя головы (его, Щурхова и Перокина). Эйхлеръ и служка не удостоены этой чести: ихъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь, въ каторжную работу. Графу Купшину (по лишеніи его чиновъ!..) отрѣзали языкъ и дали паспортъ въ вѣчную ссылку. Видно было по знакамъ его, что онъ просилъ смерти.

Участь Зуды облегчена, безъ всякаго однакожъ со стороны домогательства, потому только, что онъ въ самомъ началѣ ьбы Волынскаго съ Бирономъ уговаривалъ перваго не вступать иее. До ссылки наказанъ онъ однакожъ плетьми. Од у участь и одно же время съ Эйхлеромъ имѣлъ генералъ-кригскомисаръ ..новъ.

Digitized by Google

Въ это время раскаленное ядро солнца съ какимъ-то пламеннымъ рогомъ опускалось въ тревожныя волны Бельта, готовыя его окатить [1]); заливъ, казалось, подернулся кровью. Народъ ужаснулся... «Видно, передъ новой бѣдой», — говорилъ онъ, расходясь.

Все мертвое отвезли на телѣгѣ, подъ рогожкою, на Выборгскую сторону, ко храму Сампсона Страннопріимца [2]); все живое выпроводили, куда слѣдовало.

Преданіе говоритъ, что на первомъ этапѣ нашли Эйхлера, плавающаго въ крови, и подлѣ него ржавый гвоздь, которымъ онъ себя умертвилъ.

Со дня казни полиція безпрестанно разбирала въ дракѣ людей Волынскаго, пустившихся въ пьянство, съ людьми Бирона. Неугомонныхъ принуждены были выслать изъ города, а нѣкоторыхъ наказать плетьми.

Отъ всего этого разрушенія осталась одна несчастная Волынская — Божье дерево, выжженное почти до корня ужасною грозою. Она дала слово жить для своего младенца — и исполнила его.

Все имѣніе осужденныхъ было взято въ казну. Женѣ бывшаго кабинетъ-министра оставили дворовъ пять въ какомъ-то погостѣ, удаленномъ отъ Петербурга. За нею просились всѣ дворовые люди; но позволили идти только двумъ старикамъ.

Ледяной домъ рухнулся; уцѣлѣвшія льдины развезены по погребамъ. Въ домѣ Волынскаго, прежде столь шумномъ и веселомъ, вылъ вѣтеръ. Народъ говорилъ, что въ немъ поселился духъ...

---

1) Послѣ жестокихъ морозовъ была оттепель, отъ чег
ливѣ переломался ледъ.

2) Выстроенному Петромъ I-мъ въ память побѣды, одер
подъ Полтавою.

Digitized by Google

Когда растаялъ снѣгъ, на берегу Невы оказался весьма хорошо сохранившійся трупъ человѣка съ бритой головой и хохломъ... Подъ смертною казнью запрещено было говорить объ этой находкѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЭПИЛОГЪ

..Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о тебѣ, сохранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ.

Пс. XC., ст. 11.

Анна Іоанновна недолго пережила казнь Волынскаго. Чтобы сдѣлаться правителемъ Россіи, Бирону недоставало только имени: исторгнувъ его отъ умирающей государыни, предсказавшей вмѣстѣ съ этимъ паденіе своего любимца, *регентъ* недолго пользовался своею грозною, хищническою властью. Слово мученика не прошло мимо. Кто не знаетъ объ ужасной ночи, въ которую, подъ неучтивыми ружейными прикладами, стащили его за волосы съ пышной, дворцовой постели, чтобы отправить въ Сибирь, по пути, протоптанному тысячами его жертвъ! Кто не слыхалъ объ этой ночи, въ которую жена его, столь надменная и пышная, предана поруганію солдатъ, влачившихъ по снѣгу, въ самой легкой, ночной одеждѣ? За щъ, чтобы прикрыть свою наготу, отдала бы она да всѣ свои бриллiанты!.. Минихъ совершилъ это о, можетъ быть оплодотворивъ въ сердцѣ своемъ мена, брошенныя на него Волынскимъ.

Digitized by Google

Мелькнула на ступеняхъ трона и неосторожно оступилась на немъ Анна Леопольдовна, это миловидное, простодушное дитя-женщина, рожденная не для управленія царствомъ, а для нѣги и любви. Россія ждала *свою*, родную царицу, дочь Петра Великаго, и Елисавета Петровна однимъ народнымъ именемъ умѣла въ нѣсколько часовъ пріобрѣсть державу, которую оспаривала у ней глубокая, утонченная, хотя и своекорыстная, политика, умѣвшая постигнуть русскій умъ, но не понимавшая русскаго сердца.—«*Вы знаете, чья я дочь?*—сказала она горсти русскихъ, и эта горсть, откликнувшись ей роднымъ привѣтомъ *матери*, въ одну ночь завоевала для нея вѣнецъ, у ней несправедливо отнятый.

Чего не могла сдѣлать государыня по сердцу народа? Она сбросила съ него цѣпи, заживила раны его, сорвала черную печать, которою сердце и уста были запечатаны, успокоила его на счетъ *Православія*, которымъ онъ такъ дорожитъ, воскрылила побѣду, дала жизнь наукамъ, поставивъ сердце Россіи краеугольнымъ камнемъ [1]) того храма, которое, съ ея времени, въ честь ихъ такъ великолѣпно воздвигается. Она — чего намъ забыть не должно — своимъ примѣромъ, внушивъ нѣмецкой княжнѣ, что можетъ *народность* надъ сердцемъ русскаго, подарила насъ великою государынею, которая потому только въ исторіи нашей не стоитъ на первомъ мѣстѣ, что оно было занято Петромъ безпримѣрнымъ. Тотчасъ по вступленіи сво на престолъ, Елисавета спѣшила посѣтить въ г

[1]) Московскій университетъ.

Digitized by Google

номъ, мрачномъ заключеніи тверского архіепископа Ѳеофилакта.

— Узналъ ли ты меня?—спросила она, снимая съ него желѣза.

— *Ты искра Петра Великаго!*—отвѣчалъ старецъ, и умеръ вскорѣ, благословляя Провидѣніе, дозволившее ему увидѣть на русскомъ престолѣ народную царицу.

Русскій геній поэзіи и краснорѣчія, въ лицѣ холмогорскаго рыбака, привѣтствовалъ ея царствованіе первыми гармоническими, сладкозвучными стихами и первою благородною прозой. Но лучшею одою, лучшимъ панегирикомъ Елисаветѣ были благословенія народныя. Вскорѣ забыли о кровавой бироновщинѣ, и развѣ въ дальнихъ городахъ и селахъ говорили о ней, какъ теперь говорятъ о пугачевщинѣ; да развѣ въ хижинахъ, чтобы унять плачущихъ ребятъ, пугали именемъ *басурмана-буки*.

Здѣсь долженъ я, однакожъ, разсказать одно происшествіе, которое невольно напоминаетъ намъ грознаго временщика.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1743 года, когда, вмѣстѣ съ жителями Петербурга, улыбалась и природа, подходили отъ московской стороны къ Исаакію Далматскому три лица, на которыхъ наблюдательный взоръ невольно долженъ былъ остановиться, которыя живописецъ вырвалъ бы изъ толпы, тутъ же сновавшей, чтобы одушевить ими свой холстъ. Впереди шла ...естьянка, повидимому лѣтъ тридцати. Несмотря на ...добу ея и темный загаръ, напоминающій картины ...ческаго *письма*, взоръ вашъ сейчасъ угадалъ бы, ... она была нѣкогда красавица; сердце и теперь на...ло бы ее прекрасною — столько было души въ ея

Digitized by Google

печальныхъ взорахъ, такъ много было возвышеннаго, благороднаго, чего-то небеснаго, разлитаго по ея интересной физіономіи. Это благородство въ чертахъ, какая-то покорность своему жребію, несвойственная черни, и руки, хотя загорѣлыя, но чрезвычайно нѣжныя, не ладили съ ея крестьянской одеждой. За нею шелъ сѣдовласый старикъ, что-то въ родѣ отставного солдата, въ сѣромъ балахонѣ и въ бѣломъ, чистомъ галстукѣ, въ лаптяхъ и съ бритой бородой. Онъ имѣлъ одно изъ тѣхъ счастливыхъ лицъ, по которому, съ перваго взгляда, вы поручили бы ему свои деньги на сохраненіе, свое дитя подъ надзоръ. Онъ и несъ на рукахъ дитя, лѣтъ трехъ, смугло-розовое, съ черными кудрями, завитыми въ кольца, съ черными, острыми глазами, которые, казалось, все допытывали, все пожирали. «Прекрасный цыганенокъ!» — сказали бы вы. Между тѣмъ въ немъ было что-то такое, почему-бъ вы его тотчасъ признали за барскаго сына. Обвивъ лѣвою рукою шею старика, онъ то прижимался къ нему, когда встрѣчалъ экипажъ, съ громомъ на нихъ наѣзжавшій, то ласково трепалъ его рученкою по щекѣ, миловалъ его, то съ любопытствомъ указывалъ на высокіе дома и церкви, на флаги кораблей, на золотую иглу адмиралтейскаго шпица.

— Это что, дядя, это что? — спрашивалъ онъ, поворачивая за подбородокъ голову старика, куда ему нужно было.

На лицѣ послѣдняго тяжелыми слоями лежала чаль, такъ же какъ и на лицѣ молодой женщины· замѣтно было, что онъ, вызываемый изъ своего смурнаго состоянія живыми вопросами малютки, лился улыбнуться, чтобы не огорчить его. Н-

Digitized by Google

большею бережью и заботливостью несъ бы онъ царское дитя.

У паперти Исаакіевской церкви остановились они. Дверь въ церковь была отворена; въ темной глубинѣ ея мелькала отъ лампады свѣтлая, огненная точка. Молодая женщина взяла малютку съ рукъ пѣстуна его, велѣла ему молиться и сама положила три глубокихъ земныхъ поклона. Когда она встала, въ глазахъ ея блистали слезы. Потомъ вынула изъ сумочки, на поясѣ висѣвщей, свернутую, крошечную бумажку и три гроша и, отдавая ихъ слугѣ, сказала: — «поскорѣй! намъ надо поспѣшать къ обѣднѣ». — Слуга вошелъ въ церковь, гдѣ причетъ готовился къ священнослуженію, отозвалъ къ себѣ дьячка, вручилъ ему бумажку и два гроша, на третій взялъ восковую свѣчу, поставилъ ее предъ образомъ Спасителя и, положивъ предъ нимъ три земныхъ поклона, возвратился къ молодой женщинѣ. Дьячокъ передалъ бумажку священнику, а тотъ, развернувъ ее при свѣтѣ лампады, прочелъ вслухъ: — *«за упокой души рабы Божьей Маріи»* — и прибавилъ лаконическое — «будетъ исполнено!»

Молодая женщина сама ужъ взяла на руки дитя, несмотря на заботливыя предложенія слуги понести это бремя. Потомъ вся эта занимательная группа побрела далѣе, чрезъ дворцовую площадь, въ какомъ-то сумрачномъ благоговѣніи, молча, съ поникшими въ землю взорами, какъ будто шла на поклоненіе святымъ мѣамъ. Самъ малютка, смотря на пасмурное лицо молодой женщины, долго не смѣлъ нарушить это благочестивое шествіе. Но противъ дворца необычайность поразившаго его зрѣлища заставила его вскрикнуть:

— Мамаша, мамаша! посмотри, что это такое?

Digitized by Google

Мать оглянулась, куда указывало дитя, и увидѣла въ двухъ шагахъ отъ себя что-то безобразное, изуродованное, въ лохмотьяхъ, похожее на цыганку. Эти развалины живого человѣка лежали въ двухколесной телѣжкѣ, которую везъ старикъ, цыганъ. Грозно приподнявъ на него палку, полицейскій служитель кричалъ, чтобъ они съѣзжали съ дворцовой площади и никогда на ней не показывались; что имъ уже давно велѣно изъ Петербурга вонъ. Повидимому, цыганка была лишена ногъ. Въ дикихъ глазахъ ея выражалось совершенное разстройство ума. Она дѣлала разныя движенія рукой, указывая на дворецъ, и бормотала какія-то привѣтствія какой-то княжнѣ, называя ее самыми нѣжными именами. Когда цыганъ хотѣлъ везти ее далѣе, безумная приходила въ бѣшенство, и тотъ принужденъ былъ уступать, увѣряя полицейскаго солдата, что они сейчасъ съѣдутъ, лишь бы ему немного вздохнуть.

Поравнявшись съ ними, молодая крестьянка, — или та, которую мы за нее принимаемъ, — бросила во имя Христа въ телѣжку нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Будто гальванической силой приподняло цыганку при взглядѣ на ребенка.

— Подай, подай мнѣ!.. это *его* сынъ... — закричала она такъ, что мать въ испугѣ бросилась бѣжать, озираясь частенько, не выскочила ли изъ телѣжки ужасная женщина, не преслѣдуетъ ли ее...

Потерявъ цыганъ изъ виду, она перекрестилась замѣтно было, что какія-то мрачныя думы тревож ее во всю дорогу, и шаги ея, прежде твердые, с запинаться. Чаще взглядывала она на свое дитя, нѣжнѣе прижимала его къ груди.

Digitized by Google

Путь ихъ былъ на Выборгскую сторону.

Они спѣшили. День былъ жаркій. Лицо молодой женщины разгорѣлось, щеки малютки алѣли, слуга убѣждалъ отдать ему драгоцѣнное бремя, но мать не соглашалась, какъ бы боясь поручить его хилымъ рукамъ старика, изъ которыхъ какая-нибудь новая цыганка могла бы вырвать.

Вотъ они ужъ на Выборгской сторонѣ, вотъ и у церкви Сампсона Странопріимца. Благоговѣйный ужасъ выразился на лицахъ пилигримовъ, когда они черезъ ворота вошли въ ограду. Здѣсь представился имъ погостъ, усыпанный многочисленными возвышеніями, изрытыми смертью, этимъ всемірнымъ, неутомимымъ кротомъ, — гостиница, гдѣ для всякаго новаго пріѣзжаго и прихожаго всегда найдется приличная почивальня, на которую ни одинъ изъ нихъ еще не жаловался. И почти надъ всякимъ возвышеніемъ по камню, положенному будто изъ боязни, чтобы принятый землею не возвратился на нее! И на каждомъ крестъ, знаменіе жизни земной и стремленія къ небу!.. Съ трепетомъ оглянулись путники на могилу у самыхъ воротъ... молодая женщина поблѣднѣла, губы ея посинѣли и руки затряслись такъ, что она была готова уронить свое дитя. Слуга успѣлъ принять его и опустить возлѣ себя на землю. Рыдая, пала странница на могилу и долго, очень долго лежала на ней безъ чувствъ. Старикъ стоялъ на колѣнахъ; онъ молился... слезы текли изрытымъ его щекамъ. Дитя плакало и, уцѣпившись ченками за платье матери, силилось приподнять ее.

Эта крестьянка была — Наталья Андреевна Волыня; это дитя — былъ ея сынъ, старикъ — слуга ея іѣстунъ малютки.

Digitized by Google

Наталья Андреевна пришла въ Петербургъ, куда вызвало ее правительство для возвращенія ей имѣнія, отнятаго въ казну во время бироновщины. Первымъ дѣломъ ея, по прибытіи въ городъ, было идти на святую для нея могилу.

Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ. Стараніями усерднаго служителя приведена она въ себя. Она перекрестилась, стала на колѣна, схватила сына и, наклонивъ его голову на могилу, говорила ему, нерѣдко прерывая свою рѣчь рыданіями:

— Здѣсь лежитъ отецъ твой... молись за упокой души его... скажи: «папенька! благослови меня съ того свѣта!»

И дитя твердило:

— Папенька! благослови меня съ того свѣта..

— О, милый, незабвенный другъ! видишь, я исполнила обѣтъ свой... я дала тебѣ сына... посмотри — онъ весь въ тебя... благослови насъ, милый мученикъ!.. Кабы не онъ, я давно бъ лежала здѣсь подлѣ тебя.

Вдохновенная своею любовью, она, казалось, видѣла кого-то сходящаго съ неба, и глаза ея блистали дивнымъ, неизъяснимымъ восторгомъ.

Слуга напомнилъ, что пора къ обѣднѣ. Въ самомъ дѣлѣ, она началась, и Волынская, бросивъ еще взглядъ на бугоръ, гдѣ, казалось, почивало существо, для нея безцѣнное, шатаясь побрела съ своимъ младенцемъ въ церковь. Тамъ дьячокъ читалъ ужъ Апостолъ. Кр[illegible] двухъ, трехъ старухъ, богомольцевъ никого не б[illegible] Невольно взглянулъ чтецъ на пришедшихъ... и что[illegible] онъ смѣшался .. голосъ его началъ прерываться, б[illegible] и болѣе, наконецъ слезы задушили его.

Digitized by Google

— Что съ тобой? — спросилъ священникъ съ неудовольствіемъ.

Этотъ выговоръ заставилъ его оправиться; кое-какъ докончилъ онъ чтеніе. Нерѣдко вглядывался въ него и слуга Волынскаго.

По окончаніи обѣдни, когда Наталья Андреевна просила отслужить панихиду на могилѣ мужа, дьячокъ бросился цѣловать у ней руки и сказалъ:

— Матушка, Наталья Андреевна, вы не узнали меня?.. А помните ли тайнаго совѣтника Щурхова... пріятель былъ вашего сожителя и положилъ вмѣстѣ съ нимъ голову: я Иванъ... бывшій дворец...

Дьячокъ не договорилъ, и залился опять слезами.

Это былъ вѣрный служитель благороднаго, возвышеннаго чудака въ красномъ колпакѣ. Онъ выучился исправно читать и опредѣлился дьячкомъ къ той церкви, при которой былъ погребенъ его баринъ. Онъ не хотѣлъ разстаться и съ прахомъ его.

Съ любовью сестры Наталья Андреевна обняла Ивана и *представила* ему своего сына.

Можно догадаться, съ какимъ чувствомъ пѣлъ онъ похоронныя пѣсни при служеніи панихиды.

По окончаніи ея, повелъ онъ Волынскую на могилу.

— Здѣсь лежатъ косточки моего барина... — началъ онъ, и опять не договорилъ.

Немного погодя, оправившись, продолжалъ:

— Ахъ! матушка, кабы вы знали, какъ все его-то для меня дорого... Обноски его берегу, словно зеницу ока... Двѣ польскія собачки и теперь живутъ со мною; двухъ другихъ — повѣрите ли? — не могъ оттащить отъ его могилы; на ней, бѣдненькія, и издохли...

Digitized by Google

Съ того времени видали очень часто молодую, знатную барыню, всю въ черномъ, съ маленькимъ сыномъ, на могилѣ Волынскаго. На ней, казалось, она состарѣлась, на ней выростила и воспитала его.

Слышно было вскорѣ, что въ Рыбачьей слободѣ умерла какъ-то сумасшедшая цыганка, и что ея товарищъ ускакалъ, Богъ вѣсть куда, на кровномъ конѣ, котораго укралъ съ бывшей конюшни Бирона.

КОНЕЦЪ ВОСЬМОГО ТОМА.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОГО ТОМА

стр.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

Часть третья и четвертая 1

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google